

№ 3, 2019

Volume 3, 2019

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLIGENCE. INNOVATIONS. INVESTMENT

ISSN 2077-7175

doi 10.25198/2077-7175

ПШ № ФС77-63471

<http://intellekt-izdanie.osu.ru>

ГОСТИ НОМЕРА

Ф.Г. Альжанова, доктор экономических наук, заведующий отделом, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Ф.М. Днишев, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ И СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

GUESTS OF VOLUME

F.G. Alzhanova, Doctor of Economics, Head of Department, Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

F.M. Dnisev, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Scientific Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

PROBLEMS OF MODERNIZATION AND STRUCTURAL CHANGES IN KAZAKHSTAN AND THE EAEU COUNTRIES

ISSN 2077-7175

doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ № 3, 2019

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Журнал основан в 2008 году.

Academic journal appeared in 2008.

Учредитель:
**федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Оренбургский
государственный университет»**

Established by:
**Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»**

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Academic journal «Intellect. Innovation. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of Registration PI № FS 77-63471, 30.10.2015

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по специальностям 05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте; 05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта; 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности); 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика; 09.00.01 – Онтология и теория познания; 09.00.03 – История философии; 09.00.04 – Эстетика; 09.00.05 – Этика; 09.00.08 – Философия науки и техники; 09.00.11 – Социальная философия; 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры; 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the field of: 05.22.01 – Transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport; 05.22.10 – Operation of road transport; 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and field of activity); 08.00.10 – Finance, money circulation and credit; 08.00.12 – Accounting, statistics; 09.00.01 – Ontology and the theory of knowledge; 09.00.03 – History of Philosophy; 09.00.04 – Aesthetics; 09.00.05 – Ethics; 09.00.08 – Philosophy of science and technology; 09.00.11 – Social philosophy; 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture; 09.00.14 – The philosophy of religion and religious studies.

Журнал включен в системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), ВИНТИ РАН, CrossRef.

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), VINITI RAS, CrossRef.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» – 55192

The subscription index for the joint catalog «Press of Russia» – 55192

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна. Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required. All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review. Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).

The editors are guided by the recommendations of the Ethics Committee for Scientific Publications. (Committee on Publication Ethics).

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Ж.А. Ермакова, член-корреспондент РАН, д.э.н. профессор, ректор,
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, к. физ-мат. н., доцент, Оренбургский
государственный университет, г. Оренбург, Россия

Редакционный совет

08.00.00 – экономические науки

Архипова М.Ю., д.э.н., профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Вегера С.Г., д.э.н., профессор, первый проректор, Полоцкий государственный университет, Республика Беларусь

Елисеева И.И., член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Ивантер В.В., академик РАН, д.э.н., профессор, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва, Россия

Носов В.В., д.э.н., профессор кафедры экономики и управления, Московский государственный университет технологий и управления им. Г.К. Разумовского, г. Москва, Россия

Осипов В.С., д.э.н., доцент, профессор кафедры управления рисками и страхования, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Попова Е.М., д.э.н., профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Цветков В.А., член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, директор Института проблем рынка РАН, г. Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д.э.н., профессор, заведующий отделом исследований региональных социально-экономических систем, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия

Селз Н., доктор философии, Университет Стерлинга, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

09.00.00 – философские науки

Марков Б.В., д.ф.н., профессор кафедры философской антропологии Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Миронов В.В., член-корреспондент РАН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, декан философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Олимов К., академик АН Республики Таджикистан, академик Международной Академии высших школ, д.ф.н., профессор, Институт философии, политологии и права им. А. Баховадинова АН Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., академик РАН, д.ф.н., профессор, директор Института философии РАН, г. Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д.ф.н., профессор департамента прикладной политологии, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия

Федорова Т.д., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой правовой информатики и социально-гуманитарных дисциплин, Поволжский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Саратов, Россия

05.22.00 – транспорт

Володькин П.П., д.т.н., доцент, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д.т.н., доцент, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Набережные Челны, Россия

Базил П., доктор технических наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Редакционная коллегия

08.00.00 – экономические науки

Балтина А.М., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Береговая И.Б., к.э.н., доцент кафедры маркетинга, коммерции и рекламы, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Боброва В.В., д.э.н., доцент, директор Института менеджмента, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д.э.н., профессор кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., к.э.н., доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д.э.н., профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Сабитова Н.М., д.э.н., профессор кафедры экономики и финансов Института управления, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Цыпин А.П., к.э.н., доцент кафедры статистики и эконометрики, Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Россия

Черненко В.А., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой корпоративных финансов и оценки бизнеса, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Шепель В.Н., д.э.н., профессор кафедры управления и информатики в технических системах, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Юматов А.С., к.э.н., доцент, заведующий кафедрой менеджмента организации, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Оренбург, Россия

09.00.00 – философские науки

Беляев И.А., д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Максимов А.М., д.ф.н., профессор кафедры истории и философии, Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург, Россия

Рахматуллин Р.Ю., д.ф.н., профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Россия

Федяев Д.М., д.ф.н., профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

05.22.00 – транспорт

Ларин О.Н., д.т.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, г. Москва, Россия

Рассоха В.И., д.т.н., доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д.т.н., профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, г. Пенза, Россия

Султанов Н.З., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой систем автоматизации производства, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д.т.н., профессор, заведующий кафедрой техносферной безопасности, директор НИИ Энергоэкологических проблем, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Россия

Якунин Н.Н., д.т.н., профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

J.A. Ermakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Rector,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor, Orenburg
State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

08.00.00 – Economic Sciences

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economics, Professor, Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Wegera S.G., Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector, Polotsk State University, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Ivanter V.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, scientific researcher of Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Nosov V.V., Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Moscow State University of Technology and Management named after G.K. Razumovsky, Moscow, Russia

Osipov V.S., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Risk Management and Insurance, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Popova E.M., Doctor of Economics, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Research of Regional Socio-Economic Systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Scelles N., PhD, University of Stirling, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

09.00.00 – Philosophical Sciences

Markov B.V., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Mironov V.V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Dean of the Faculty of Philosophy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Olimov K., Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., professor, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor of applied politology, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Fedorov T.D., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Legal Informatics and Social and Humanitarian Disciplines, Volga Law Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Saratov, Russia

05.22.00 – Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Automotive Transport Operation, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil P., Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Editorial team

08.00.00 – Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Beregovaya I.B., Ph.D., Associate Professor, Department of Marketing, Commerce and Advertising, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyuk N.K., Doctor of Economics, Professor, Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontyeva L.S., Doctor of Economics, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Finance, Institute of Management, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Tsypin A.P., Ph.D., Associate Professor, Department of Statistics and Econometrics, Samara State University of Economics, Samara, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Corporate Finance and Business Assessment, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Shepel V.N., Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Computer Science

Yumatov A.S., Ph.D., Associate Professor, Head of the Organization Management Department, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

09.00.00 – Philosophical Sciences

Belyaev I.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culturology and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Maksimov A.M., Doctor of Philosophy, Professor, Department of History and Philosophy, Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia

Rakhmatullin R.Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

Fedyayev D.M., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

05.22.00 – Transport

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Leading Researcher, Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Production Automation Systems, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Technosphere Safety Department, Director of the Research Institute of Energy Ecological Problems, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

---

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТИ НОМЕРА

Ф.Г. Альжанова, Ф.М. Днишев

Проблемы модернизации и структурные изменения в Казахстане и странах Евразийского экономического союза 10

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.И. Кривцов, А.М. Измайлов, А.В. Заступов, А.В. Евстратов

Влияние цифровизации на развитие фармацевтической промышленности 19

В.Б. Кондусова, В.А. Бахина

Вариационный анализ рынка труда в административно-территориальных образованиях Оренбургской области 27

С.М. Крымов, М.В. Кольган

Структурные изменения в цепочке товародвижения под влиянием новых информационных возможностей 36

А.А. Мусина, Ж.Т. Шакирова

К вопросу о стабилизации курса национальной валюты 43

Ю.М. Полякова

Роль массовой коллаборации в развитии общества, бизнеса и государства 49

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

В.А. Гончарова

Роль описания и объяснения в изменении нормативных границ научного познания 58

П.Н. Кондрашов

Онтологические уровни целостности человека в философии Карла Маркса 64

В.А. Кузьменков

Способы нейтрализации аномии 72

М.В. Мананникова

Проблема тоталитарности современной личности 77

В.В. Миронов

Метафизика не умирает (Хайдеггер и его защита метафизики) 84

К. Олимов, В.А. Бажанов, Б.В. Марков, А.М. Максимов, Р.Ю. Рахматуллин, И.А. Беляев, Г.Л. Тульчинский, С.Н. Некрасов, А.И. Столетов
Самоопределение философа 98

Ю.М. Резник

Социальная проблема как единица теоретического анализа и предмет деятельности социального государства (онтологический подход) 114

М.С. Теплых, М.П. Ахметзянова

О многогранности понятий «проблема» и «проблематизация» в философском дискурсе 126

S.V. Orlov, N.A. Dmitrenko

The Conception of Post-Industrial (information) society and Marxist Philosophy in Russia 131

CONTENTS

GUESTS OF THE VOLUME

F.G. Alzhanova, F.M. Dnishev

Problems of modernization and structural changes in Kazakhstan and the countries of the Eurasian Economic Union 10

ECONOMICAL SCIENCES

A.I. Krivtsov, A.M. Izmailov, A.V. Zastupov, A.V. Evstratov

Impact of digitalization on the development of the pharmaceutical industry 19

V.B. Kondusova, V.A. Bakhina

Variation analysis of the labor market in administrative-territorial formations of the Orenburg region 27

S.M. Krymov, M.V. Kolgan

Structural changes in the chain of production movement under the influence of new informational opportunities 36

A.A. Musina, Zh.T. Shakirova

On the Question of Stabilization of the National Currency Rate 43

Yu.M. Polyakova

The Role of the Mass Collaboration in the Development of Society, Business and the State 49

PHILOSOPHICAL SCIENCES

V.A. Goncharova

The role of description and explanation in changing the normative boundaries of scientific knowledge 58

P.N. Kondrashov

Ontological levels of human integrity in the philosophy of Karl Marx 64

V.A. Kuzmenkov

Ways to neutralize anomie 72

M.V. Manannikova

The Problem of the Totalitarianism of the Modern Person 77

V.V. Mironov

Metaphysics doesn't die (Heidegger and his protection of metaphysics) 84

K. Olimov, V.A. Bazhanov, B.V. Markov, A.M. Maksimov, R.Yu. Rakhmatullin, I.A. Belyaev, G.L. Tulchinsky, S.N. Nekrasov, A.I. Stoletov,
Self-determination of Philosopher 98

Yu.M. Reznik

Social problem as a unit of theoretical analysis and a subject of activity of a social state (ontological approach) 114

M.S. Teplyh, M.P. Akhmetzyanova

On the multi-variety of notion "Problem" and "Problematization" in Philosophical Discourse 126

S.V. Orlov, N.A. Dmitrenko

The Conception of Post-Industrial (information) society and Marxist Philosophy in Russia 131

ГОСТИ НОМЕРА

УДК 338.4; 331.5.024.5

DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-10

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ И СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ф.Г. Альжанова¹, Ф.М. Днишев²

Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

¹e-mail: farida.alzhanova@gmail.com

²e-mail: dfm0704@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – дать оценку динамики процесса модернизации, исходя из интенсивности изменения структуры основных секторов экономики и занятости в странах ЕАЭС.

Анализ показал, что динамика структурных сдвигов, стимулирование промышленности, в том числе обрабатывающей промышленности, не обеспечивает рост занятости в этой сфере. Выделена тенденция ускоренного роста занятости в секторе услуг. Отмечена пониженная динамика урбанизации в отдельных странах ЕАЭС по сравнению с общемировой динамикой и динамикой, складывающейся в странах со средним уровнем развития. Показано, что в секторе услуг формируется основной потенциал занятости на перспективу.

Рекомендовано, учитывая общие тенденции роста сектора услуг, цифровой трансформации, задачи ускоренной технологической модернизации и формирования наукоемкой экономики в странах ЕАЭС, обеспечить ускоренный рост высокотехнологичных и знание интенсивных услуг, развитие человеческого капитала, рост уровня и качества жизни, расширение доступа к знаниям, необходимым для производства будущего.

Ключевые слова: модернизация, структурные сдвиги, индексы структурных сдвигов, структура ВВП, структура занятости, наукоемкие услуги.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научно-технической программы «Казахстанский путь к наукоемкой экономике на основе третьей технологической модернизации: стратегия, модели и механизмы развития», выполняемой Институтом экономики КН МОН РК. Программа финансируется МОН РК.

Для цитирования: Альжанова Ф. Г., Днишев Ф. М. Проблемы модернизации и структурные изменения в Казахстане и странах Евразийского экономического союза // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 10–18. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-10.

PROBLEMS OF MODERNIZATION AND STRUCTURAL CHANGES IN KAZAKHSTAN AND THE EAEU COUNTRIES

F.G. Alzhanova¹, F.M. Dnishev²

Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

¹e-mail: farida.alzhanova@gmail.com

²e-mail: dfm0704@gmail.com

Abstract. *The purpose of the research is to assess the dynamics of the modernization process, based on varying of the change rate of structure of the economy's main sectors and employment in the EAEU countries.*

The analysis showed that the dynamics of structural changes, stimulation of the industry, including the manufacturing industry, does not provide employment growth in this area. The trend of accelerated employment growth in the services sector was revealed. The reduced dynamics of urbanization in some EAEU countries compared to the global dynamics and dynamics in countries with an average level of development was noted. It is shown that the main employment potential for the future is formed in the services sector.

Taking into account the general trends of the service sector growth, the digital transformation, the tasks of accelerated technological modernization and the formation of a knowledge-based economy in the EAEU countries, it was recommended to ensure accelerated growth of high-tech and knowledge-intensive services, human capital development, growth of the level and quality of life, expansion of access to knowledge necessary for production of the future.

Keywords: *modernization, structural changes, structural change indices, GDP structure, employment structure, high-tech and knowledge-intensive services.*

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the scientific and technical program «Kazakhstan's path to a knowledge-based economy based on the third technological modernization: strategy, models and mechanisms of development», implemented by the Institute of economics of CS MES RK. The program is funded by the MES RK.

Cite as: Alzhanova, F.G., Dnishev, F.M. (2019) [Problems of modernization and structural changes in Kazakhstan and the countries of the Eurasian Economic Union]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 10–18. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-10.

Введение

Ключевой целью создания ЕАЭС, как известно, является всесторонняя модернизация, повышение конкурентоспособности национальных экономик и создание условий для стабильного развития стран.¹

В современном мире понимание процессов модернизации выходит за рамки базовых теорий модернизации, в которых она связана в основном с индустриализацией и демократизацией. Модернизация рассматривается как «комплексный способ решения политических и управленческих, экономических и социальных, культурных и личностных задач» [8], как процесс «глубинных изменений цивилизационного характера, который совершается в различных странах под воздействием потребностей развития общества и человека, достижений науки и техники» [7]

Модернизация рассматривается как системный процесс, предполагает структурные, технологические и институциональные изменения как ответ на вызовы внешнего и внутреннего происхождения [1, 2, 3, 11].

Для стран ЕАЭС прошедший этап развития был связан в основном с институциональными из-

менениями и рыночной модернизацией. Если эти результаты вполне очевидны, то в процессы структурно-технологической модернизации достаточно противоречивы. Согласно оценкам Доклада о модернизации [8], по состоянию на 2006 год страны ЕАЭС не завершили первичную модернизацию и параллельно решали задачи вторичной модернизации. В исследованиях Лапина Н.И. отмечается спонтанность процессов модернизации в регионах России [6]. Неравномерный характер модернизации, сохранение неравенства социального и экономического развития, существенный разброс значений показателей ВВП на душу населения, средней заработной платы, уровня жизни в регионах создает риски устойчивого развития и в Казахстане [10].

Асинхронность и неравномерность модернизации обуславливают необходимость выбора разных стратегий ее продолжения применительно к странам ЕАЭС в целом и их регионам.

Так, например, Казахстан приступил к новому этапу модернизационных преобразований – модернизации 3.0. Современный этап является логическим продолжением первых двух модернизационных проектов – рыночной (1991–1997 гг.) и индустриальной модернизации (1997–2016). В ходе третьей модернизации Казахстан должен войти в число

¹ Евразийский Экономический Союз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://www.eaeunion.org (дата обращения 10.01.2018).

30 развитых государств мира к 2050 году на основе ускоренного технологического развития. Эта задача была озвучена в Послании Президента Республики Казахстан в начале 2017 года [12]. Для Казахстана достижение цели вхождения в число развитых, конкурентоспособных стран связывается с решением ряда задач, в числе которых преодоление сырьевой зависимости и увеличение доли несырьевого экспорта до 70%, создание диверсифицированного индустриального сектора, рост затрат на НИОКР до 3% к ВВП и формирование наукоемкой экономики, развитие человеческого капитала. Аналогичные задачи решают и другие страны ЕАЭС. Результаты модернизационных проектов оцениваются через целевые индикаторы принимаемых программ.

Большой интерес представляет видение того, как изменилась структура экономики стран ЕАЭС и структура занятости, какова динамика и синхронность этих процессов. Динамика модернизации также тесно связана с процессом урбанизации.

Структурные сдвиги в отраслях

Для оценки структурных сдвигов нами рассчитан ряд индексов: абсолютные показатели структурных сдвигов, индекс структурных сдвигов и скорость структурных сдвигов.

Абсолютные и относительные показатели структурных сдвигов за период с 2002–2017 годы рассчитаны на основе данных Всемирного банка (таблица 1).

Таблица 1. Структура валовой добавленной стоимости стран ЕАЭС в 2002, 2017 г., в %

Виды экономической деятельности	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017
ВДС сельского хозяйства (% к ВВП)	23,4	14,9	10,1	7,8	8,0	4,4	34,4	12,3	5,6	4,0
ВДС промышленности (% к ВВП)	35,2	25,3	31,8	32,1	35,8	32,0	21,3	26,5	29,0	30,0
ВДС обрабатывающей промышленности (% к ВВП)	15,1	10,2	26,0	22,2	14,5	11,2	13,0	15,1	15,1	11,9
ВДС Сектора услуг (% к ВВП)	30,6	51,3	44,1	46,9	50,5	57,4	36,4	50,4	53,9	56,2

Примечание: по данным World Development Indicators.

Рассмотрение динамики структурных сдвигов по основным секторам экономики показало, что достаточно динамично структурные сдвиги происходят в аграрном секторе и сфере услуг. Во всех странах ЕАЭС в соответствии с закономерностями традиционной модернизации продолжалось снижение доли сельского хозяйства, происходил рост сектора услуг. Особенно существенно это проявилось в двух странах – Армении и Кыргызстане.

Промышленность в целом, и обрабатывающая промышленность, в частности демонстрируют пониженную динамику и разную направленность в странах ЕАЭС.

В Беларуси, Кыргызстане и России в разных объемах имел место рост вклада промышленности в ВВП, то в Армении и Казахстане вклад промышленности снизился. При этом только в Кыргызстане вклад обрабатывающей промышленности в ВВП возрос. При много более мощном производственном потенциале, доля ВДС обрабатывающей промышленности России немногим больше, чем в Казахстане. Негативные тенденции в обрабатывающей промышленности отражает отрицательные значения индекса и скорости структурного сдвига (таблица 2).

Таблица 2. Динамика структурных сдвигов в валовой добавленной стоимости стран ЕАЭС в 2002–2017 г.

Виды экономической деятельности	Индекс структурного сдвига $I = (P - P_0) / P_0 * 100\%$					Скорость структурного сдвига $(V = I / T)$				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
ВДС сельского хозяйства (% к ВВП)	-36,3	-22,8	-45,0	-64,2	-28,2	-2,6	-1,6	-3,2	-4,6	-2,0
ВДС промышленности (% к ВВП)	-28,1	0,9	0,9	24,4	3,5	-2,0	0,1	0,1	1,7	0,3
ВДС обрабатывающей промышленности (% к ВВП)	-32,5	-14,6	-14,6	16,2	-21,2	-2,3	-1,0	-1,0	1,2	-1,5
ВДС Сектора услуг (% к ВВП)	67,6	6,3	6,3	38,5	4,3	4,8	0,5	0,5	2,7	0,3

Вслед за снижением доли аграрного сектора должно следовать адекватное этим сдвигам перемещение избытка рабочей силы в индустриальный сектор и сектор услуг. Но судя по динамике сдвигов, обрабатывающая промышленность, несмотря на предпринимаемые программы, снижает долю в ВВП. Перспективным, расширяющимся сектором, с которым будет связан рост занятости, становится сектор услуг. Это прослеживается не только

через рост вклада сектора услуг, но и через динамику и структуру занятости.

Структурные сдвиги в сфере занятости

Рассмотрим, как протекают структурные изменения в сфере занятости в Казахстане, начиная с 2000 года по 2017 г. (таблица 3). Используем те же индексы, которые были применены выше.

Таблица 3. Структура занятости ЕАЭС в 2002, 2017 годы, % от общей численности занятых

Занятость по видам экономической деятельности	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017
Занятые в сельском хозяйстве, %	46,6	34,3	16,8	9,9	35,5	18,0	49,1	26,7	11,3	6,7
Занятые в промышленности, %	15,7	16,0	34,5	31,2	16,3	20,7	12,0	22,2	29,5	26,9
Занятые в секторе услуг, %	37,7	49,7	48,7	59,0	48,2	61,2	38,9	51,1	59,1	66,4

Примечание – Источник World Development Indicators

Как показывают данные таблицы за рассматриваемый период доля занятых в секторе услуг в странах ЕАЭС значительно возросла. Абсолютный прирост составил в Армении – 12%, Беларуси – 10,3%, Казахстане -13%, Кыргызстане 12,2%, России – 7,3%. Достигнутый уровень соответствует уровню стран со средним доходом и доходом выше среднего. Так, например, скорость сдвигов

занятости в сфере услуг в Казахстане значительно опережает данный показатель в среднем по миру и по группе стран со средним доходом. Это позволяет сделать вывод, что в Казахстане, как и в других странах ЕАЭС в секторе услуг сегодня и на перспективу формируется основной потенциал занятости (таблица 4).

Таблица 4. Динамика сдвигов в структуре занятости стран ЕАЭС в 2002-2017 г.

Занятость по видам экономической деятельности	Индекс структурного сдвига $I=(P-P_0)/P_0*100\%$					Скорость структурного сдвига $(V=I/T)$				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Занятые в сельском хозяйстве, %	-26,3	-41,2	-49,1	-45,6	-40,9	-1,9	-2,9	-3,5	-3,3	-2,9
Занятые в промышленности, %	1,9	-9,7	-9,7	84,9	-9,0	0,1	-0,7	-0,7	6,1	-0,6
Занятые в секторе услуг, %	31,8	21,1	21,1	31,4	12,3	2,3	1,5	1,5	2,2	0,9

Если рассматривать структурные сдвиги в ВВП и занятости сами по себе, то можно отметить их общее соответствие логике модернизации. Интерес представляет соотношение структурных изменений в этих двух сферах. Оно показывает, что в эти процессы могут протекать не синхронно.

Так, например, в Казахстане сравнение структуры ВДС и занятости по секторам показывает относительно высокую избыточную занятость в сельском хозяйстве (4,1 в 2017) и относительно низкую обеспеченность промышленности рабочими местами, (таблица 5).

Таблица 5. Соотношение доли занятых в основных секторах экономики и доли ВДС сектора в ВВП

Страна	Год	Сельское хозяйство	Промышленность	Услуги
Армения	2002	2,2	0,49	1,03
	2017	2,3	0,63	0,97

Страна	Год	Сельское хозяйство	Промышленность	Услуги
Беларусь	2002	2,2	1,18	0,9
	2017	1,3	0,97	1,26
Казахстан	2002	4,9	0,46	0,88
	2017	4,1	0,65	1,07
Кыргызстан	2002	1,3	0,77	1,04
	2017	2,2	0,84	1,02
Россия	2002	1,9	1,12	1,05
	2017	1,7	0,89	1,18

Такая ситуация применительно к Казахстану отражает наличие инерции и незавершенности прошлых модернизационных преобразований, начатых еще в 20 веке, а также то, что программы индустриально-технологической модернизации, с одной стороны, сталкиваются ограничениями в области человеческого капитала, с другой стороны, мало влияют на структуру занятости.

Так, доля занятых в промышленности возросла несущественно, что подтверждает наше предположение о том, что индустриальный сектор не в состоянии обеспечить перемещение рабочей силы из аграрного сектора, а основные тенденции в области занятости будут связаны с развитием сектора услуг. Низкий уровень производительности труда в обрабатывающей промышленности также не стимулирует приток новой рабочей силы.

Низкая динамика структурной модернизации выражается в относительно медленных темпах урбанизации. С этой проблемой сегодня сталкива-

ются и страны ЕАЭС. Эти проблемы не так остры для России и Беларуси, где уровень урбанизации высок. Для развивающихся стран, активно проводящих индустриальную модернизацию характерны высокие темпы урбанизации. Так, за прошедшие 25 лет уровень урбанизации в Китае возрос в 2 раза, а к 2050 году он составит 80%. В Казахстане же динамика урбанизации остается низкой. Хотя ускорение темпов урбанизации прогнозируется после 2020 года, но доля городского населения к 2050 году будет ниже среднемирового показателя и составит 64,6% [13]. По мнению Додонова В.Ю. данная ситуация не может быть охарактеризована как урбанизация, так как не происходит устойчивого роста численного городского населения [4]. За рассматриваемый период уровень урбанизации в Казахстане, Казахстане и Кыргызстане возрос примерно на 1%. В Армении произошло сокращение доли городского населения, (таблица 6).

Таблица 6. Доля городского населения, %

Страна	2002	2017	2017/2002, %
Армения	64,24	63,1	98,2
Беларусь	70,9	78,1	110,1
Казахстан	56,2	57,3	101,9
Кыргызстан	35,3	36,1	102,4
Россия	73,3	74,3	101,3

Примечание: источник World Development Indicators.

В складывающейся структуре определенную роль играет и миграция населения. Интенсивность внешней миграции в Казахстане с 2013 г по 2017 г. заметно возросла с 1,4 до 2,1 человек на 1000 человек. При этом отрицательное сальдо внешней миграции выросло почти в 10 раз с -2234 человек в 2013 году до -22426 человек в 2017 году.² Следует отметить ухудшение структуры и качества миграции в Казахстане. Сохраняется отрицательное сальдо миграции по категории мигрантов в возрастной

категории 15 лет и старше с высшим образованием. Это, как правило, городские жители. С 2000 по 2017 год покинули страну 171434 человека с высшим образованием, а прибыло 82957 человек, таким образом накопленное сальдо составило 88477 человек, что представляет для такой страны как Казахстан огромные потери. Страной назначения большинства мигрантов из Казахстана является Россия. Можно сказать, что внутри ЕАЭС идет конкуренция за человеческие ресурсы. Положительное сальдо миграции населения с общим и основным средним образованием формируется за счет миг-

² Демографический ежегодник Казахстана 2013–2017. Статистический сборник. – Астана, 2018. – 280 с.

рантов из стран, не входящих ни в ЕАЭС, ни в СНГ. Таким образом, экономические и социальные риски миграции и избытка низкоквалифицированной рабочей силы в Казахстан весьма высоки [5].

Сокращение численности занятых в отраслях сельского хозяйства и ускорение урбанизации объективно влечет за собой спрос на широкий спектр продукции индустриального сектора. При низкой развитости обрабатывающей промышленности, рост внутреннего спроса будет вынужденно удовлетворяться за счет импорта, что также играет роль одного из факторов давления на национальную валюту. Если же темпы урбанизации будут ограничиваться, например, низкой доступностью жилья в городах, низким уровнем доходов, то это будет ограничивать социальную базу модернизации [9]. При низкой мобильности собственных ресурсов возникает необходимость привлекать иностранную рабочую силу. Для таких стран как Армения, Казахстан и Казахстан еще характерен высокий уровень самозанятости в сельской местности, который зачастую маскирует долгосрочную структурную безработицу.

Рассмотрение динамики занятости по видам экономической деятельности также подтвержда-

ет, что основной потенциал занятости в Казахстане и других странах ЕАЭС связан с сектором услуг.

В структуре современных экономик большую долю занимает широко диверсифицированный сектор услуг. В его состав входят традиционные и новые услуги. Общемировая тенденция роста сферы услуг, ее диверсификация и дальнейшая специализация привели к появлению целого ряда профессий новых профессий в последние десятилетия: проектные менеджеры, IT – консультанты, разработчики мобильных приложений, проектировщики и администраторы сетей, специалисты по кибербезопасности, целая группа креативных специалистов, онлайн консультанты и др. Основная часть новых профессий возникла в сфере услуг.

Предоставление многих видов услуг сегодня требует определенного уровня специализированных знаний, их регулярного обновления, что привело к выделению так называемых высокотехнологических и знаниеинтенсивных услуг. Статистический классификатор экономической активности Европейского союза выделяет четыре типа знаниеинтенсивных услуг (таблица 7).

Таблица 7. Высокотехнологичные и знаниеинтенсивные услуги

Высокотехнологичные услуги: Производство видео- и телевизионных программ; Программирование; Телекоммуникации; Компьютерное программирование, консалтинг; Информационные услуги; Научные исследования и разработки;	Знаниеинтенсивные финансовые услуги: Финансовые услуги, страхование, перестрахование, услуги пенсионных фондов;
Знаниеинтенсивные рыночные услуги (исключая финансы и высокотехнологичные услуги): Водный и воздушный транспорт; Юридические и бухгалтерские услуги; Услуги головных организаций, управленческие услуги; Архитектура и инжиниринг; Техническое тестирование и анализ; Реклама и исследования рынка; Другие профессиональные, научные и технические услуги; Услуги по трудоустройству; Услуги в области безопасности и следствия.	Другие знаниеинтенсивные услуги: Издательская деятельность; Ветеринария; Государственное управление и оборона; Общественная безопасность; Образование; Здравоохранение; Социальные услуги без услуг размещения; Креативные услуги (творчество, искусство); Библиотеки, музеи, культурные услуги; Спортивные и рекреационные услуги.
Примечание: составлено по Glossary: Knowledge-intensive services (KIS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/ (дата обращения 10.12.2017).	

Этот сектор постепенно формируется и в Странах ЕАЭС. В структуре ВВП Казахстана сектор знаниеинтенсивных или наукоемких услуг занимает порядка 8% в ВВП.

Перспективы модернизации стран ЕАЭС нельзя рассматривать, не учитывая готовность стран к производству будущего или цифровой трансформации производства. Согласно оценкам ВЭФ (Readiness for the Future of Production Report 2018) из 100 стран мира самым высоким уровнем готовности к производству будущего обладают 20 стран Европы и Северной Америки, а пять – в Восточной Азии [14].

Пятьдесят восемь стран, в том числе и Казахстан (62 место) демонстрируют низкий уровень готовности к будущему производства.

Этот подход представляет для нас интерес по той причине, что позволяет взглянуть на структуру наукоемкой экономики через готовность к производству будущего. В зависимости от степени готовности к цифровой трансформации производства выделяются 4 архетипа и 4 группы стран: страны-лидеры, страны с высоким потенциалом, страны-наследники, страны в стадии зарождения Индустрии 4.0 (рисунок 1).

Наиболее готовые	10	Страны с высоким потенциалом (7 стран)	Страны-лидеры (25 стран)	
		Австралия, Гонконг, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Катар, ОАЭ		Австрия, Бельгия, Великобритания, Канада, Китай, Чехия, Дания, Германия, Ирландия, Израиль, Италия, Испания, Малайзия, Нидерланды, Польша, Словения, Эстония, Финляндия, Франция, Япония, Южная Корея, Швеция, Швейцария, США
Наименее готовые	0	Страны в стадии зарождения Индустрии 4.0 (58 стран)	Страны-наследники (10 стран)	
		Армения (65), Казахстан (62), Кыргызстан (76), Кения, Кувейт, Индонезия, Иордания и др		Венгрия, Индия, Литва, Мексика, Филиппины, Румыния, Россия, Словакия, Таиланд, Турция
		0	Структура производства	10
		Базовая (ограниченная)		Комплексная (большая)

Рисунок 1. Карта готовности к производству будущего [14]

Россия в силу диверсифицированной, комплексной структуры производства имеет большие возможности для цифровой трансформации, но испытывает, как и другие страны ЕСАЭС, ограничения со стороны драйверов производства – технологии, человеческий капитал, институты. Армения, Казахстан и Кыргызстан имеют низкие структурные показатели развития экономики (низкий уровень экономической сложности и масштабы производства), слабые драйверы, что отражает низкий уровень готовности к будущему.

Выводы

Учитывая общие тенденции в расширении сектора услуг в мире, условия и перспективы индустриального развития, странам ЕАЭС следует особое внимание обратить на сектор знанияинтенсивных услуг. Рост этого сектора критически связан с качеством человеческого капитала, развитием систем создания и распространения знаний, что в свою очередь является важной предпосылкой для адаптации к условиям Индустрии 4.0.

Литература

1. Алимбаев А. А., Кенешева Г. А. Структурная модернизация экономики Казахстана // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2018. – № 11 (56). – С. 9–14.
2. Вардомский Л., Шурубович А. Факторы и модели модернизации экономик стран СНГ // *Мир Перемен*. – 2011. – № 3. – С. 43–58.
3. Додонов В. Ю. Структурная модернизация экономики Казахстана: тенденции, направления, механизмы // *Республика Казахстан: достижения независимости и взгляд в будущее: материалы конференции 14 июня 2011 г., Алматы, КИСИ при Президенте РК, 2011*. – С. 166–182.
4. Додонов В. Ю. Урбанизация в Казахстане: тенденции и влияние на рынок труда и доходы населения // *Казахстан – Спектр*. – 2017. – № 2 (80). – С. 7–21.
5. Калиева С. А., Мельдаханова М. К. Факторы повышения конкурентоспособности национальных кадров // *Экономика: стратегия и практика*. – 2018. – № 3 (47). – С. 119–125.
6. Лапин Н. И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования // *Власть*. – 2017. – № 3. – С. 25–33.
7. Лапин Н. И. Стадии, уровни и фазы модернизации регионов России, их модернизационные типы и кластеры // *Цивилизация и модернизация: материалы российско-китайской конференции*. – Москва, 2013. – С. 129–139.
8. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци / Пер. с англ. под общей редакцией Н. И. Лапина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 256 с.
9. Структурные сдвиги в Казахстане в условиях формирования наукоёмкой экономики / *Сатыбалдин*

А. А., Альжанова Ф. Г., Амрин А. К., Дюсебаева Ж. // Экономика: стратегия и практика. – 2018. – № 2 (46). – С. 6–14.

10. Сатыбалдин А. А., Нурланова Н. К. Пространственное неравенство экономики и инклюзивное развитие Казахстана: риски и возможности // Экономика: стратегия и практика. Алматы. – 2018. – № 1 (45). – С. 6–16.

11. Технологическое развитие экономики Казахстана в условиях глобализации: приоритеты и механизмы. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2012. – 332 с.

12. Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева от 31 января 2017 года.

13. World Urbanization Prospects: 2018 Revision [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://population.un.org/wup/DataQuery> (дата обращения 10.12.2018).

14. Readiness for the Future of Production Report 2018. – Geneva, WEF FORUM. – 266 p.

References

1. Alimbaev, A., Kenesheva, G. (2018) [Structural modernization of economy of Kazakhstan]. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya* [Universum: economics and law]. Vol.11(56), pp. 9–14 (In Russ.)

2. Vardomsky, L., Shurubovich, A. (2011) [Factors and models of modernization of the economies of the CIS countries]. *Mir Peremen* [World of Changes]. Vol. 3, pp. 43–58 (In Russ.)

3. Dodonov, V.Yu. (2011) [Structural modernization of the economy of Kazakhstan: trends, directions, mechanisms]. *Respublika Kazakhstan: dostizheniya nezavisimosti i vzglyad v budushcheye* [The Republic of Kazakhstan: Achievements of Independence and Looking to the Future], pp. 166–182. (In Russ.)

4. Dodonov, V. Yu. (2017) *Urbanizatsiya v Kazakhstane: tendentsii i vliyaniye na rynek truda i dokhody naseleniya* [Urbanization in Kazakhstan: Trends and Impact on the Labor Market and Population Incomes]. Kazakhstan. Spectr. Vol. 2 (80), pp. 7–21.

5. Kaliyeva, S.A., Meldakhanova, M.K. (2018) [Factors to improve the competitiveness of national manpower]. *Ekonomika: strategiya i praktika* [Economy: Strategy and Practice]. Vol. 3(47), pp. 119–125. (In Russ.)

6. Lapin, N.I. (2017) [Spontaneity of modernization in the regions of Russia and the constitutional principles of its regulation]. *Vlast' [Power]*. Vol. 3, pp. 25–33. (In Russ.)

7. Lapin, N.I. (2013) [Stages, levels and phases of modernization of the regions of Russia, their modernization types and clusters]. *Tsivilizatsiya i modernizatsiya: materialy rossiysko-kitayskoy konferentsii* [Civilization and modernization: materials of the Russian-Chinese conference]. Moscow, pp. 129–139. (In Russ.)

8. *Obzornyy doklad o modernizatsii v mire i Kitaye (2001–2010) / Gl. red. KheChuan 'tsi* [China Modernization Report Outlook (2001–2010) Ch. ed. He Chuanqi]. Trans. from English, General editorship of N.I. Lapin. Moscow, 256 p.

9. Satybalдин, A.A., Alzhanova, F.G., Amrin, A.K., Dusebaeva, Zh. (2018) [Structural shifts in Kazakhstan in the conditions of formation of a knowledge intensive economy]. *Ekonomika: strategiya i praktika* [Economy: Strategy and Practice]. Vol. 2 (46), pp. 6–14. (In Russ.)

10. Satybalдин, A.A., Nurlanova, N.K. (2018) [Spatial inequality of the economy and inclusive development of Kazakhstan: risks and opportunities]. *Ekonomika: strategiya i praktika. Almaty* [Economy: Strategy and Practice]. Vol. 1(45), pp. 6–16. (In Russ.)

11. *Tekhnologicheskoye razvitiye ekonomiki Kazakhstana v usloviyakh globalizatsii: priority i mekhanizmy* [Technological development of the economy of Kazakhstan in the context of globalization: priorities and mechanisms]. Almaty: Institute of Economics of the Committee of Sciences of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, 2012, 332 p.

12. *Tret'ya modernizatsiya Kazakhstana: global'naya konkurentosposobnost'. Poslaniye Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbayeva* ["Third Modernization of Kazakhstan: Global Competitiveness"] The President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev's Address to the Nation of Kazakhstan]. January 31, 2017

13. World Urbanization Prospects: 2018 Revision. Available at: <https://population.un.org/wup/DataQuery> (accessed 10.12.2018) (In Engl.)

14. Readiness for the Future of Production Report 2018, Geneva, WEF Forum, 266 p.

Информация об авторах:

Фарида Газизовна Альжанова, доктор экономических наук, заведующий отделом, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

e-mail: farida.alzhanova@gmail.com

Фархат Мусаевич Днишев, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан
e-mail: dfm0704@gmail.com

Статья поступила в редакцию 28.01.2019; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Farida Gazizovna Alzhanova, Doctor of Economics, Head of Department, Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan
e-mail: farida.alzhanova@gmail.com

Farhat Musaeovich Dnishev, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Scientific Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan
e-mail: dfm0704@gmail.com

The paper was submitted: 28.01.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.012; 338.33

DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-19

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

А.И. Кривцов¹, А.М. Измайлов², А.В. Заступов³

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

¹e-mail: 2030202@gmail.com

²e-mail: airick73@bk.ru

³e-mail: oiler79@mail.ru

А.В. Евстратов

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

e-mail: evstratov.mail@gmail.com

Аннотация. *Современные экономические реалии всецело подвержены влиянию основных мировых мегатрендов, к которым в том числе относится цифровизация. На сегодняшний день абсолютное большинство экономических процессов происходит при непосредственном участии информационных технологий. Отрасли промышленности претерпевают существенные изменения. Цепочки создания продукции, производство, хранение, сбыт, маркетинг и продвижение теперь невозможно представить без предварительной поддержки технических средств, основанных на цифровых технологиях. Однако влияние цифровизации на различные отрасли промышленности проявляется по-разному. К примеру, процессы, происходящие в такой специфической и наукоемкой отрасли, как фармацевтическая промышленность, по-своему реагируют на воздействие цифровизационного мегатренда. Учитывая влияние цифровизации на множество процессов, происходящих в сфере фармацевтики, возникает вопрос о том, к чему это может привести и какие процессы могут возникнуть внутри самой отрасли. Учитывая стратегическую важность отрасли для обороноспособности и конкурентоспособности государства, представляется важным исследование ключевых аспектов влияния цифровизации на фармацевтическую промышленность.*

Авторы ставят перед собой цель исследовать ключевые аспекты влияния цифровизации на основные процессы, происходящие в фармацевтической промышленности. Ведущими методами исследования данной проблемы являются комплексный и системно-морфологический анализ, позволяющий выявить влияние цифровизации как на отдельные элементы процессов, происходящих внутри отрасли, так и в целом, а также раскрыть взаимосвязи и взаимозависимости воздействия глобального мегатренда на отрасль в целом.

Результаты исследований позволяют нам говорить об ускорении процессов внутри самой отрасли, положительной динамике в удешевлении ряда важнейших элементов процесса разработки и продвижения лекарственных средств, а также формировании новейших тенденций в области маркетинга фармацевтической продукции.

В представленной статье авторами исследуется вопрос влияния цифровизации на наиболее значимые элементы фармацевтической промышленности. Рассмотрены основные аспекты влияния цифровизации на такие направления развития фармацевтической промышленности, как разработка новых видов лекарственных средств и лекарственных препаратов, отражено влияние цифровизации на этапы создания лекарственных средств. Выделены основные направления воздействия технологии «Big Data» на развитие фармацевтической промышленности. В качестве источников информации были применены аналитические и статистические данные ведущих мировых консалтинговых организаций, таких как «Boston Consulting Group», «Ipsos Healthcare Russia», «McKinsey», данные аналитического портала «РБК».

Ключевые слова: анализ, фармацевтическая промышленность, цифровизация, цифровая экономика.

Для цитирования: Кривцов А.И., Измайлов А.М., Заступов А.В., Евстратов А.В. Влияние цифровизации на развитие фармацевтической промышленности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 19–26. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-19.

IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY

A.I. Krivtsov¹, A.M. Izmailov², A.V. Zastupov³
Samara State Economic University, Samara, Russia
¹e-mail: 2030202@gmail.com
²e-mail: airick73@bk.ru
³e-mail: oiler79@mail.ru

A.V. Evstratov
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
e-mail: evstratov.mail@gmail.com

Abstract. *Modern economic realities are entirely influenced by the world's major megatrends, including digitalization in particular. Today, the absolute majority of economic processes occur with the direct participation of information technology. Industries are undergoing significant changes. Production chains, production, storage, marketing, marketing and promotion can no longer be imagined without prior support of technical tools based on digital technologies. However, the impact of digitalization on various industries is manifested in different ways. For example, the processes occurring in such a specific and high-tech industry as the pharmaceutical industry react in their own way to the impact of the digitalization megatrend. Given the impact of digitalization on many processes occurring in the field of pharmaceuticals, the question arises as to what this may lead to and what processes may occur within the industry itself. Given the strategic importance of the industry for the state's defense and competitiveness, it is important to study the key aspects of the impact of digitalization on the pharmaceutical industry.*

The authors aim to explore the key aspects of the impact of digitalization on the main processes in the pharmaceutical industry. The leading methods for studying this problem are complex and systemic-morphological analysis, which allows identifying the impact of digitalization on individual elements of the processes occurring within the industry, as well as in general, and also revealing the relationship and interdependence of the global megatrend impact on the industry as a whole.

The research results allow us to talk about the acceleration of processes within the industry itself, the positive dynamics in the cheapening of a number of the most important elements of the process of developing and promoting medicines, as well as the formation of the latest trends in the marketing of pharmaceutical products.

In the present article, the authors explore the issue of the impact of digitalization on the most significant elements of the pharmaceutical industry. The main aspects of the impact of digitalization on such areas of development of the pharmaceutical industry as the development of new types of drugs and medicines are considered, the impact of digitalization on the stages of drug development is reflected. The main directions of the impact of Big Data technology on the development of the pharmaceutical industry are highlighted. Analytical and statistical data from leading global consulting organizations, such as the Boston Consulting Group, Ipsos Healthcare Russia, McKinsey, and data from the RBC analytical portal were used as sources of information.

Keywords: *analysis; pharmaceutical industry; digitalization; digital economy.*

Cite as: Krivtsov A.I., Izmailov, A.M., Zastupov, A.V., Evstratov, A.V. (2019) [Impact of digitalization on the development of the pharmaceutical industry]. *Интеллект. Инновации. Инвестиции* [Intellekt. Innovatsii. Investitsii] [Intellekt. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 19–26. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-19.

Введение

Экономическая действительность в окончании второго десятилетия XXI века формируется в условиях кластеризации [12, с. 5] и внедрения цифровых технологий [4, с. 45], что влияет на экономические взаимоотношения субъектов рынка на всех уровнях. С точки зрения аналитиков компании «McKinsey» к 2025 году цифровизация экономики России позволит увеличить ВВП страны на 4,1–8,9 трлн рублей [13]. Сегодня цифровизация является мегатрендом, оказывающим влияние на большинство общественно-экономических процессов в мире. Вопрос здоровья населения страны в основном опирается на систему здравоохранения [11, с. 98], которая в свою

очередь в качестве фундамента опирается на фармацевтический рынок, который выполняет социально-значимую функцию [2, с. 25], [5, с. 91] и на фармацевтическую промышленность (ФП). Поэтому, воздействие такого значимого фактора как цифровизация на целую отрасль, вызывает интерес не только с целью выявить основные проявления влияния, но и с целью формирования прогнозов развития исследуемой и смежных отраслей, что позволит разрабатывать инструменты управления ими.

Современные реалии формируют среду для производителей фармацевтической продукции, в которой возникает необходимость применения быстрых, решительных, конструктивных и порою очень

дорогостоящих мер, без которых предприятия рискуют потерять свою конкурентоспособность и рыночную позицию [7, с. 72]. Речь идет именно об адаптации фармпроизводителей к новым условиям [9, с. 102] требующей глубокого пересмотра ключевых направлений хозяйственной деятельности. В декабре 2017 года на конференции «Big Data in Pharma», крупные игроки признались: без цифровых технологий полноценного развития не будет. Более того, один из лидеров рынка – компания «Р-Фарм» считает, что пришло время пересматривать концепцию закрытости НИОКР и создавать новые продукты в открытом информационном пространстве. Основными драйверами роста рынка выступают крупные компании, в штате которых трудятся более 500 человек. По аналитическим данным той же организации, в 2019 году такие компании потратят на «Big Data» более 140 млрд. долларов США. По прогнозам «Boston Consulting Group», к 2025 году в России оборот отрасли «Big Data» достигнет 100 млрд. долларов США.

Влияние цифровизации на отрасль

Рассмотрим ФП с учетом влияния на нее основ-

ных тенденций цифровизации. Фармацевтическая отрасль имеет в качестве основного своего двигателя создание инновационных препаратов и лекарственных средств (ЛС), основанных на современных достижениях науки и техники [1, с. 62]. Сегодня фармпроизводители способны разрабатывать молекулы, применяемые в производстве продукции, о которых еще несколько десятилетий не было известно даже в теории. К одной из черт, характеризующих рассматриваемую отрасль, относится консерватизм в плане подходов к хозяйственной деятельности. Однако, прогресс активно меняет содержательную часть внутриотраслевых специфических процессов, представляющих основу развития всей фармацевтической отрасли [8, с. 775]. В фармацевтической промышленности процесс разработки нового продукта представляющего собой не просто модернизацию старого, а существенный прорыв в отдельных направлениях лечения [10, с. 32], как правило, включает в себя набор процедур, в том числе экспериментальных, научно-исследовательских, опытных, клинических, складывающихся в длительный период характеризующийся необходимостью больших затрат (рисунок 1).

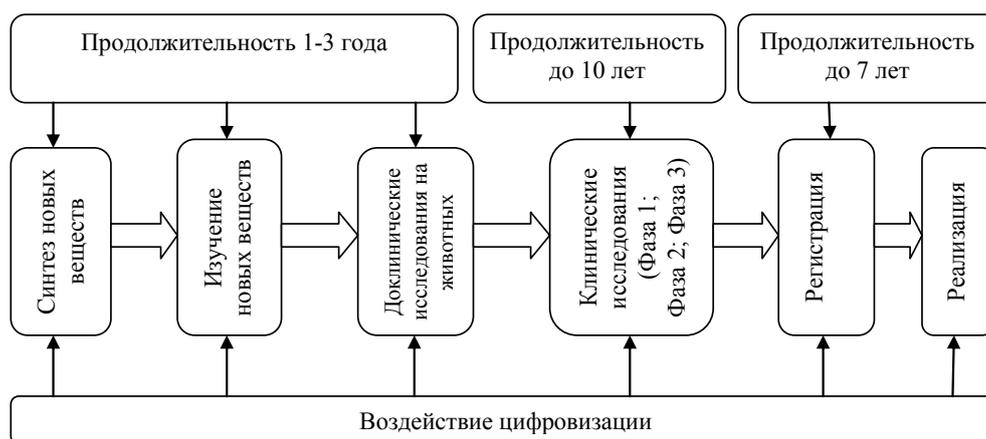

Рисунок 1. Процесс создания ЛС

Если посмотреть на этапы разработки, представленные на рисунке, то можно заметить, что отдельные элементы имеют разную продолжительность и требуют разные финансовые вливания. На этапе клинических исследований под фазой 1 понимается первое применение у людей, тестирование переносимости, под фазой 2 – тестирование дозы, переносимость, эффективность, под фазой 3 переносимость, эффективность, сравнение. По мнению разных экспертов, стоимость всего процесса может составлять от 1 до 11 млрд. долларов США. Затраты на разработку инновационного лекарства можно разделить следующим образом [14, 15]: 24,8% – на исследование, разработку и доклинические исследования; 57,6% – на прове-

дение клинических исследований (57,6% делятся среди трех этапов следующим образом: 8,1% на первый этап, 12,8% на второй этап и 36,7% на третий этап); 6,1% – на регистрацию; 9,1% – на проведение постмаркетингового исследования; 1,9% – прочие затраты.

Как видно из рис.1, на составляющие элементы единого процесса воздействует цифровизация. В связи с этим, некоторые параметры этих элементов претерпевают изменения содержательного характера, а также изменяются финансовые и временные издержки организации. Для того чтобы оценить влияние цифровизации на отдельные элементы процесса создания нового ЛС, была составлена таблица 1.

Таблица 1. Влияние цифровизации на отдельные этапы создания ЛС

№	Этап	Влияние цифровизации	Перспективы
1.	Синтез новых веществ	Перенос доли процедур, связанных с разработкой, испытаниями, апробацией новейших молекул ЛС на плоскость виртуальной реальности, позволяющей смоделировать физиологические процессы, для исследований.	Сокращение временных издержек. Сокращение финансовых рисков. Сокращение необходимых временных затрат.
2.	Изучение новых веществ	Появление возможности моделирования естественной среды для проведения исследований нового вещества на предмет возможности дальнейшего применения.	Сокращение временных издержек. Моделирование среды близкой к естественным условиям. Снижаются затраты человеческих ресурсов, расходов на реактивы, минимизируется необходимость наличия оборудования.
3.	Доклинические исследования на животных	Создание специализированных технологий позволяющих заменить этап доклинических и клинических исследований на набор аналогичных процедур, но, происходящих в специализированных моделирующих программах, основанных на применении технологии «Big Data».	Минимизация необходимости привлечения животных для проведения исследований.
4.	Клинические исследования	Применение программ полностью моделирующих физиологию животных и человека.	Сокращение временных издержек. Сокращение финансовых издержек. Минимизация нанесения ущерба здоровью животных, участвующих в доклинических исследованиях. Максимальное сокращение риска нанесения вреда здоровью пациентов, участвующих в клинических исследованиях (на всех фазах).
5.	Регистрация	Использование специализированных систем, основанных на применении технологии «Big Data» и «блокчейн» для реализации этапа регистрации ЛС.	Сокращение временных издержек. Упрощение бюрократической нагрузки. Снижение финансовых затрат на процедуру.
6.	Реализация	Возникновение тенденции активного использования технологии «Big Data» и «блокчейн» для объединения баз данных с целью глубокого анализа характеристик спроса потребителей, бизнес-процессов, и применения математических алгоритмов для выявления неявных корреляций в больших объемах информации.	Расширение области применения предиктивной аналитики (predictive analytics) в качестве инструмента сбора, обработки, и систематизации информации о наборе покупок отдельно взятых потребителей с целью формирования актуальной маркетинговой стратегии.

В представленной таблице мы отразили влияние цифровизации на основные элементы периода создания нового ЛС. Применение современных технологий в сфере синтеза новых веществ является новым этапом в историческом развитии фармацевтического производства. Ранее изыскания новых веществ представляли собой длительный и сложный процесс химических экспериментов с весьма значительной научной и финансовой составляющей, требовавшей много времени. Сегодня компьютерные технологии достигли такого уровня, при котором все условия для создания новых веществ можно смоделировать. Это дает возможность сократить всевозможные издержки и повысить эффективность реализации данного этапа создания оригинальных ЛС. Созданные молекулы, прежде чем начать применяться в производстве активного вещества, подвергались тщательному контролю и исследованиям. На современном этапе развития технологии позволяют сократить временные издержки на данный этап, а также уменьшить финансовые издержки.

Доклинические испытания и клинические ис-

пытания, вероятно, наиболее ответственный этап. В первую очередь это связано с вопросом безопасности жизни и здоровья участвующих в испытаниях людей и животных. Возможность применения виртуальной модели физиологии человека и животного в аспекте проведения данного этапа исследований максимально эффективно в плане скорости и безопасности реализации. Благодаря применяемому на данном этапе программам человек выходит из зоны риска, так как реально не участвует в испытаниях – теперь все происходит в цифровом мире. Если регистрация нового ЛС ранее была этапом, требующим не меньше затрат, чем остальные этапы создания ЛС [3, с. 70], то сейчас, с возможностью применения технологий «блокчейн» и «Big Data», доступ к базам данных стал значительно проще, что позволяет избежать бюрократической нагрузки, это благоприятно сказывается на сокращении необходимого времени для административных процедур.

Рассмотрим влияние цифровизации на сбыт и реализацию. На сегодняшний день активно обсуждается переход от традиционного маркетинга в сторону digital-маркетинга. Немаловажным

в контексте влияния цифровизации на ФП является вопрос маркировки и последующего отслеживания продукции (track and trace), а также противодействия распространению контрафакта. Еще одним интересным аспектом влияния современной тенденции на ФП является расширение области применения предиктивной аналитики (predictive analytics) в качестве инструмента сбора, обработки, и систематизации информации о наборе покупок отдельно взятых потребителей с целью формирования актуальной маркетинговой стратегии для той или иной фармкомпании на отдельной взятой территории.

Немаловажным является применение цифровых технологий для стимулирования спроса на продукцию. К примеру, компании сотрудничают с разработчиками различных приложений для гаджетов, применяемых больными хроническими заболеваниями в целях профилактики и снижения негативного влияния недуга на качество жизни. Такой подход, при котором фармпроизводитель продвигает свою продукцию через специализированные приложения позволяет стимулировать спрос на ЛС определенных видов. По данным компании «Ipsos Healthcare Russia», специализирующейся на исследованиях фармацевтического рынка, темпы роста производителей снижаются, поэтому, со стороны штаб-квартир, владельцев, инвесторов есть спрос на повышение эффективности деятельности, в то время как источники эффективности находятся в сфере инвестиций в digital-технологии [9].

По данным всемирного исследования «Digital IQ», за 2017 год уверенность руководителей компаний сферы здравоохранения и фармацевтики в сфере цифровой грамотности своих компаний растет вразрез с общей тенденцией к снижению среди компаний во всех остальных сферах. В 2015 году данный показатель составил 62%, а в 2016 году показатель увеличился до 65%, в то время как за этот же период показатель среди других компаний снизился с 66% до 52%. Причем основной выгодой в цифровой грамотности компаний руководители видят обеспечение роста выручки.

Немаловажным в аспекте развития ФП является применение технологии «Big Data». В недавнем прошлом компании вынуждены были уничтожать данные старше 9 месяцев ввиду дороговизны хранения. Это ограничивало аналитические возможности компании и сужало горизонты стратегического планирования. Однако, технологии «Big Data» сегодня позволяют иметь доступ к массивным объемам данных с последующей обработкой математическими алгоритмами и получения ценной информации для совершенствования хозяйственной деятельности. Рассматривая влияние «Big Data» на развитие ФП необходимо выделить ключевые направления:

1. Прогнозное моделирование предиктивного анализа для выявления возможных проблем. Используя современные технологии возникает возможность применения предсказательного моделирования для разработки конкретного препарата индивидуально, для отдельно взятого человека. Такой подход позволяет говорить о минимизации расходов пациентов на ЛС и лечение и лечение не имеющее определенной пользы для пациента, а сосредоточение внимания на ЛС имеющее гарантированный результат. ЛС в таком случае создаются на основе генетических данных пациента, сведениях о его хронических заболеваниях, и данных об образе жизни.

2. Повышение эффективности клинических испытаний, и прежде всего, за счет работы с глобальными базами данных, поиском и отбором пациентов максимально подходящих для проведения испытаний, а также одновременным онлайн-мониторингом за пациентами, участвующими в исследовании. Немаловажным считается прогнозирование побочных эффектов во время испытаний ЛС, прибегая к методу Проктора, включающего в себя анализ 48 различных характеристик ЛС.

3. Повышение эффективности коммуникаций между специалистами смежных отраслей для организации совместной работы со страховыми компаниями, управляющими базами данных, а также учеными. Объединение баз данных различных взаимодействующих сфер позволяет повысить потенциал возможностей применения «Big Data», фармацевтическими компаниями. Ученые, не имеющие отношения к определенному фармпроизводителю могут представить на рассмотрение свои разработки заинтересованным коллегам из других отраслей, что делает элемент коммуникации между специалистами доступным и серьезным двигателем новейших идей в производственный сектор.

4. Влияние «Big Data» на маркетинговую составляющую деятельности фармацевтических производителей заключается, прежде всего, в применении анализа больших данных в распределении направлений потоков готовой продукции именно в те области, где на эти виды продукции имеется или прогнозируется спрос.

Результаты исследования

Таким образом, в результате изучения процесса влияния цифровизации на развитие фармацевтической промышленности, авторами был сделан вывод, о том, что ФП входит в число отраслей активно пользующихся плодами цифровизационного мегатренда. Рассмотренные аспекты влияния цифровизации на отдельные этапы жизненного цикла ЛС как одного из основных катализаторов развития фармацевтической отрасли свидетельствуют о глубине проникновения «цифры». Итогом такого

влияния являются возникновения локальных внутриотраслевых тенденций. Во-первых, увеличение производительной возможности информационных систем применяемых производителями, что позволяет хранить и обрабатывать большие объемы данных, что дает возможность получать информацию ценную в маркетинговом аспекте и в сфере стратегического планирования. Во-вторых, некоторые фазы создания инновационных ЛС становятся быстрее и качественнее становятся быстрее и качественнее, что позволяет сокращать как временные, так и финансовые издержки. В-третьих, это удешевление хранения и обработки информации. Это позволяет сокращать финансовые издержки фармацевтических производителей и расширять возможности охвата информационных пластов с целью аналитических процессов. В-четвертых, увеличение качества логистических процессов за счет технологии «блокчейн». В-пятых, снижение затрат на бумажный документооборот. Особенно необходимо

выделить формирующийся тренд безлюдного производства, основанный на максимальном исключении человека из производства. Причиной развития данного тренда является, прежде всего, искажаемая человеком информация применяемая в производстве, от чего страдает все производство.

Заключение

В настоящий момент общество находится в процессе конвергенции между технологиями и фармацевтическими производителями. Одним из наиболее серьезных достижений такой консолидации может быть формирование общего видения устойчивого состояния здоровья в мире. Объединение общих усилий, как со стороны фармацевтических производителей, так и со стороны представителей компаний сферы информационных технологий, позволяют выработать общие подходы в отношении единых правил к созданию фармацевтической продукции нового поколения.

Литература

1. Воронцова Н. А. Пути преодоления рецессии при разработке новых лекарственных средств в фармацевтической промышленности / Н. А. Воронцова // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2018. – № 1 (211). – С. 59–66.
2. Гущина Е. Г. Механизмы взаимодействия социально-значимых рынков: монография / Е. Г. Гущина. – Saarbrücken (Germany): LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG, 2012. – 358 с.
3. Евстратов А. В. Анализ структуры рынка производителей лекарственных средств на фармацевтическом рынке Российской Федерации / А. В. Евстратов, О. Н. Пушкарев // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2018. – № 6 (216). – С. 67–73.
4. Евстратов А. В. Обоснование применения логистического подхода в управлении материальными потоками на фармацевтическом рынке / А. В. Евстратов, С. Г. Халатян // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2018. – № 10 (220). – С. 44–49.
5. Евстратов А. В. Основные тенденции и перспективы развития фармацевтического рынка в Российской Федерации: монография / А. В. Евстратов; ВолгГТУ. – Волгоград, 2018. – 192 с.
6. Исследования в здравоохранении: Ipsos Healthcare [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ipsos.com/ipsos-comcon/ru-ru/healthcare>.
7. Костромин П. А. Импортзамещение лекарственных препаратов в России по объему, номенклатуре и качеству / П. А. Костромин // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 9. – С. 73–77.
8. Мамедьяров З. А. Тенденции и перспективы российской фармацевтической отрасли и применимость мирового опыта / З. А. Мамедьяров // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 772–780.
9. Поверинов А. И. Проблемы внедрения отраслевого стандарта GMP как фактор снижения конкурентоспособности фармацевтических производителей / А. И. Поверинов, С. В. Кунев // Вестник Марийского государственного университета. – 2018. – № 1 (13). – С. 100–105.
10. Пушкарев О. Н. Некоторые особенности маркетинга лекарственных препаратов / О. Н. Пушкарев, А. В. Евстратов // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 1. – С. 31–33.
11. Сапир Е. В. Особенности мирового фармацевтического рынка и проблемы его освоения российскими компаниями / Е. В. Сапир, И. А. Карачев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 8. – С. 97–111.
12. Терелянский П. В. Государственные и частные издержки процесса кластерообразования / П. В. Терелянский, С. Ю. Соболева, А. В. Соболев // Управление. – 2017. – Т. 5. – № 4. – С. 4–7.
13. Цифровая экономика увеличит к 2025 году ВВП России на 8,9 трлн руб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/07/2017/595cbefa9a7947374ff375d4 (дата обращения: 27.01.19).
14. The pharmaceutical industry in figures // European Federation of Pharmaceutical Industries and Associations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efpia.eu/pharmaceutical-industry-figures-edition-2012> (дата обращения: 27.01.19).

15. Garcia-Fruitos E, Vazquez E, Gonzalez-Montalban N, FerrerMiralles N, Villaverde A (2011) Analytical approaches for assessing aggregation of protein biopharmaceuticals. *Curr Pharm Biotechnol* 10:60.

References

1. Vorontsova, N.A. (2018) [Ways to overcome the recession in the development of new medicines in the pharmaceutical industry]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Technical University]. Vol. 1 (211), pp. 59–66. (In Russ.)
2. Gushchina, E.G. (2012) *Mekhanizmy vzaimodeystviya sotsial'no-znachimyykh rynkov* [Mechanisms of interaction of socially significant markets]. Saarbrucken (Germany): LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 358 p.
3. Evstratov, A.V. (2018) [Analysis of the structure of the market of drug manufacturers in the pharmaceutical market of the Russian Federation]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [News of Volgograd State Technical University]. Vol. 6 (216), pp. 67–73. (In Russ.)
4. Evstratov, A.V. (2018) [Justification of the application of the logistic approach in the management of material flows in the pharmaceutical market]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Technical University]. Vol. 10 (220), pp. 44–49. (In Russ.)
5. Evstratov, A.V. (2018) *Osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya farmatsevticheskogo rynka v Rossiyskoy Federatsii* [Main trends and prospects for the development of the pharmaceutical market in the Russian Federation]. Volgograd, 192 p.
6. Research in healthcare: Ipsos Healthcare [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ipsos.com/ipsos-comcon/ru-ru/healthcare>.
7. Kostromin, P.A. (2015) [Import substitution of drugs in Russia in terms of volume, nomenclature and quality]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. Vol. 9, pp. 73–77. (In Russ.)
8. Mamedyarov, Z.A. (2017) [Trends and prospects of the Russian pharmaceutical industry and the applicability of international experience]. *Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye* [Modernization. Innovations. Development]. Vol. 8. No. 4 (32), pp. 772–780. (In Russ.)
9. Poverinov, A.I. (2018) [Problems of implementation of the GMP industry standard as a factor in reducing the competitiveness of pharmaceutical manufacturers]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Mari State University]. Vol. 1 (13), pp. 100–105. (In Russ.)
10. Pushkarev, O.N. (2016) [Some features of drug marketing]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Herald of Economics, Law and Sociology]. Vol. 1, pp. 31–33. (In Russ.)
11. Sapir, E.V. (2016) [Features of the global pharmaceutical market and problems of its development by Russian companies]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian External Economic Journal]. Vol. 8, pp. 97–111. (In Russ.)
12. Terelyansky, P.V. (2017) [State and private costs of the clustering process]. *Upravleniye* [Management]. Vol. 5. No. 4, pp. 4–7. (In Russ.)
13. *Tsifrovaya ekonomika uvelichit k 2025 godu VVP Rossii na 8,9 trln rub* [The digital economy will increase by 2025 Russia's GDP by 8.9 trillion rubles]. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/07/2017/595cbefa9a7947374ff375d4
14. The pharmaceutical industry in figures. *European Federation of Pharmaceutical Industries and Associations*. Available at: <http://www.efpia.eu/pharmaceutical-industry-figures-edition-2012>
15. Garcia-Fruitos, E., Vazquez, E., Gonzalez-Montalban, N., FerrerMiralles, N., Villaverde, A. (2011) *Analytics for assessing aggregation of protein biopharmaceuticals*. *Curr Pharm Biotechnol* 10:60.

Информация об авторах:

Артём Игоревич Кривцов, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

e-mail: 2030202@gmail.com

Айрат Маратович Измайлов, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладного менеджмента, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

e-mail: airick73@bk.ru

Андрей Владимирович Заступов, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, организации и стратегии развития предприятия, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

e-mail: oiler79@mail.ru

Александр Владимирович Евстратов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и экономической теории, Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

e-mail: evstratov.mail@gmail.com

Статья поступила в редакцию 09.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Krivtsov Artem Igorevich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management, Samara State University of Economics, Samara, Russia

e-mail: 2030202@gmail.com

Izmailov Airat Maratovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Applied Management, Samara State University of Economics, Samara, Russia

e-mail: airick73@bk.ru

Zastupov Andrey Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Organization and Strategy of Enterprise Development, Samara State University of Economics, Samara, Russia

e-mail: oiler79@mail.ru

Evstratov Alexander Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Economy and Economic Theory, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

e-mail: evstratov.mail@gmail.com

The paper was submitted: 09.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

ВАРИАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Б. Кондусова¹, В.А. Бахина²

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹e-mail: valyosha@list.ru

²e-mail: vika-klubnika.95@mail.ru

Аннотация. В современных условиях модернизации экономики России происходят преобразования и в системе занятости. Формирование рынков труда регионов является одним из основных направлений данного процесса. Требуется выработка новых подходов для обеспечения эффективного функционирования рынка труда. **Актуальной** и многоаспектной проблемой является управление рынком труда региона: эффективное использование трудовых ресурсов, обеспечение занятости и снижение уровня безработицы, решение которой повысит конкурентоспособность отдельного региона и страны в целом. Для региона наибольший интерес представляет проблема дефицита квалифицированных кадров, деформации профессионально-квалификационной структуры, низкое качество трудовых ресурсов. В связи с этим объектом исследования становится рынок труда в административно-территориальных образованиях Оренбургской области.

Целью статьи является изучение сложного экономического явления как занятость и безработица на основе вариационного анализа, а именно анализ изменений показателей рынка труда муниципальных образований Оренбургской области. Динамика занятых и безработных характеризуется изменениями, которые варьируются под воздействием многих причин. Исследование вариации позволяет оценить колебания в динамике рынка труда региона. Анализ проведен с помощью таких числовых характеристик, как показатели центра распределения (мода, медиана, средняя величина), показатели рассеяния (стандартное отклонение, дисперсия выборки, размах вариации, коэффициент вариации).

Для реализации поставленной цели были проанализированы муниципальные образования области по уровню начисленной заработной платы; доля безработного населения в процентах к численности трудоспособного населения в Оренбургской области; среднеобластной, максимальный и минимальный уровни регистрируемой безработицы в Оренбургской области; рост численности не занятых в экономике по субъектам области.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут быть направлены на выработку политики занятости региона, выбор рациональных направлений и дифференциацию в разрезе групп административно-территориальных образований Оренбургской области. Полученные **результаты** могут быть положены в основу разработки конкретных мероприятий для активного воздействия областной и городских служб занятости на предупреждение и противодействие процессам безработицы в регионе.

Таким образом, результаты исследования могут быть использованы для мониторинга с целью регулирования развития регионального рынка труда Оренбургской области и формирования эффективной системы функционирования рынка труда региона в рамках преобразований в системе занятости России.

Ключевые слова: рынок труда, занятые, безработные, вариационный анализ, коэффициент вариации, Оренбургская область.

Для цитирования: Кондусова В.Б., Бахина В.А. Вариационный анализ рынка труда в административно-территориальных образованиях Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 27–35. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-27.

VARIATION ANALYSIS OF THE LABOR MARKET IN THE ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL FORMATIONS OF THE ORENBURG REGION

V.B. Kondusova¹, V.A. Bakhin²

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹e-mail: valyosha@list.ru

²e-mail: vika-klubnika.95@mail.ru

Abstract. In modern conditions of modernization of the Russian economy, transformations are also taking place in the employment system. The formation of regional labor markets is one of the main directions of this

process. It requires the development of new approaches to ensure the effective functioning of the labor market. A pressing and multidimensional problem is the management of the region's labor market: the effective use of labor resources, the provision of employment and the reduction of unemployment, the solution of which will increase the competitiveness of a particular region and country and in general. For the region, the problem of shortage of qualified personnel, deformation of the vocational qualification structure, low quality of labor resources is of the greatest interest. In connection with this, the object of research is the labor market in the administrative-territorial formations of the Orenburg region.

The purpose of the article is to study a complex economic phenomenon such as employment and unemployment on the basis of a variation analysis, namely the analysis of changes in the labor market indicators of municipalities of the Orenburg region. The dynamics of employed and unemployed people is characterized by changes that vary under the influence of many factors. The study of variation makes it possible to assess fluctuations in the dynamics of the region's labor market. The analysis was performed using such numerical characteristics as indicators of the distribution center (mode, median, average value), scattering indicators (standard deviation, sample variance, range of variation, coefficient of variation).

To achieve this goal, the municipalities of the region were analyzed according to the level of salary accrued; the percentage of the unemployed population as a percentage of the working population in the Orenburg region; average oblast, maximum and minimum levels of registered unemployment in the Orenburg region; growth in the number of people not employed in the economy by region.

The practical significance of the results of the study lies in the fact that they can be aimed at developing a region's employment policy, choosing rational directions and differentiation in the context of groups of administrative-territorial entities of the Orenburg region. The results can be used as a basis for the development of specific measures for the active influence of the regional and city employment services on preventing and countering unemployment processes in the region.

Thus, the results of the study can be used for monitoring in order to regulate the development of the regional labor market of the Orenburg region and the formation of an effective system of functioning of the region's labor market within the framework of reforms in the employment system of Russia.

Keywords: labor market, employed, unemployed, variational analysis, coefficient of variation, Orenburg region.

Cite as: Kondusova, V.B., Bakhina, V.A. (2019) [Variation analysis of the labor market in administrative-territorial formations of the Orenburg region]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 27–35. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-27.

Введение

В экономическом развитии страны важнейшее место занимает состояние и потенциал рынка труда региона: занятость и безработица. Занятость – одна из важнейших характеристик экономического развития общества, благосостояния народа [3, 5, 12]. Состояние занятости населения в региональном рынке труда непосредственно зависит от природно-ресурсного и экономического потенциала региона. Безработица представляет собой макроэкономическую проблему, оказывающую наиболее прямое и сильное воздействие на каждого человека [1, 2, 15]. Современные иностранные источники рассматривают в большей степени проблемы молодежи на рынке труда [16, 17].

В последние десятилетия в Оренбургской области, как и в большинстве регионов России, под воздействием экономических реформ, политических и демографических изменений возникли новые тенденции в динамике численности и структуры рабочей силы. Для рынка труда как самонастраивающейся системы с его неразвитой инфраструктурой, высоким уровнем инфляции в условиях становления рыночных отношений характерно наличие противоречий между спросом и предложением рабочей силы [7, 8]. Возникает избыток рабочей

силы, и, как следствие, появляется безработица. Так, процесс снижения темпов развития экономики 90-х годов существенно повлиял на занятость населения области и страны в целом. Однако изжитое в прошлом социальное бедствие вернулось в нашу действительность.

Актуальность рассматриваемой темы отражается в трудах следующих ученых, которые занимались проблемами оценки анализа рынка труда регионов. Олейник М.В. провел анализ показателей рынка труда Оренбургской области в период с 2000 по 2015 гг., сделав вывод о его неравновесности и несбалансированности [10]. В качестве близлежащих к Оренбургской области регионов приведем исследования Кожуховой Н.В. и Лопаткина И.В. Кожухова Н.В. на основе проведенного анализа динамики констатирует, что занятость населения и уровень безработицы Самарской области держится на одном уровне достаточно стабильно, отмечен незначительный рост экономически активного населения [6]. Лопатки И.В. в проведенном исследовании делает вывод об экономической нестабильности региона и как следствие массовую длительную безработицу трудоспособного населения [9]. Приведем и результаты анализа авторов в более отдаленных регионах от Оренбургской

области. Голубева Л.Ф. рассматривает динамику занятых и безработных на примере Тамбовской области, анализ результатов которой показал низкий уровень безработицы и позволил выявить приоритетное направление развития региона – агропромышленный комплекс [4, 11]. Тагиев Р.Х. приводит анализ на примере Республики Дагестан, определяя факторы и процессы, влияющие на формирование рынка труда, что позволило установить трудоизбыточность региона, низкий уровень производственной, социальной и рыночной инфраструктуры [14].

Вариационный анализ рынка труда в административно-территориальных образованиях Оренбургской области

Ситуация в сфере рынка труда по субъектам Оренбургской области значительно варьирует.

Так, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области, уровень только официальной безработицы на начало 2018 г. в тридцати двух административно-территориальных образованиях области превышал среднеобластной.

Максимальный показатель уровня зарегистрированной безработицы отмечен в Сорочинском городском округе, где он составил 3,9%, а минимальный зарегистрирован в Саракташском районе. Его величина составляла на начало 2018 г. 0,5%.

По данным министерства труда и занятости населения Оренбургской области к концу декабря 2017 г. в целом по области численность не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в государственных учреждениях службы

занятости, составляла 16665 человек.

В структуре данной численности 14616 человек имели статус безработного, при этом 13007 человек из данной численности получали пособие по безработице.

Число граждан, получающих пособие по безработице, в целом по Оренбургской области снизилось на 2,1%, при этом в муниципальных районах: Саракташский – на 29,3%; Новосергиевский – на 28,3%; Александровский – на 24,6; город Бугуруслан – на 24,4%.

Одновременно в анализируемый период зарегистрирован рост числа лиц, получающих пособие по безработице, в следующих муниципальных районах области: Грачевский – на 43,7%; Ташлинский – на 34,1%; Сакмарский – на 21,3%; Акбулакский – на 19,2%.

В городских округах: Кувандыкский – на 36,7%; Ясненский – на 18,5%.

По сравнению с предыдущим периодом 2016 г. в целом по области в 2017 г. численность лиц, не занятых трудовой деятельностью и состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости, выросла на 4,1%.

Существенный рост анализируемой численности не занятых трудовой деятельностью в области наблюдался в следующих городских округах (рисунок 1).

Одновременно зарегистрировано значительное снижение численности граждан, ищущих работу и не занятых трудовой деятельностью, по некоторым территориально-административным образованиям области.

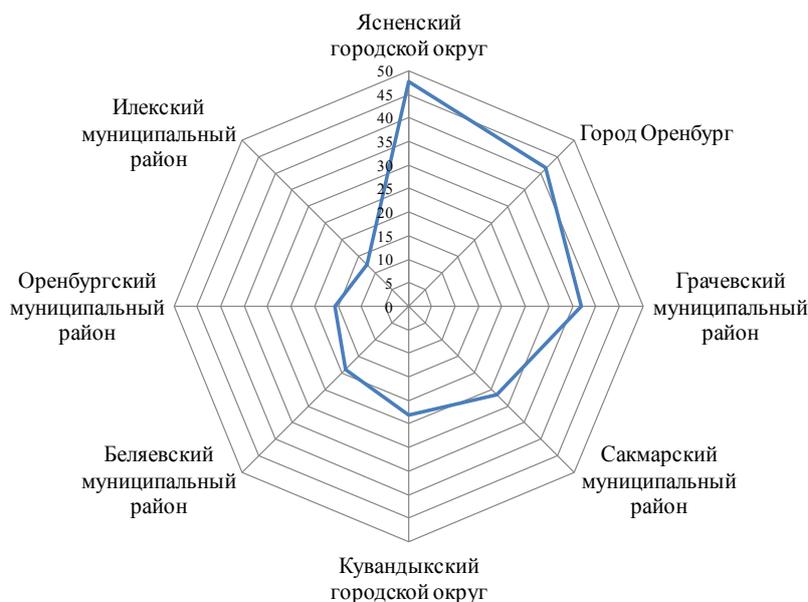

Рисунок 1. Рост численности не занятых в экономике по субъектам области в 2017 г. по сравнению с 2016 г., в процентах (Источник: Муниципальные образования Оренбургской области. 2018: стат. сборник / Оренбургстат. – Оренбург, 2018. – 233 с.)

Более всего выросла за год численность не занятых в экономике области в Ясненском городском округе и областном центре – городе Оренбурге – на 47,7% и 41,5%, соответственно. Существенное увеличение в 2017 г. по сравнению с 2016 г. наблюдалось в численности незанятых также в следующих субъектах области: Грачевском муниципальном районе – на 36,9%; Сакмарском муниципальном районе – на 26,7%; Кувандыкском муниципальном районе – на 23,0%; Беляевском муниципальном районе – на 18,9%; Оренбургском муниципальном районе – на 15,7%; Илекском муниципальном районе – на 12,6%.

Наибольшие темпы снижения показателя наблюдались в следующих административно-территориальных образованиях области: Саракташском муниципальном районе – на 30,8%; Александровском муниципальном районе – на 27,0%; городе Бугуруслан – на 26,0%; Первомайском муниципальном районе – на 20,9%; городе Новотроицк – на 16,8%.

В среднем по области за рассматриваемый период произошло снижение численности безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости, на 2,7%.

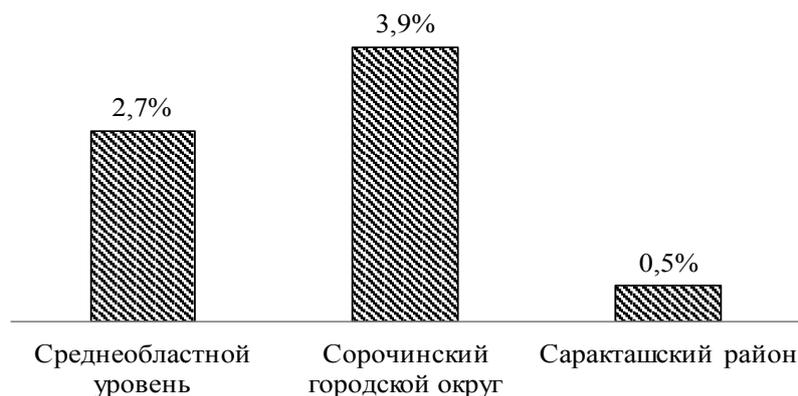

Рисунок 2. Среднеобластной, максимальный и минимальный уровни регистрируемой безработицы в Оренбургской области в 2017 г. (Источник: Муниципальные образования Оренбургской области. 2018: стат. сборник / Оренбургстат. – Оренбург, 2018. – 233 с.)

Полученные расчеты (таблица 1) позволяют сделать вывод о том, что наиболее благоприятной ситуация с занятостью на рынке труда области наблюдалась по Саракташскому району, городам Бузулук, Медногорск и Новотроицк, где величина рассчитанного коэффициента колебалась от минимального (Саракташский район) 0,51% до максимального (город Новотроицк) – 1,04%.

В двадцати шести субъектах области величина анализируемого показателя превышала 2,0%. Из них в десяти уровень доли безработного населения в процентах к численности трудоспособного превышал отметку в 3,0% – в Новоорском районе близок к 3,5% (3,46%), в Курманаевском районе – бо-

лее 3,5% (3,51%), а в Сорочинском районе достиг отметки 3,8%. При этом, как уже отмечалось ранее, вариация уровня официально регистрируемой безработицы в субъектах области безработицы достаточно высока (рисунок 2). Таким образом, размах вариации (разница между максимальным и минимальным значением) анализируемого показателя составила 3,4%. Дополнительно рассчитанные показатели вариации подтверждают вывод о наличии сильной колеблемости уровня официально регистрируемой безработицы в административно-территориальных образованиях Оренбургской области.

Рассматривая уровень безработицы в городах и районах области, следует отметить, что Оренбургстат не публикует данный показатель в территориальном разрезе.

Оценить ситуацию с вариацией незанятого населения можно, исчислив долю населения, ищущего работу, в процентах к численности трудоспособного населения.

Нами рассчитан данный показатель по муниципальным образованиям области за 2017 г. Полученные расчеты представлены в таблице 1.

Среднее значение показателя по исследуемой совокупности в 2017 г. составило 2,18%.

По полученным в ходе расчетов данным в ходе дисперсионного анализа проанализированы показатели вариации (таблица 2).

По данным таблицы 2 можно сделать вывод, что в наибольшем числе муниципальных образований области в 2017 г. значение доли безработного населения в процентах к численности всего трудоспособного населения составляло 2,41% (мода).

В половине городов и районов величина анализируемого показателя составляла более 2,25%, а в половине менее 2,25% (медиана).

Таблица 1. Группировка муниципальных образований области по уровню начисленной заработной платы в 2017 г.

Города и районы	Доля безработных в численности трудоспособного населения, %	Города и районы	Доля безработных в численности трудоспособного населения, %
Саракташский	0,51	Акбулакский	2,29
город Оренбург	0,6	Переволоцкий	2,3
город Орск	0,79	Ташлинский	2,37
Оренбургский	0,81	Беляевский	2,38
город Бузулук	0,9	Красногвардейский	2,41
город Медногорск	1,04	Пономаревский	2,41
город Новотроицк	1,19	Ясенский	2,48
город Бугуруслан	1,33	Домбаровский	2,52
Бузулукский	1,41	Светлинский	2,79
Гайский	1,49	Илекский	2,92
Новосергиевский	1,5	Матвеевский	3,01
Соль-Илецкий	1,67	Шарлыкский	3,11
Сакмарский	1,7	Асекеевский	3,12
Первомайский	1,82	Абдулинский	3,24
Адамовский	1,85	Тоцкий	3,25
Грачевский	2,01	Октябрьский	3,36
Бугурусланский	2,02	Кваркенский	3,37
Тюльганский	2,07	Новоорский	3,46
Северный	2,08	Курманаевский	3,51
Кувандыкский	2,17	Сорочинский	3,8
Александровский	2,25		

Размах вариации (разница между максимальным и минимальным значением анализируемого коэффициента) составил 3,29%.

Таблица 2. Описательные статистики по показателю доли безработного населения в процентах к численности трудоспособного населения в Оренбургской области в 2017 г.

Показатели	Значение, %
Среднее значение	2,18
Медиана	2,25
Мода	2,41
Стандартное отклонение	0,88
Дисперсия выборки	0,77
Размах вариации	3,29
Минимум	0,51
Максимум	3,80
Коэффициент вариации	40,39

Рассчитанный коэффициент вариации составил более 40,0%, превысив границу в 33%.

Это говорит о том, что вариация признака значительная, а средняя, рассчитанная по выборке, не

типична для данной совокупности и неадекватно отражает реальные данные. В таких случаях правильно ориентироваться на полученные значения моды (наиболее часто встречающегося значения признака) и медианы (значения, делящего ранжированный ряд пополам).

Определяющее влияние на уровень официальной занятости оказывает размер оплаты труда. Проведенная группировка сорока территориально-административных образований области по уровню начисленной заработной платы дала следующие результаты (таблица 3).

Как показали проведенные расчеты (таблица 3), более чем в половине городов и районов области (24-х) в 2017 г. средняя номинальная начисленная заработная плата составляла 17303–22503 р.

Более тридцати тысяч рублей уровень средней заработной платы зарегистрирован только по семи субъектам:

- районы Домбаровский, Ясненский, город Новотроицк – 30885–31394 р. (в среднем 31130 р.);
- районы Оренбургский, Гайский, города Бузулук, Оренбург – 35095–36516 р. (в среднем 35999 р.).

Таблица 3. Группировка муниципальных образований области по уровню начисленной заработной платы в 2017 г.

Размер средней заработной платы, р.	Субъекты области	Размер средней заработной платы, р. ¹	Субъекты области
17303–19480	Тюльганский, Асекеевский, Пономаревский, Матвеевский, Адамовский, Грачевский, Александровский	25668–26876	Кваркенский, Новосергиевский, г. Орск
Итого	7		3
В среднем	18419		26251
20249–20912	Акбулакский, Илекский, Ташлинский, Беляевский, Первомайский, Светлинский	29087–29532	г. Медногорск, Новоорский, г. Бугуруслан, Абдулинский
Итого	6		3
В среднем	20640		29220
21096–21979	Переволоцкий, Бузулукский, Курманаевский, Тоцкий, Шарлыкский	30885–31394	Домбаровский, Ясненский, г. Новотроицк
Итого	5		3
В среднем	21502		31130
22020–22533	Саракташский, Соль-Илецкий, Красногвардейский, Северный, Сакмарский, Сорочинский	35095–36516	Оренбургский, Гайский, г. Бузулук, г. Оренбург
Итого	6		4
В среднем	22328		35999
23939–24458	Бугурусланский, Кувандыкский, Октябрьский		
Итого	3		
В среднем	24139		

Источник: Муниципальные образования Оренбургской области: стат. сборник / Оренбургстат. – Оренбург, 2018. – 233 с. Рассчитано и составлено автором.

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/met-zarova.pdf – Методика расчета среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячного дохода от трудовой деятельности)

Размах вариации по данному показателю в городах и районах области (без учета субъектов малого предпринимательства) в 2017 г. составил 19212 р.

Наибольшее значение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы зарегистрировано в г. Оренбурге, оно составило 36516 р. Минимальный уровень показателя отмечен в Тюльганском районе – 17303 р.

Рассчитанные показатели вариации составили: среднее квадратическое отклонение – 5448,5 р.; коэффициент вариации – 22,3%; медиана – 22441 р.

Полученное по предварительно ранжированному ряду значение медианы, равное 22441 р. свидетельствует о том, что в половине субъектов области в 2017 г. уровень средней номинальной начисленной заработной платы был менее 22441 р., а в другой половине – более этого значения.

Территориальные органы федеральной службы государственной статистики рассчитывает среднюю номинальную заработную плату исходя из тех статистических данных, которые предоставляют предприятия и организации области в формах федеральной государственной статистической отчетности в органы статистики, а также данных, предоставляемых в налоговые органы и пенсионный фонд.

Однако имеет место быть ситуация, когда многие предприятия и организации декларируют заработную плату ниже реального уровня (это напрямую связано с уплатой налогов). В связи с чем получается, что средняя заработная плата реально выше публикуемой.

Выводы

Подводя итог проведенного исследования рынка труда в административно-территориальных образованиях Оренбургской области можно сделать следующие выводы:

1. Более всего выросла за год численность не занятых в экономике области в Ясенском городском округе и областном центре – городе Оренбурге – на 47,7% и 41,5% соответственно. Наибольшие темпы снижения показателя наблюдались в Саракташском муниципальном районе – на 30,8%. В среднем по Оренбургской области за рассматриваемый период наблюдается снижение численно-

сти безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости – на 2,7%. Однако вариация уровня официально регистрируемой безработицы в субъектах области безработицы сохраняется высокой.

2. Рассчитанные показатели вариации доказывают наличие сильной колеблемости уровня официально регистрируемой безработицы в административно-территориальных образованиях Оренбургской области. Минимальные колебания по уровню занятости на рынке труда области наблюдалась по Саракташскому району (0,51%), максимальные – г. Новотроицк (1,04%). Большинство муниципальных образований области в 2017 г. имеют значение доли безработного населения в процентах к численности всего трудоспособного населения составляло 2,41%.

3. Максимальное значение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы зарегистрировано в г. Оренбурге (36516 р.) Минимальное – в Тюльганском районе (17303 р.). Необходимо учитывать, что ряд профессионалов работают в неформальном секторе, или, как иногда говорят – «в тени». К ним практически полностью можно отнести мастеров по ремонту компьютерной техники, отделочников, разного рода репетиторов и других работников сферы услуг. Несмотря на это представленная информация по крупным и средним предприятиям области (без учета малого предпринимательства) достаточно точно отражает характер сильной вариации в уровне средней номинальной начисленной заработной платы работников, что является значительным, а порой определяющим фактором уровня занятости в различных сферах рынков труда муниципальных образований Оренбургской области.

Данное исследование имеет научную значимость в обосновании необходимости совершенствования государственного механизма рынка труда и регулирования протекающих в нем процессов. Исследование будет продолжено в направлении выявления факторов и их направленности, как они влияют на уровень безработицы населения Оренбургской области, и каковы основные тенденции в уровнях занятости и безработицы на рынке труда области.

Литература

1. Бреев Б. Д. Безработица в современной России: монография. – М.: Наука, 2005. – 271 с.
2. Быстрицкая А. Ю. Состояние рынка труда регионов Центрального федерального округа // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2015. – № 3. – С. 26–27.
3. Гишкаева Л. Л. Теоретический анализ сущности и особенности функционирования рынка труда // Наука и бизнес: пути развития. – 2013. – № 7 (37). – С. 75–78.
4. Голубева Л. Ф. Региональные аспекты занятости населения (на примере Тамбовской области) // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 5 (051). – С. 67–76.
5. Горнин Л. В., Захаров Р. В., Едренкина Н. М. Рынок труда: состояние и приоритетные направления развития // Вестник КрасГАУ. – 2013. – № 6. – С. 9–14.
6. Кожухова Н. В., Кожухова Д. А. Анализ занятости и безработицы на рынке труда Самарской

области // Региональное развитие. – 2015. – № 4 (8). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-zanyatosti-i-bezrobotitsy-na-rynke-truda-samarskoy-oblasti> (дата обращения: 25.02.2019).

7. Кондусова В. Б., Бахина В. А. Напряженность на рынке: региональный разрез // Интеллект. Инвестиции. Инновации. – 2019. – № 1 (37). – С. 83–86.

8. Леушина Т. В., Еремеева Н. С. Экономическая активность населения Оренбургской области // Новината за напреднали наука-2013 : материали за IX Междунар. науч.-практ. конф., 17–25 май 2013 г., София. – София: Бял. ГРАД-БГ, 2013. – Т. 16 Икономики Държавна администрация. – С. 65–73.

9. Лопаткин И. В. Рынок труда Саратовской области: социологический взгляд // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 39–41.

10. Олейник М. В. Статистическое изучение показателей, характеризующих рынок труда в Оренбургской области // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2016. – № 6. – С. 173–176.

11. Попова В. Б., Фецович И. В. Статистический анализ регионального рынка труда (на примере Тамбовской области) // Стратегия развития региона. – 2013. – № 46 (325). – С. 22–27.

12. Стрябкова Е. А., Панкратова А. Е. Исследование рынка труда региона и методы прогнозирования его развития // Научный результат. Экономические исследования. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 21–34.

13. Сюпова М. С., Бондаренко Н. А. Проблемы профессионально-структурного дисбаланса на региональном рынке труда // Вестник ТОГУ. – 2017. – № 2 (45). – С. 135–142.

14. Тагиев Р. Х. Статистический анализ зависимости занятости и безработицы от показателей социально-экономического развития в трудоизбыточном регионе (на примере Республики Дагеста) // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 6 (285). – С. 59–68.

15. Якушкин И. А., Леушина Т. В. Статистический анализ и прогнозирование уровня безработицы в Оренбургской области // В сборнике: Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры материалы Всероссийской научно-методической конференции. Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», 2018. – С. 3237–3243.

16. Strielkowski W. Undeclared work in the Czech republic and its implications for the Czech labour market // Central European Business Review. – 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 7-14.

17. Brada J.C., Marelli E., Signorelli M. Introduction: young people and the labour market: key determinants and new evidence // Comparative Economic Studies. – 2014. – Т. 56. – № 4. – С. 556-566.

References

1. Breev, B.D. (2005) *Bezrobotica v sovremennoj Rossii* [Unemployment in modern Russia]. Moscow: Nauka, 271 p.

2. Bystrickaya, A.YU. (2015) [State of the labor market in the regions of the Central Federal District]. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy]. Vol. 3, pp. 26–27. (In Russ.)

3. Gishkaeva, L.L. (2013) [Theoretical analysis of the nature and features of the functioning of the labor market]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and business: ways of development Naukaibiznes: putirazv]. Vol. 7 (37), pp.75–78. (In Russ.)

4. Golubeva, L.F. (2013) [Regional aspects of employment (on the example of the Tambov region)]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. Vol. 5 (051), pp. 67–76. (In Russ.)

5. Gornin, L.V., Zaharov, R.V., Edrenkina, N.M. (2013) [Labor market: state and priority directions of development]. *Vestnik KrasGAU* [VestnikKrasGAU]. Vol. 6, pp. 9–14. (In Russ.)

6. Kozhuhova, N.V., Kozhuhova, D.A. (2015) [Analysis of employment and unemployment in the labor market of the Samara region]. *Regional'noye razvitiye* [Regional development]. Vol. 4 (8). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-zanyatosti-i-bezrobotitsy-na-rynke-truda-samarskoy-oblasti> (accessed 25.02.2019) (In Russ.)

7. Kondusova (Kuznecova), V.B., Bahina V.A. (2019) [Tension in the market: a regional perspective]. *Intellekt. Investitsii. Innovatsii* [Intellect. Investments.Innovation]. Vol. 1 (37), pp. 83–86. (In Russ.)

8. Leushina, T.V., Eremeeva, N.S. (2013) [Economic activity of the population of the Orenburg region]. *Novinata za naprednali nauka-2013* [Novinat for science 2013: materials for the IX International. scientific-practical Conf.], Sofia: Sofia: Byal. GRAD-BG., pp. 65–73. (In Russ.)

9. Lopatkin, I.V. (2015) [Labor Market in the Saratov Region: a Sociological View]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya* [News of the Saratov University. New series. Sociology series.Political science]. Vol. 15. No. 1, pp. 39–41.(In Russ.)

10. Olejnik, M.V. (2016)[Statistical Study of Indicators Characterizing the Labor Market in the Orenburg

Region]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Innovatsionnaya nauka»* [International Scientific Journal “Innovation Science”]. Vol. 6, pp. 173–176. (In Russ.)

11. Popova, V.B., Feckovich, I.V. (2013) [Statistical analysis of the regional labor market (on the example of the Tambov region)]. *Strategiya razvitiya regiona* [Regional Development Strategy]. Vol. 46 (325), pp. 22–27. (In Russ.)

12. Stryabkova, E.A., Pankratova, A.E. (2018) [Study of the regional labor market and methods for forecasting its development]. *Nauchnyy rezul'tat. Ekonomicheskiye issledovaniya* [Scientific Result Economic research]. Vol. 4. No 1, pp. 21–34. (In Russ.)

13. Syupova, M.S., Bondarenko, N.A. (2017) [Problems of professional-structural imbalance in the regional labor market]. *Bulletin of TOSU [Vestnik TOGU]*. Vol. 2 (45), pp. 135–142. (In Russ.)

14. Tagiev, R.H. (2013) [Statistical analysis of the dependence of employment and unemployment on indicators of socio-economic development in a labor-surplus region (using the example of the Republic of Dagest)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. Vol. 6 (285), pp. 59–68. (In Russ.)

15. Yakushkin, I.A., Leushina, T.V. (2018) [Statistical analysis and forecasting of the unemployment rate in the Orenburg region]. *V sbornike: Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tseñtr obrazovaniya, nauki i kul'tury materialy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [collection: University complex as a regional center of education, science and culture materials of the All-Russian scientific and methodological conference]. Orenburg State University, pp. 3237–3243. (In Russ.)

16. Strielkowski, W. (2013) Undeclared work in the Czech republic and its implications for the Czech labour market. *Central European Business Review*. Vol. 2. No. 4, pp. 7–14. (In Eng.)

17. Brada, J.C., Marelli, E., Signorelli, M. (2014) Introduction: young people and the labour market: key determinants and new evidence. *Comparative Economic Studies*. Vol. 56, No. 4, pp. 556–566. (In Eng.)

Информация об авторах:

Валентина Борисовна Кондусова, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом, сервиса и туризма, **ORCID ID:** 0000-0003-2471-2435; **Researcher ID:** F-1391-2015; **Scopus Author ID:** 56581466100, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: valyosha@list.ru

Виктория Александровна Бахина, магистрант, направление подготовки 38.04.03 Управление персоналом, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: vika-klubnika.95@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Valentina Borisovna Kondusova, candidate of Economical Sciences, Associate professor at the Department of Personnel Management, Service and Tourism, **ORCID ID:** 0000-0003-2471-2435; **Researcher ID:** F-1391-2015; **Scopus Author ID:** 56581466100, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: valyosha@list.ru

Victoria Alexandrovna Bakhina, undergraduate, training direction 38.04.03 Personnel Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: vika-klubnika.95@mail.ru

The paper was submitted: 20.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕПОЧКЕ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

С.М. Крымов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: skrymov@yandex.ru

М.В. Кольган

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: kolgan.m@yandex.ru

Аннотация. Рассматривая современное состояние экономической системы и закономерности ее развития, нельзя не отметить преобладающую роль информационных ресурсов для ее субъектов во всех отраслях. **Актуальность** темы обусловлена необходимостью развития новых подходов к структуре товарообмена на основе учета поведения «потребителя нового поколения» в условиях цифровизации. **Цель** статьи заключается в выявлении идентификации требований к структуре цепей товарообмена с точки зрения новых и перспективных возможностей цифровой экономики. Ведущими **методами** является комплексный анализ современных инновационных подходов к цепочке товародвижения, экспликация моделей, прогнозов поведения потребителей в условиях информационной экономики. Одним из приоритетных прогнозов являются сценарии на основе потребительской панели ведущей исследовательской организации GfK. Представленные **результаты** исследования указывают на тот факт, что современные информационные технологии представляют собой нововведение, нарушающее равновесие в привычной цепи товародвижения. Информационные технологии – один из приоритетов развития сферы товарообращения, который может обеспечить прорыв в качестве, скорости, доступности и эффективности предоставления услуг без роста расходов. На этой основе делаются выводы и прогнозы по формированию новых возможностей потребителей в модифицированной цепочке товародвижения. **Научная новизна** результатов проведенного исследования состоит в развитии концепции трансформации потребления в информационной экономике. Среди положений проведенного исследования, имеющих элементы новизны, можно выделить следующие научные **результаты**: во-первых, модификация экономического поведения потребителей проявляется в усложнении механизма организации и принятия потребительских решений; во-вторых, происходит резкое усиление влияния информационных технологий на поведение потребителей; в-третьих, имеет место новая тенденция изменения поведения «потребителей нового поколения» – контекстно-зависимая модель процесса покупки; в-четвертых, структурные сдвиги в потреблении – «потребители нового поколения», становятся важным мультипликатором торговли. Направления дальнейшего исследования обуславливают экспликацию, дескрипцию комплекса вопросов, связанных с формированием отечественных бизнес-экосистем, разработкой модели адаптации предприятий и появлением новых форм организации коммерческой деятельности.

Ключевые слова: цифровизация, омниканальность, «потребитель нового поколения», торговля, поведение потребителя.

Для цитирования: Крымов С. М., Кольган М. В. Структурные изменения в цепочке товародвижения под влиянием новых информационных возможностей // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 36–42. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-36.

STRUCTURAL CHANGES IN THE CHAIN OF PRODUCTION MOVEMENT UNDER THE INFLUENCE OF NEW INFORMATION CAPABILITIES

S.M. Krymov

Saint-Petersburg Polytechnic University Peter the Great,
St. Petersburg, Russia
skrymov@yandex.ru

M.V. Kolgan

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: kolgan.m@yandex.ru

Abstract. Considering the current state of the economic system and the laws of its development, it should be noted the prevailing role of information resources for its subjects in all sectors. The relevance of the topic is due to the need to develop new approaches to the structure of commodity exchange based on the behavior of the “new generation consumer” in the context of digitalization. The purpose of this article is to identify requirements to the structure of the circuits of exchange of goods from the point of view of new and promising opportunities for the digital economy. The leading methods are a comprehensive analysis of modern innovative approaches to the chain of goods movement, explication of models, forecasts of consumer behavior in the information economy. One of the priority forecasts is scenarios based on the consumer panel of the leading research organization Gfk. The presented results of the study indicate the fact that modern information technology is an innovation that disturbs the balance in the usual chain of goods movement. Information technology is one of the priorities of the development of the sphere of trade, which can provide a breakthrough in the quality, speed, availability and efficiency of services without increasing costs. On this basis, draws conclusions and makes forecasts for the development of new opportunities for users in the modified distribution chain. The scientific novelty of the results of the study is the development of the concept of transformation of consumption in the information economy. Among the provisions of the study, with elements of novelty, we can distinguish the following scientific results: first, the modification of the economic behavior of consumers is manifested in the complexity of the mechanism of organization and consumer decision-making; second, there is a sharp increase in the impact of information technology on consumer behavior; third, there is a new trend of behavior “consumers of a new generation – context-dependent model of the buying process; fourth, structural shifts in consumption – “new generation consumers” – are becoming an important multiplier of trade. The directions of further research determine the explication, description of the complex of issues related to the formation of domestic business ecosystems, the development of a model of adaptation of enterprises and the emergence of new forms of business organization.

Keywords: digitalization, omnichannel, “new generation consumer”, trade, consumer behavior.

Cite as: Krymov, S.M., Kolgan, M.V. (2019) [Structural changes in the chain of production movement under the influence of new informational opportunities] *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 36–42. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-36.

Введение

Цифровая трансформация цепочек товародвижения не является чем-то новым. Начиная с внедрения ERP систем, электронных систем товарооборота, новых технических средств, таких как сканирование, систем управления информацией о продукции, CRM, цифровизация является повсеместным атрибутом. Новыми или постоянно совершенствующимися в процессе обмена организационно-экономических условий, принципов товарообращения является, помимо интеграции систем и отдельных звеньев цепочек товародвижения, возможность использовать высокую скорость обработки данных. Это позволяет клиенту стать агентом данной цепочки, активно участвуя в развитии предприятия, повышении его конкурентоспособности.

Главная проблема исследования связана с систематизацией современных представлений о новых возможностях потребителей за счет информационной модификации в цепочке товародвижения, использование которых, позволит обеспечить конкурентоспособность и позитивное развитие предприятий.

Общие задачи теоретического и прикладного характера: изучить и проанализировать активизацию роли потребителей и их основные характеристики, обуславливающие инновационные перемены в товарообращении; выявить направления трансформации потребления в цифровой экономике.

Предметом исследования является совокупность теоретико-методологических и организационно-

практических отношений в формировании новых возможностей потребителей при информационной модификации цепочки товарообращения. Объектом исследования являются модели покупательского поведения, влияющие на процессы формирования и развития товародвижения в условиях применения информационных технологий.

Сущностная характеристика «потребителей нового поколения»

Усиливающаяся цифровая трансформация влечет за собой большую свободу действий, выбора и даже влияния для клиента, т.е. потребителя. До начала цифровой трансформации распределение знаний между потребителями и продавцами было разрозненным. Благодаря возможностям интернета и скорости получения информации, потребителям представилась возможность более прозрачно видеть ситуацию на рынке. Информированный клиент теперь может быстро и качественно оценить предложение продавцов, сравнивая их как конкурентов [1; 2].

Возникающая в связи с этим угроза вытеснения стационарной торговли пока невелика, а важность онлайн-торговли и связанных с ней отраслей, заметна уже сегодня. Исследование показывает, что покупатели очень ценят интегрированное, «омниканальное» присутствие ритейла и отвечают более высоким уровнем лояльности бренду, большей суммой среднего чека и частотой покупок [3; 4;

5]. Статистика свидетельствует, что 22% покупателей покупают больше, если используют мобильное устройство. При этом у более 50% из них средний чек на 25% выше. В целом эффект от «омниканальности» в торговле может быть в 2–4 раза выше. Лидеры мирового и отечественного ритейла это понимают и работают в своих компаниях над построением омниканальных продаж. Например, «М.Видео» считает развитие интегрированных продаж стратегическим приоритетом, который позволит сохранить потребителей бренда и вернуть трафик в офлайн-магазины или перенаправить прежних интернет-покупателей в традиционные токи продаж. Однако обеспечение такого присутствия подразумевает очень серьезные изменения, и не только в технологическом обеспечении – понадобится переработать как стратегию развития компании, так и ее операционную модель. Необходимость тотальной прозрачности и контроля товародвижения во всех каналах продаж потребует изменения процессов – от маркетинга

и планирования ассортимента до логистики и постпродажной поддержки.

Важные суждения относительно тенденций в мире мультимедийной торговли с выборкой свыше 35 тыс. онлайн-пользователей в возрасте 15+ (16+ в России) были взяты за количественную основу из исследований, проведенных на базе потребительской панели GfK.

Как показали результаты исследования, многоканальное поведение при выборе и покупке наблюдается во всех исследованных категориях. В России лидирующими категориями с многоканальным поведением являются Игрушки, Одежда/обувь, Аудиоустройства, Мелкая бытовая техника, где более 50% покупателей покупают как онлайн, так и офлайн. Кроме этого определились категории с самой значимой долей чистого онлайн покупательского поведения (с самой высокой долей только онлайн покупателей): Носимые устройства, Смартфоны, Компьютеры, Финансовые услуги, Аудиоустройства, Мелкая и крупная бытовая техника (рис. 1).

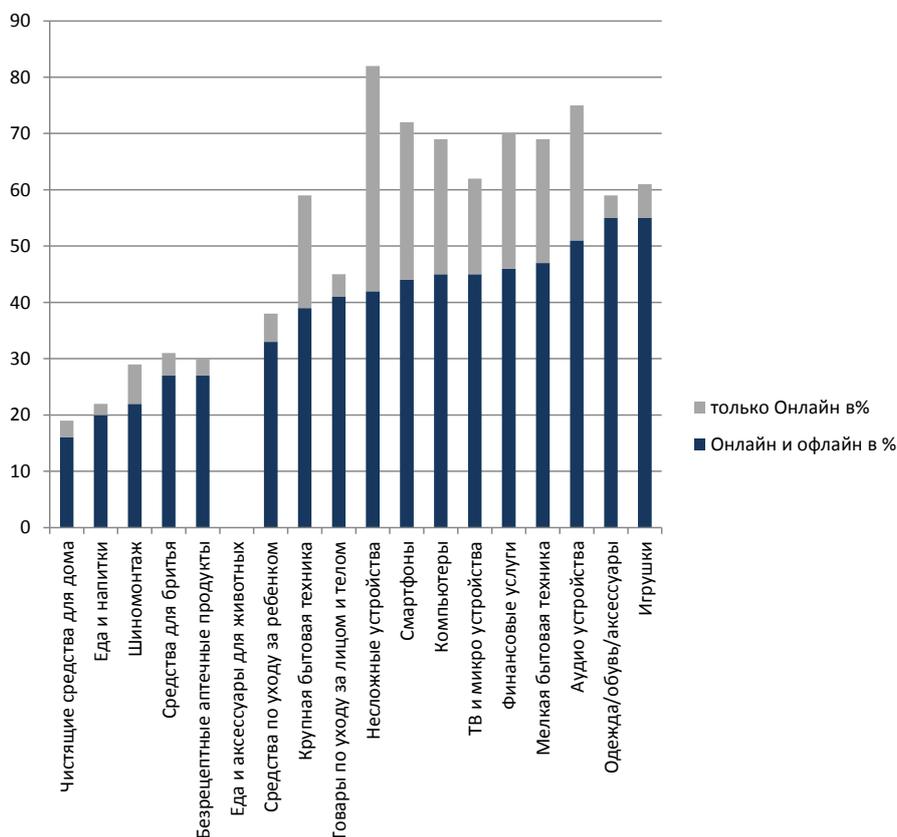

Рисунок 1. Тенденций в мире мультимедийной торговли по исследованиям GfK FutureBuy, 2018 г. [12]

При том, что чистого офлайн поведения не сохранилось ни в одной из категорий, он по-прежнему востребован. Дело в том, что в сознании потребителей устойчиво сложились роли онлайн и офлайн каналов покупки. Офлайн – ценен впечатлениями и уникальным покупательским опытом,

здесь покупки более эмоционально вовлеченные. Онлайн – более рациональная и быстрая покупка. Главное преимущество покупки онлайн, по мнению покупателей, – экономия денег, и вот уже несколько лет – это главный драйвер онлайн-покупок.

Содержание онлайн-торговли

Если посмотреть, как меняются причины выбора потребителем онлайн-канала, то из интересных инсайтов можно выделить то, что значимость фактора низких цен хотя и остается высокой, но все же несколько снизилась (на 4 п.п. по сравнению с данными этого исследования в 2016 году), а важность такого фактора, как быстрая покупка, только растет. «Но все, же главным фактором успеха для онлайн-торговли как локальной, так и трансграничной, является качество и скорость доставки. Поэтому так важно знать, что конкретно потребители в разных странах и регионах России понимают под удобной доставкой, чтобы работать над развитием и повышением качества фулфиллмента», – говорит Елена Морковина, руководитель отдела Digital Ad Нос GfK Rus [12].

В России для роста онлайн-покупок в будущем

будут актуальны такие опции, как доставка в день заказа, а также бесплатная доставка. На текущий момент самая удобная опция получения товара – возможность самовывоза.

Онлайн поиск и покупки потребители предпочитают делать на больших экранах, однако роль смартфона неуклонно растет. Доля россиян, которые покупали со смартфона, выросла за последние два года с 18% в 2016 году до 26% в 2018 году. При этом особенно растет интенсивность использования смартфона при онлайн поиске и покупке среди молодой аудитории. Этот тренд подтверждается еще одним исследованием GfK. По данным кросс-медийного исследования GfK, россияне в процессе выбора тратят практически столько же времени на онлайн-шopping через смартфоны, сколько через стационарный компьютер (таблица 1).

Таблица 1. Кросс-медийное исследование GfK об использовании времени в сети Интернет [11]

Логотип/ тип контента	Стационарный компьютер (время ч:м:с)	Смартфон (время ч:м:с)
 Социальные сети	12:58:00	15:49:22
 Media-on-Demand	15:35:43	86:43:07
 Информация/Новости	6:20:29	2608:16
 Коммуникации	3:20:06	6:17:38
 Игры	3:54:35	11:54:53
 Shopping	3:21:06	3:15:39

В России одни из самых высоких ожиданий по отношению к покупке с мобильных устройств. 42% россиян говорят, что будут рады возможности оплачивать больше операций со своего мобильного устройства. Это немного меньше, чем в целом по миру (46%), где эти показатели подкрепляются жителями стран Азии, которые являются большими энтузиастами мобильных покупок и платежей. Но это больше, чем в странах с традиционными платежными системами – Германии, Великобритании, США.

Эти сведения, основанные на репрезентативных исходных данных, являются доказательством того, что уже сейчас предсказуемо для области торговли. Наглядным это станет на примере поставщиков недорогих товаров молодежной одежды, на которых динамика онлайн-продаж для их молодой целевой групп оказывает сильное воздействие.

Текущие опросы подтверждают, что «потребители нового поколения», т.е. подрастающее и определяющее будущее «цифровое» поколение

потребителей, ни в коем случае не настаивают исключительно на использовании онлайн-торговли. Несмотря на то, что информация из интернета или покупки онлайн является естественными опциями, классический аналоговый процесс совершения покупок играет для них, как и прежде, важную роль [6;7]. В то время как изобилие, но и одновременно противоречивость данных в интернете испытывают потребительское доверие, аналоговые каналы – будь то магазины или печатные издания – носят более высокий обязательный характер.

Новые факторы будущей торговли

На основании поведения и позиций «потребителя нового поколения» требования к торговле завтрашнего дня можно представить следующим образом:

1) «потребители нового поколения» являются важным мультипликатором торговли. Они ищут информацию, сравнивают и совершают покупки

в равной степени и в аналоговом и цифровом пространстве, но в силу того, что они всегда «на связи», могут не только сравнивать цены и данные о товаре до потребления, но и размещать отзывы в социальных сетях, влияя на активность потребления.

2) «потребители нового поколения» являются приверженцами этического потребления. Морально-этические критерии выбора подразумевают ориентацию на биологически чистые или натуральные продукты, справедливую торговлю, продукты местного, фермерского производства, а также несут принципы «осознанного потребления», когда есть готовность заплатить больше за справедливо произведенные товары.

3) «потребители нового поколения» являются контекстно-зависимыми. В современном мире существует неограниченное количество продуктов и сервисов, поэтому для потребителя большое значение приобретают нематериальные выгоды. В связи с этим маркетинговые технологии предприятий перестраиваются для работы с брендами и торговлей, инструменты перестают быть связанными с ценой и позиционированием. Теперь чтобы заинтересовать потребителя, торговой организации нужно стать частью жизни потребителя, его индивидуальности и желаний, формируя символические связи с другими сферами жизни.

4) «потребители нового поколения» подходят к процессу покупки и оценке различных людей, явлений, не одинаково, с учётом индивидуальных особенностей и обстоятельств. Данный факт говорит о том, что не каждый процесс приобретения должен обязательно соответствовать новейшим трендам [8; 9]. В зависимости от повода совершения покупки он может находиться в диапазоне между привычным и инновационным впечатлением. К примеру, покупка, связанная с потребительскими ежедневными товарами, формирующими домашние запасы продовольствия и др. будет обладать свойствами функциональности, непрерывности, удобства и доступности. Процесс покупки категории товаров из сегмента моды и стиля должен быть на самом современном уровне, обладающий самыми модными торговыми инновациями, дизайном места, обновляемой дополнительной выгодой.

5) «потребители нового поколения» требуют больше усилий продавца по убеждению к покупке. Перенасыщение потребителей привело к тому что, чтобы привлечь их совершить покупку, ритейле-

ру необходимо придумать и применить стратегию с индивидуальным, заслуживающим доверия подходом. Торговля сегодня должна уделять большое внимание честному информированию покупателя, а также давать возможность хорошо существовать, выглядеть, вдохновлять и облегчать жизненные функции [10; 11]. Не забывая при этом о соотношении цены и качества предоставляемых товаров и услуг.

6) «потребители нового поколения» являются приверженцами мобильных устройств и приложений [12]. Согласно исследованиям, проводимым Яндекс.Маркет и GfK в декабре 2018 года, ответственные потребители по-прежнему чаще всего совершают покупки с компьютера. Однако при этом растёт доля заказов, оформленных с телефонов и планшетов: за год она почти удвоилась – до 21% в российских и 40% в иностранных магазинах. По данным опроса, в зарубежных магазинах больше покупают с мобильных устройств из-за простоты оплаты, более удобных приложений и наличия скидок при покупке со смартфона.

На сегодня мобильные приложения, используемые благодаря техническим инновациям мобильных терминалов – ноутбуков, планшетов, смартфонов, носимых аксессуаров, имеют самые высокие темпы роста. Данные тенденции позволяют улучшить осведомленность потребителей, обеспечивая при этом получение информации в любое время. Тем самым теряется привязка не только к месту осуществления покупок, но и время (утреннее, вечернее).

Заключение

Исходя из проведенного исследования, распределение долей каналов реализации товаров и услуг будет и дальше изменяться. Торговля с использованием информационных технологий представляет собой нововведение, нарушающее равновесие в привычной цепи товародвижения, которое приведет некоторых сегодняшних участников рынка либо к исчезновению, либо поможет подняться на новую ступень развития.

Говорить о вытеснении стационарной торговли, пока явно не следует, напротив, новые технологии станут новым эволюционным импульсом конкуренции, сделают ее адаптивной в отношении эффективности модели деловых взаимосвязей и привлекательности для потребителей.

Литература

1. Джефф Лаукс, Джеймс Маколей, Энди Норонха, Майкл Уэйд Цифровой вихрь. Как побеждать диджитал-новаторов их же оружием. – М.: Эксмо, 2018. – 352 с.
2. Панышин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. – 2016. – № 3 (157). – С. 17–20.
3. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс] / Администрация Президента России. – Ре-

жим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 10.05.2018).

4. Гушин В. FMCG. Как наладить бизнес-процессы, обойти конкурентов, встроиться в матрицу и закрепитесь на полке. – СПб: Питер, 2017. – 288 с.
5. Флегонотова Т. А. Регулирование электронной коммерции в КНР: риски и возможности для международного сотрудничества // Вестник международных организаций. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 150–168.
6. Акерлоф Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2014. – 273 с.
7. Кешелава А. В., Буданов В. Г., Румянцев В. Ю. Введение в «Цифровую» экономику. – М.: ВНИИ-Геосистем, 2017. – 28 с.
8. Бабкин А. В., Чистякова О. В. Цифровая экономика и ее влияние на конкурентоспособность предпринимательских структур // Российское предпринимательство. – 2017. – Том 18. – № 24. – С. 4087–4102.
9. Кольган М. В., Крымов С. М. Управление изменениями организационных структур на основе учета принципа версионности в информационных системах производственных предприятий // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 6–2 (59–2). – С. 480–485.
10. Крымов С. М., Кольган М. В. Методология инновационных обновлений предприятий на основе информационных технологий // Креативная экономика. – 2018. – Том 12. – № 6. – С. 787–804.
11. Российский потребитель 2018-2019 [Электронный ресурс] / Обзор GfK. – Режим доступа: <https://www.gfk.com/ru/insaity/report/obzor-gfk-rossiiskii-potrebitel-2018-2019> (дата обращения: 12.12.2018).
12. Проникновение Интернета в России [Электронный ресурс] / Исследование GfK. – Режим доступа: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii-1> (дата обращения: 12.12.2018).
13. Ведерников М. Е. Трансформация бизнес-процессов и бизнес-моделей под влиянием новых ИТ решений // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2015 – № 53. – С. 32–34.
14. Красюк И. А., Медведева Ю. Ю. Методологические подходы к инновационному развитию розничной торговли // Инновации. – 2017. – № 12 (230). – С. 105–112.
15. Красюк И. А. Теоретико-методологические основы маркетинговой концепции организации розничной торговли в регионах: монография. – СПб.: ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. – 252 с.

References

1. Jeff Laux (2018) *Cifrovoyvihr'. Kakpobezhdai' didzital-novatorovihzheoruzhiem* [Digital vortex. How to defeat digital innovators with their own weapons]. Moscow: Exmo, 352 p.
2. Panshin, B. (2016) [The Digital economy: features and development trends]. *Nauka iinnovacii* [Science and innovation]. Vol. 3 (157), pp. 17–20. (In Russ.)
3. Office of the President of Russia (2017) *Strategy of information society development in the Russian Federation for 2017-2030.: the decree of the President of the Russian Federation from 09.05.2017, Vol. 203* Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed: 10.05.2018) (In Russ.)
4. Gushchin, V. (2017) *FMCG. Kaknaladit' biznes-processy, obojtikonkurentov, vstroit'sya v matricuizakrepi't'syanapolke* [FMCG. How to establish business processes, to bypass competitors, to integrate into the matrix and to gain a foothold on the shelf]. Saint Petersburg: Peter, 288 p.
5. Flegontova, T.A. (2017) [Regulation of electronic Commerce in China: risks and opportunities for international cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [Bulletin of international organizations]. Vol. 12. No. 4, pp. 150–168. (In Russ.)
6. Akerlof, George. (2014) *Spiritus Animalis, ili kak chelovecheskaya psihologiya upravlyayet ehkonomikoji pochemu ehto vazhno dlya mirovogo kapitalizma* [Spiritus Animalis, or How human psychology drives the economy and why it matters for global capitalism]. Moscow: United Press, 273 p.
7. Keshelava, A.V. (2017) *Vvedenie v «Cifrovuyu» ehkonomiku* [Introduction to the Digital economy]. Moscow: VNIIGeosystem, 28 p.
8. Babkin, A.V. (2017) [The digital economy and its impact on the competitiveness of business structures]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian business]. Vol. 18. No. 24, pp. 4087–4102. (In Russ.)
9. Kolgan, M.V., Krymov, S.M. (2015) [Management of changes in organizational structures based on the principle of versioning in the information systems of industrial enterprises]. *Ehkonomika I predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. Vol. 6–2 (59–2), pp. 480–485. (In Russ.)
10. Krymov, S.M., Kolgan, M.V. (2018) [Methodology of innovative updates of enterprises on the basis of information technologies]. *Kreativnaya ehkonomika* [Creative economy]. Vol. 12. No. 6, pp. 787–804. (In Russ.)
11. *Rossiiskiy potrebitel' 2018-2019* [Russian consumer 2018-2019]. Available at: <https://www.gfk.com/ru/insaity/report/obzor-gfk-rossiiskii-potrebitel-2018-2019> (accessed 12.12.2018) (In Russ.)

12. *Proniknoveniye Interneta v Rossii* [Internet penetration in Russia]. Available at: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii-1> (accessed 12.12.2018) (In Russ.)

13. Vedernikov, M.E. (2015) [Transformation of business processes and businessmodels under the influence of new it solutions]. *Sbornik konferentsiy NIT Sotsiosfera* [Collection of conferences SIC Sociosphere]. No. 53, pp. 32–34. (In Russ.).

14. Krasnyuk, I.A., Medvedev, Yu. Yu. (2017) [Methodological approaches to the innovative development of retail trade]. *Innovacii* [Innovations]. No. 12 (230), pp. 105–112. (In Russ.)

15. Krasnyuk, I.A. (2018) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy marketingovoy koncepcii organizacii roznichnoj trgovli v regionah* [Theoretical and methodological basis of the marketing concept of the organization of retail trade in the regions]. St. Petersburg: Saint Petersburg Polytechnic university of Peter the Great, 252 p.

Информация об авторах:

Сергей Михайлович Крымов, доктор экономических наук, профессор, профессор высшей школы основ экономики и менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, **ORCID ID:** 0000-0001-7691-0893, **Scopus Author ID:** 57195297997, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: skrymov@yandex.ru

Мария Владимировна Кольган, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и инженерной экономики, Донской государственный технический университет, докторант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, **ORCID ID:** 0000-0003-2694-5777, **Scopus Author ID:** 57202381792, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: kolgan.m@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Krymov Sergey Mihailovich, Doctor of Economics, professor, Professor of the Higher School of Economy and Management Saint-Petersburg Polytechnic University Peter the Great, **ORCID ID:** 0000-0001-7691-0893, **Scopus Author ID:** 57195297997, St. Petersburg, Russia
e-mail: skrymov@yandex.ru

Kolgan Maria Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Marketing and Engineering Economics Department, Don State Technical University, PhD student of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, **ORCID ID:** 0000-0003-2694-5777, **Scopus Author ID:** 57202381792, Rostov-on-don, Russia
e-mail: kolgan.m@yandex.ru

The paper was submitted: 21.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

К ВОПРОСУ О СТАБИЛИЗАЦИИ КУРСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

А.А. Мусина

Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Нур-Султан, Республика Казахстан
e-mail: amusina@kuef.kz

Ж.Т. Шакирова

Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан
e-mail: jt1957@mail.ru

***Аннотация.** В современных условиях роста неопределенности, перехода от фиксированного валютного курса к курсу управляемого плавания актуализировалась задача стабилизации национальных валют и таргетирования инфляции. На сегодня курс национальной валюты является одним из значимых вопросов для всех национальных государств постсоветского пространства.*

В статье анализируется опыт создания национальной денежной системы в Казахстане и в Кыргызии, рассматриваются меры национальных банков и правительства по стабилизации курса казахстанского тенге и кыргызского сома, по обеспечению доверия к национальным валютам в условиях процесса долларизации и падения темпов экономического роста. В статье дается экспертная оценка практики управления курсом национальных валют в Казахстане и в Кыргызии. Исследуются внешние и внутренние факторы, определяющие курс национальных валют, которые должны учитываться при прогнозировании ситуации на валютном рынке. Рассматривая девальвацию национальной валюты как меру стабилизации денежного обращения в стране, авторы отмечают ее положительные и отрицательные последствия и на этой основе рекомендуют Правительству и Национальному Банку Республики Казахстан при проведении курсовой политики учитывать выявленные признаки девальвационного процесса, оптимально соблюдая положительные и отрицательные стороны. Делается вывод о безальтернативности режима свободного плавания тенге, поскольку фиксированный курс валюты при волатильности внешних и внутренних экономических процессов постоянно будет приводить к шокам, накоплению дисбалансов, которые уже становились причиной резкой девальвации тенге. Чтобы обменный курс тенге нашел точку своего равновесия в условиях режима свободного плавания, необходимо стабилизировать и поддерживать устойчивое развитие реального сектора экономики.

***Ключевые слова:** валютный курс, обменный курс, девальвация валюты, ревальвация валюты, стабилизация валютного курса, фиксированный курс национальной валюты, плавающий валютный курс.*

***Для цитирования:** Мусина А. А., Шакирова Ж. Т. К вопросу о стабилизации курса национальной валюты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 43–48. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-43.*

TO THE QUESTION OF STABILIZATION OF THE NATIONAL CURRENCY COURSE

A.A. Musina

Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
e-mail: amusina@kuef.kz

J.T. Shakirova

Kyrgyz State Law Academy under the Government of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan
e-mail: jt1957@mail.

***Abstract.** In modern conditions of growing uncertainty, the transition from a fixed exchange rate to the rate of controlled navigation actualized the problem of stabilization of national currencies and inflation targeting. Today, the exchange rate of the national currency is one of the most important issues for all post-Soviet States.*

The article analyzes the experience of creating a national monetary system in Kazakhstan and Kyrgyzstan, discusses the measures of national banks and the government to stabilize the exchange rate of Kazakhstan tenge and Kyrgyz som,

to ensure confidence in national currencies in the process of dollarization and the fall of economic growth. The article provides an expert assessment of the practice of managing the exchange rate of national currencies in Kazakhstan and Kyrgyzstan. External and internal factors that determine the exchange rate of national currencies, which should be taken into account when forecasting the situation in the foreign exchange market, are studied. Considering the devaluation of the national currency as a measure of stabilization of monetary circulation in the country, the authors note its positive and negative consequences and on this basis recommend the Government and the National Bank of the Republic of Kazakhstan to take into account the revealed signs of the devaluation process, optimally observing the positive and negative sides when carrying out the exchange rate policy. It is concluded that there is no alternative to the regime of free floating of tenge, as the fixed exchange rate with the volatility of external and internal economic processes will constantly lead to shocks, the accumulation of imbalances that have already caused a sharp devaluation of the tenge. In order for the exchange rate of tenge to find its equilibrium point in the conditions of free floating, it is necessary to stabilize and maintain the sustainable development of the real sector of the economy.

Keywords: exchange rate, exchange rate, currency devaluation, currency revaluation, exchange rate stabilization, fixed national currency rate, floating exchange rate.

Cite as: Musina, A.A., Shakirova, Zh.T. (2019) [On the Question of Stabilization of the National Currency Rate]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 43–48. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-43.

Введение

Стабилизация национальной валюты является актуальной проблемой для всех стран постсоветского пространства. В каждой республике Центральной Азии сейчас существует своя национальная валюта. Таджикские сомони, казахстанские тенге, кыргызские сомы, узбекские сумы и туркменские манаты пришли на смену рублям СССР. Государствам этого региона пришлось приложить немало усилий, чтобы стабилизировать курс своих национальных валют, которые в итоге завоевали доверие у населения.

Одной из первых республик в Центральной Азии, которая стала использовать собственные денежные знаки, стала Республика Кыргызстан. 10 мая 1993 года в стране ввели в обращение кыргызский сом. На тот момент обменный курс составлял 4 сома за один доллар США. Однако, к середине декабря 1993 года один доллар стоил уже 8 сомов 30 тыйынов. По итогам первых пяти лет сом значительно упал в цене - один доллар обменивался по курсу 19 сомов. Далее наступил кризис 1998 года. Национальная валюта Кыргызстана за несколько месяцев подешевела более чем вдвое. В мае 1999 года за один доллар стоил уже свыше 42 сомов. В целом за 25 лет обращения национальной валюты Кыргызстана ее официальный курс относительно доллара США снизился в 16,6 раза: в мае 1993 года он составлял 4,14 сома за \$1, а в мае 2018 года – 68,74 сома за \$1¹.

Вместе с тем, в отличие от российского рубля и тенге кыргызская валюта в настоящее время демонстрирует относительную стабильность. Одной из причин этого является достаточно хорошая диверсификация экономики Кыргызстана, а также довольно ограниченный рынок ценных бумаг, ко-

торый исключает влияние иностранных инвесторов на колебания национальной валюты.

Совершенно другая ситуация складывается с динамикой курса казахстанской национальной валюты – тенге. Основным трендом последних лет на денежном рынке Казахстана является волатильность курса тенге вследствие неустойчивости экономики и тенденция к его снижению по отношению к мировым валютам. Негативность развития обменного курса имеет ряд отрицательных последствий в разных сферах экономики, банковском секторе и в социальной сфере. Попытки стабилизировать ситуацию, предпринимаемые на уровне Правительства и Национального банка, приносят временный эффект, но в целом не дают желаемого результата. Какие меры могут внести радикальные изменения в сторону улучшения ситуации? Ответ на данный вопрос можно сформулировать при условии глубокого изучения факторов, обуславливающих стабильность (либо нестабильность) национальной валюты.

Оценка факторов, определяющих обменный курс тенге

Как известно, воздействие любых факторов следует исследовать, исходя из классификации их на внешние и внутренние. В этом смысле можно согласиться с утверждением, что в настоящее время в качестве внешних факторов, определяющих курс национальной валюты (тенге), выступают:

- действующий и ожидаемый уровень цен на рынке нефти;
- обменный курс валют стран – торговых партнеров, в частности, курс российского рубля;
- монетарная политика ведущих центральных банков мира (ФРС, Центробанк ЕС и др.);
- общая ситуация по оттоку капитала из развивающихся государств в развитые страны вследствие ужесточения монетарной политики ФРС;

¹ Глава Национального банка Киргизии: Киргизский сом доказал свою стабильность за 25 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2413410.html>.

– мировая рыночная конъюнктура цен на основные экспортные позиции Казахстана и др. [2].

К внутренним факторам, оказывающим влияние на обменный курс тенге, можно отнести такие, как цена и объем добываемой нефти, состояние текущего счета платежного баланса страны, темп роста ВВП, структура экономики, уровень инфляции, сезонность и др.

Из этих внешних и внутренних факторов эксперты считают фундаментальными: цену нефти, обменный курс российского рубля (основной торговый партнер), состояние платежного баланса и экономики в целом, инфляцию. При сырьевой, недиверсифицированной структуре экономики цена на нефть и другие природные ресурсы всегда будет выступать как важнейший фактор, оказывающий влияние на обменный курс тенге.

Свободное «плавание» обменного курса тенге к доллару обеспечивает соответствие стоимости тенге внутренним и внешним фундаментальным факторам. Это позволяет обменному курсу абсорбировать внешние шоки и не накапливать дисбалансы в экономике. Интегрированность Казахстана в мировую экономику в условиях плавающего обменного курса, предполагает некоторую волатильность в зависимости от внешних факторов, в том числе ввиду оттока капитала из развивающихся рынков.

В условиях недиверсифицированной сырьевой и импортной зависимости экономики, при волатильности цен на природные ресурсы, особенно на нефть и газ, обменный курс казахстанской валюты будет продолжать колебаться в ту или иную сторону, что подтверждается в среднегодовом обменном курсе тенге. За последние 3 года (2016–2018 гг.), по данным Нацбанка Республики Казахстан, волатильность тенге значительна: в 2016 г. – 312,16; 2017 г. – 326,00; 2018 г. – на 1 ноября – 364,00 тенге (внутри 2016 г. она составила 15%, в 2017 г. – 6,9 %, в 2018 г. – 6,7% [3].

Примечательно, что на курс тенге к доллару стали оказывать большее влияние другие факторы, помимо котировок мировых цен на нефть. Эти «новшества» стали проявляться с июля-августа 2017, когда происходящие процессы не подтверждали сложившиеся традиционные закономерности, а именно: если цена нефти растет, то тенге к доллару должен укрепляться (и наоборот). Фактически в указанные месяцы ослабление тенге происходило на фоне роста котировок нефти. Нефть является одной из основных позиций экспорта Казахстана (и России также). Соответственно, динамика цен на нефть влияет на объем экспорта, и, соответственно, на сальдо торгового баланса и, в конечном счете, на сальдо счета текущих операций платежного баланса. Сальдо счета текущих операций платежного баланса оказывает влияние на краткосрочный (в моменте) баланс спроса и предложения иностранной валюты.

По российскому рублю наблюдалась похожая картина – при значительном росте мировых цен на нефть рубль не показал тенденции на укрепление. Также стоит отметить и ослабление тенге по отношению к российскому рублю в этот период – до этого кросс-курс долгое время колебался вокруг отметки 5,50 тенге за рубль, а к концу лета он устремился к уровню 6,00 тенге за рубль² [4].

Таким образом, на курсы тенге и рубля к доллару США стали оказывать большее влияние другие факторы, помимо котировок мировых цен на нефть.

Современное состояние динамики обменного курса тенге

Какие факторы оказывают влияние на динамику курса национальной валюты Казахстана в последние годы? Нынешнее ослабление тенге объясняется ситуацией в мире, а именно торговыми войнами между США и Китая, США и ЕС, санкциями к России, ужесточением монетарной политики ФРС США. К основным долгосрочным факторам можно отнести динамику движения капитала (приток и отток иностранных инвестиций и инвестиции резидентов за рубежом), разницу в темпах инфляции и разницу в процентных ставках [5].

Из внутренних факторов, на наш взгляд, более существенное влияние на ослабление обменного курса тенге имеют такие краткосрочные факторы, как сезонность, а также психологические и девальвационные ожидания.

Из названных факторов на курс тенге тот или иной фактор влияет в большей или меньшей степени, что, в свою очередь, зависит от экономической ситуации в стране, времени года, социальной напряженности, международной ситуации. Например, в летние месяцы (с июня по сентябрь) значительное влияние оказывает сезонный фактор (время отпусков, туризм, большое передвижение людей). С июня по сентябрь на бирже всегда происходит превышение спроса над предложением валют. Сезонность из года в год одинаковая: летом идет укрепление, в конце лета – начале осени ослабление, потом в середине осени укрепление, а в конце года вновь ослабление. Но доказать справедливость данного утверждения по среднемесячной и среднегодовой динамике с помощью статистики сложно, поскольку колебания курса по дням и месяцам усредняются и сглаживаются. А помесячные исследования за отдельный год даже на несколько лет не характерны, могут дать ошибочный прогноз, поэтому и ориентироваться инвесторам на них представляет большой риск. Но, известно, что в период налоговых выплат компаний-экспортеров значительно возрастает спрос на тенговую ликвидность, увеличивается предложение доллара на бир-

² Какие события влияют на динамику курса тенге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forbes.kz/finances/operatsii_capy_trade.

же, так как оплата налогов производится в тенге. В этом случае предложение превышает спрос и оказывает давление на тенге в сторону его укрепления. И, наоборот, в летний период отпусков выезжающее за границу на отдых, лечение, туристические поездки население создает спрос на иностранную валюту, что способствует превышению спроса над предложением валют и ослабляет курс тенге. Это повторяется ежегодно в одно и то же время.

При фиксированном обменном курсе в средне-годовой динамике проявление сезонного фактора не совсем четкое, курс тенге по месяцам равномерный, волатильность его незначительна, находится в пределах установленного валютного коридора. Например, в 2001 г. при среднегодовом курсе 146,74 тенге колебания его составляла 145,09 тенге в январе минимально, 149,59 тенге в декабре, в 2005 г. соответственно 132,88; 130,11; 135,66 тенге. При свободном плавании колебания курса значительные, влияние фактора сезонности более и менее четкое, в 2016 и 2017 гг. ослабление курса тенге начинается с апреля по сентябрь, начале года, наоборот, происходит укрепление. Для подтверждения этого воспользовались исследованием автора, выводы которого заслуживают внимания:

- в первом полугодии спрос на валюту и интерес к ней ниже, чем во втором;
- в первой половине года покупательная способность тенге повышается, а во второй – снижается. Этим объясняются весенне-летние сезонные девальвационные обострения. Происходит сезонное изменение соотношения спроса и предложения, что иногда приводит к спекуляции валют;
- при свободном плавании валюты ярче проявляется фактор сезонности и значительно уменьшается возможность проявления фактора спекуляции [6].

Анализ последствий девальвации тенге

Основной проблемой для экономической политики Казахстана являются постоянные девальвационные и связанные с этим инфляционные ожидания. Относительно психологических и девальвационных ожиданий следует отметить, что данные факторы в целом непредсказуемы, поскольку зависят в свою очередь от состояния экономики, политической обстановки и социального благополучия населения. При этом психологические факторы непосредственно могут отразиться на девальвационных ожиданиях. Так, в конце августа и в начале сентября 2018 г. возникла ситуация, когда из-за негативных слухов на рынке тенге вышел из равновесного состояния и перестал соответствовать фундаментальным факторам. Это немедленно усилило девальвационные ожидания.

Рассматривая девальвацию национальной валюты как меру стабилизации денежного обращения

в стране, следует отметить, что она имеет и положительные, и отрицательные последствия. Положительные последствия девальвации:

- предотвращение дисбалансов в экономике с раздуванием мыльного пузыря;
- экономия валютных резервов страны;
- поддержка конкурентоспособности экспортноориентированных отраслей и компаний, увеличение притока валютной выручки;
- ограничение утечки капитала из страны;
- балансирование платежного баланса;
- развития собственного производства (импортозамещение) и туризма.

К отрицательным последствиям, как правило, относятся:

- снижение конкурентоспособности отечественных товаров;
- рост инфляции, повышение цен на товары и услуги, потери сбережений населения и предприятий, что ведет к росту социального напряжения в стране с риском социального взрыва;
- рост импортных товаров для населения, технологий и сырья для бизнеса приводит непременно к росту инфляций, а также снижает возможности инновационного развития.

Правительству и Нацбанку при проведении курсовой политики следует учесть вышеотмеченные признаки девальвационного процесса и последствия, соблюдать оптимальный баланс.

Говоря о режиме свободного плавания тенге, следует отметить, что альтернативы данному режиму нет. Фиксированный курс валюты при волатильности внешних и внутренних экономических процессов постоянно будет приводить к шокам, накоплению дисбалансов, которые по имеющемуся опыту уже становились причиной проведения резкой корректировки курса, т.е. девальвации. При режиме свободного плавания обменный курс тенге должен найти точку своего равновесия, для чего необходимо стабилизировать и экономику и поддерживать устойчивое ее развитие.

Послание Президента страны народу Казахстана от 5 октября 2018 года провозглашает в качестве ключевой задачи развития рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни [6]. В нем подчеркнута, что отныне индикатором работы госорганов будет именно рост благосостояния населения, а не абстрактные цифры по ВВП или промышленному производству. Для реализации данного поручения Президента одной из важных задач должна стать стабилизация обменного курса тенге. Необходимо преодолеть тенденции систематического падения тенге по отношению к доллару, поскольку это приводит к удорожанию цен на товары и продовольствие в нашей импортозависимой экономике, сужает возможности диверсификации и изменения структуры экономики. Если экономика

не генерирует в достаточной степени экспортные доходы, но при этом тратит тот же объем средства на оплату импорта, то соответственно будет наблюдаться дисбаланс на валютном рынке. То, что происходит с курсом, – это исключительно рефлексия на системные, глубинные процессы, которые сложились в нашей экономике.

Заключение

На сегодня курс национальной валюты является одним из самых значимых вопросов не только для казахстанцев, но для всех стран постсоветского пространства [4, 8, 9].

Меры по стабилизации обменного курса приносят временный эффект, поскольку они не в полностью учитывают влияние многочисленных факторов.

Все вышеназванные внутренние факторы должны учитываться при прогнозировании ситуации на валютном рынке. Все внешние факторы также требуют мониторинга. В первую очередь, это экономическая ситуация в России и темпы экономического роста в Китае, так как это важные торговые партнёры. Кроме этого, Казахстан сильно привязан к экономике России через Евразийский экономи-

ческий союз. Любая неблагоприятная обстановка в соседнем государстве автоматически сказывается на экономической ситуации в Казахстане. Одна из причин девальвации была и будет связана с падением курса рубля. Это является прямым доказательством влияния внешних факторов.

Текущий режим денежно-кредитной политики Национального банка Республики Казахстан способствует стабильному и сбалансированному росту экономики. Однако, без радикального изменения подходов к системному решению проблем стабильности национальной валюты эффективность проводимой денежно-кредитной политики не будет достаточной.

Мы разделяем точку зрения экономистов [10, 11, 12] о том, что назрела необходимость разработать целевые программы и механизмы развития реального сектора экономики и в том числе несырьевых отраслей, что позволит наполнить рынок товарами отечественного производства, и продолжить внедрение эффективных мер по деолларизации экономики, по переходу банковского сектора к инвестиционно-инновационной модели стимулирования экономического роста.

Литература

1. Рязанов В. Новая экономическая политика (НЭП) № 2: исторические уроки и перспективы госкапитализма в России // *Экономист*. – 2018. – № 3. – С. 3–23.
2. Клишин А. И. Факторы, влияющие на изменения валютного курса // *Экономические науки*. – 2013. – № 04. – С. 170–173.
3. Статистика Нацбанка РК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalbank.kz/> (дата обращения: 01.11.2018).
4. Кузнецов А., Иванова К. Деолларизация в странах ЕАЭС: основные тенденции и перспективы // *Банки Казахстана*. – 2018. – № 7. – С. 14–21.
5. Свободно плавающий обменный курс позволяет абсорбировать внешние шоки и избегать дисбаланса в экономике // *Банки Казахстана*. – 2018. – № 8. – С. 55–56.
6. Кусаинов А. Как поведет себя тенге в 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://informburo.kz/aidarkhan-kusainov/> (дата обращения: 01.11.2018).
7. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана. 5 октября 2018 г. рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akorda.kz/> 9 (дата обращения: 01.11.2018).
8. Блинов Р. Рубль под гнетом санкций и внутренних обязательств // *Банковское дело*. – 2018. – № 10 (296). – С. 51–55.
9. Харди Дж. Ничто не победит сильный доллар быстрее, чем сильный доллар // *Банки Казахстана*. – 2018. – № 12. – С. 30–33.
10. Габдыгапар Сейткасимов Актуальные вопросы развития экономики Казахстана. – Астана: ИПЦ КазУЭФМТ, 2015. – 396 с.
11. Лаврушин О. И. Облик банка будущего и тренды развития банковской деятельности // *Банковское дело*. – 2017. – № 6. – С. 36–41.
12. Нурланова Н., Расулев А. Центральная Азия: новые возможности и новые риски для устойчивого развития национальных экономик // *Общество и экономика*. – 2018. – № 5. – С. 46–58.

References

1. Ryazanov, V. (2018) [New economic policy (NEP) № 2: historical lessons and prospects of state capitalism in Russia]. *Ekonomist* [Economist]. Vol. 3, pp. 3–23. (In Russ.)
2. Klishin, A.I. (2013) [Factors affecting changes in the exchange rate]. *Ekonomicheskkiye nauki* [Economic Sciences]. Vol. 4, pp. 170–173. (In Russ.)

3. *Statistika Natsbanka RK* [Statistics of the National Bank of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <http://www.nationalbank.kz/>
4. Kuznetsov, A., Ivanov, K. (2018) [Dedollarization in the EEC countries: the main trends and prospects]. *Dedollarizatsiya v stranakh YEAES: osnovnyye tendentsii i perspektivy* [Banks of Kazakhstan]. Vol. 7, pp. 14–21.5. (In Russ.)
5. *Svobodno plavayushchiy obmennyy kurs pozvolyayet absorbirovat' vneshniye shoki i izbegat' disbalansa v ekonomike* [Free-floating exchange rate allows you to absorb external shocks and avoid imbalances in the economy]. Banks of Kazakhstan. 2018.No. 8, p. 55–56.
6. Kusainov, A. *Kak povedet sebya tenge v 2018g* [How will tenge behave in 2018]. Available at: <https://inforburo.kz/aidarkhan-kusainov/>
7. Message of the President of the Republic of Kazakhstan N.Nazarbayev to the people of Kazakhstan. October 5, 2018 growth of the welfare of Kazakhstan: an increase in income and quality of life. Available at: <http://www.akorda.kz/>.
8. Blinov, R. (2018) [Ruble under the yoke of sanctions and domestic obligations]. *Bankovskoye delo* [Banking]. Vol. 10 (296, pp. 51–55. (In Russ.)
9. Hardy, G. (2018) [Nothing beats a strong dollar faster than a strong dollar]. *Banki Kazakhstana* [Kazakhstan Banks]. Vol. 12, pp. 30–33. (In Russ.)
10. Gabdygapar Seitkasimov (2015) *Aktual'nyye voprosy razvitiya ekonomiki Kazakhstana* [Topical issues of economic development in Kazakhstan]. Astana: CPI KazUEFMT, 396 p.
11. Lavrushin, O. I. (2017) [Shape of the Bank of the future and trends in the development of banking]. *Bankovskoye delo* [Banking]. Vol. 6, pp. 36–41. (In Russ.)
12. Nurlanova, N. (2018) [Central Asia: new opportunities and new risks for sustainable development of national economies]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy]. Vol. 5, pp. 46–58. (In Russ.)

Информация об авторах:

Амина Амиржановна Мусина, доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований, Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Нур-Султан, Республика Казахстан

e-mail: amusina@kuef.kz

Жылдыз Таплаевна Шакирова, кандидат экономических наук, и.о. профессора кафедры экономики и управления, Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

e-mail: jt1957@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.11.2018; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Amina Amirzhanovna Musina, Doctor of Economics, Director of the Center for Social and Economic Research, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

e-mail: amusina@kuef.kz

Zheldiz Taplaevna Shakirova, Candidate of Economics, Acting Professor of Economics and Management, Kyrgyz State Law Academy under the Government of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

e-mail: jt1957@mail.ru

The paper was submitted: 22.11.2018.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

РОЛЬ МАССОВОЙ КОЛЛАБОРАЦИИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА, БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА

Ю.М. Полякова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: flaeeee@gmail.com

Аннотация. *Актуальность* рассматриваемой темы обусловлена ростом популярности массовой коллаборации как инструмента активации коллективного разума с целью повышения эффективности деятельности организации и экономического развития в масштабах страны. Развитие краудсорсинга в России, как одной из форм занятости в цифровой экономике, представляет особую важность для повышения конкурентоспособности на глобальном рынке, что подтверждается национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», принятой 28 июля 2017 г.

Цель исследования – обосновать значимость краудсорсинга как вида массовой коллаборации в развитии общества, бизнеса и государства и выявить проблемы, препятствующие масштабному распространению данной технологии в России.

В работе анализируется зарубежная и российская практика применения технологии краудсорсинга, определены выгоды и преимущества краудсорсинга для общества в лице работника, бизнеса в лице работодателя и государства.

Проведенный анализ позволил выявить и описать проблемы развития краудсорсинга в России и на основе метода декомпозиционного моделирования вычленил «проблемы-причины» и «проблемы-следствия» и построить «дерево проблем». Проблемы развития краудсорсинга в России структурированы по 4 блокам: «Общество», «Образование», «Бизнес» и «Государство». Это позволило определить ключевые проблемы развития рассматриваемой технологии – слабая научная проработанность и отсутствие действенных механизмов реализации краудсорсинга. В качестве основной проблемы-следствия выделена неразвитая сервисная инфраструктура, а также низкий уровень краудсорсинговой грамотности населения России.

В качестве приоритетных задач развития краудсорсинга в России выделено совершенствование законодательной базы Российской Федерации в части регулирования отношений, складывающихся в краудсорсинговом процессе между работником и работодателем, разработка действенных механизмов защиты прав интеллектуальной собственности, развитие сервисной инфраструктуры в регионах страны, а также расширение образовательных программ в области цифровой экономики для повышения уровня цифровой грамотности населения.

Материалы статьи могут быть полезны студентам, аспирантам, преподавателям, бизнесу, а также представителям государственных органов власти.

Ключевые слова: коллективный разум, массовая коллаборация, краудсорсинг, цифровизация бизнес-процессов, развитие цифровых технологий.

Для цитирования: Полякова Ю. М. Роль массовой коллаборации в развитии общества, бизнеса и государства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 49–57. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-49.

THE ROLE OF MASS COLLABORATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY, BUSINESS AND STATE

Yu. M. Polyakova

Moscow State University named after MV Lomonosov, Moscow, Russia
e-mail: flaeeee@gmail.com

Abstract. *The relevance* of the topic under consideration is due to the growing popularity of the mass collaboration as a tool for activating the collective mind in order to increase the effectiveness of the organization's activities and economic development throughout the country. The development of crowdsourcing in Russia, as one of the forms of employment in the digital economy, is important for improving competitiveness in the global market, as evidenced by the national program "Digital Economy of the Russian Federation" adopted on July 28, 2017.

The purpose of the study is to substantiate the importance of crowdsourcing as a type of mass collaboration in

the development of society, business and the state and to identify problems that impede the large-scale distribution of this technology in Russia.

The paper analyzes foreign and Russian practice of using crowdsourcing technology, identifies the benefits and advantages of crowdsourcing for the public represented by the employee, the business represented by the employer and the state.

The analysis made it possible to identify and describe the problems of the development of crowdsourcing in Russia and, based on the method of decomposition modeling, isolate “problems-causes” and “problems-consequences” and build a “problem tree”. The problems of crowdsourcing development in Russia are structured in 4 blocks: “Society”, “Education”, “Business” and “State”. This made it possible to identify the key problem of the technology development – weak scientific elaboration and the absence of effective mechanisms for the implementation of crowdsourcing. The main problem is the development of the service infrastructure, as well as the low level of crowdsourcing literacy of the Russian population.

As priority tasks for the development of crowdsourcing in Russia, the improvement of the legislative base of the Russian Federation in terms of regulating relations in the crowdsourcing process between the employee and the employer, developing effective mechanisms for protecting intellectual property rights, developing service infrastructure in the regions of the country, and expanding educational programs in digital economy to increase the digital literacy of the population.

Article materials may be useful to students, graduate students, teachers, businesses, as well as representatives of state authorities.

Keywords: *collective intelligence, mass collaboration, crowdsourcing, business-processes’ digitalization, development of digital technologies.*

Cite as: Polyakova, Yu.M. (2019) [The Role of the Mass Collaboration in the Development of Society, Business and the State]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 49–57. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-49.

Введение

В условиях массовой цифровизации процессов, удовлетворяющих потребности как отдельного человека, так общества в целом, ускоренного развития и масштабирования информационных технологий наблюдается усиление значимости возможностей коллективного разума. Термин «коллективный разум» или «коллективный интеллект» впервые был использован в социологии при изучении процесса коллективного принятия решений в середине 1980-х гг. Идея о существовании коллективного разума существует уже более века. Э. Дюркгейм в своей книге «Элементарные формы религиозной жизни» (*Elementary Forms of Religious Life*) установил, что общество представляет собой более высокоинтеллектуальную форму, чем индивидуум, и является единственным источником логического мышления у человека [12]. Данная идея также развивалась в работах таких ученых, как В.И. Вернадского (концепция «ноосферы»), Г.Д. Уэллса (концепция «мирового мозга»), Д.Р. Хофштадтера и Д.К. Энгельбарта (концепция «коллективного интеллекта») и др. Не менее значимый вклад в развитие идеи коллективного разума оказали П. Леви и Г. Дженкинс, которые определили, что коллективный интеллект связан с культурой, основанной на знаниях, и поддерживается совместным использованием идей.

Позднее, ученые Д. Тапскотт и Энтони Д. Вильямс определили коллективный разум как массовое сотрудничество людей, которое возможно при наличии четырех ключевых принципов коллаборации данного типа:

1. *Открытость* (возможность совместного использования идей и интеллектуальной собственности с целью увеличения выгоды посредством кооперации);

2. *Совместное использование* (современный тренд в ведении бизнеса, который заключается в предоставлении ограниченного доступа к некоторым идеям для совместного использования, что приводит к расширению и появлению новых рынков);

3. *Пиринг* (горизонтальная интеграция людей в совместную работу над продуктом/услугой для дальнейшего совместного использования);

4. *Глобализация* (развитие информационных и интернет-технологий позволяют компаниям иметь неограниченный доступ к новым рынкам, идеям и технологиям) [2].

По мнению ученых, коллективный разум – это способность группы людей решать задачи и проблемы с большей эффективностью, чем способность каждого отдельно взятого высококвалифицированного специалиста [9].

Массовая коллаборация, как инструмент применения коллективного разума, представляет собой процесс совместной деятельности людей для достижения общих целей. Данный процесс предполагает обмен знаниями, возможность обучения, наличие руководящего процессом органа и содержит элемент конкурентной борьбы между участниками. Ученые классифицируют коллаборации по различным признакам: субъект, количество объектов, уровень, направление исследований и конечный продукт, масштаб, восприятие, способ выработки

общих правил, географическое расположение, область науки и пр. [3]

В условиях реализации государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. требуется изучение одного из видов популярной массовой коллаборации в сети Интернет – краудсорсинга. Технология краудсорсинга представляет собой процесс, при котором неопределенный круг лиц или «толпа» объединяет интеллектуальные и материальные ресурсы для достижения общих целей или целей третьих лиц на специализированных виртуальных платформах [6].

Применение технологии краудсорсинга возможно в различных сферах жизни, таких как: образование, наука, медицина, искусство, бизнес, государство и пр. [5] Каждой сфере присущи свои характеристики и условия реализации крауд-проектов, уровень сложности и масштаб. Предлагается рассмотреть наиболее крупные области прикладного применения краудсорсинга «общество, бизнес и государство».

Краудсорсинг как вид массовой коллаборации в обществе

В условиях возникновения все более сложных и иерархически организованных систем, прогрессивной эволюции человечества благодаря научно-

платформ мира

№	Наименование	Сфера деятельности	Кол-во краудсорсеров	Кол-во клиентов	Общая сумма оплаты труда
1.	99designs	графический дизайн	> 1 млн	444306	\$ 200 млн
2.	Foursquare	поиск мест	> 50 млн	> 50 млн	–
3.	Yahoo Answers	ответы на вопросы	о/д	150 млн/мес.	–
4.	Digg	новости	500 тыс.	> 35 млн	–
5.	Amazon Mechanical Turk	решение мелких задач	> 500 тыс.	о/д	\$ 79/нед.

Участие общества в крауд-проектах является одним из факторов, повышающих уровень занятости, в силу некоторых преимуществ: возможности повысить статус в сообществе, расширить знания и компетенции, получения дополнительного заработка, ориентации компаний на результат, а не на личные характеристики работника (пол, возраст, национальность и пр.).

На рисунке 1 представлена диаграмма, отражающая количество человек, когда-либо участвовавших в крауд-проектах, а также доли краудсорсеров, искавших работу по трем категориям: вождение (*Uber*, *Blablacar*), крауд-работа вне дома (*Handy*, *Taskrabbit*, *Mybuilder*) и крауд-работа на дому (*Upwork*, *Freelancer*, *Clickworker*, *PeoplePerHour*). В Австрии 20% респондентов имели опыт работы в крауд-проектах, что почти в два раза превышает тот же показатель в Нидерландах и Объединенном

техническим революциям и, в том числе, появлению Всемирной паутины самоорганизация людей в сообщества для осуществления совместной деятельности в сети Интернет становится все более популярной и востребованной.

В интернет-среде процессы поиска людей со схожими интересами, самореализации личности, обмена знаниями и опытом стали более простыми и легкими [9]. Например, нереализованный потенциал человека может быть раскрыт при совместной работе в крауд-проектах по различной тематике: написание статей для пополнения базы электронной энциклопедии (Википедия), распознавание снимков поверхности планеты Марс (*Planet Four*), изучение генома человека (*The Human Genome Project*), виртуальный рынок труда (*Amazon Mechanical Turk*), выполнение заказов в области дизайна (*99 designs*), размещение журналистами-добровольцами идей для репортажей (*Story Exchange*) и др. [13]

В настоящее время в мире насчитывается свыше 400 краудсорсинговых платформ, включая российские. По данным рейтинга, составленного *MMGP [Money Maker Group]* в 2016 году лучшими краудсорсинговыми платформами являются *99designs*, *Foursquare*, *Yahoo Answers*, *Digg*, *Amazon Mechanical Turk* (таблица 1).

Таблица 1. Характеристики популярных крауд-

Королевстве. Доля работников, искавших работу в крауд-проектах на дому, выше всего в Австрии (34%) и Швеции (22%). Самый низкий показатель по поиску работы водителем через шеринговые сервисы зафиксирован в Объединенном королевстве (7%) [11].

Возможности технологии краудсорсинга для развития бизнеса

Впервые технология краудсорсинга была применена в бизнес-модели компании *Threadless*, которая занимается производством футболок и аксессуаров с принтами, разработанными членами ее сообщества на специализированной виртуальной площадке. Одной из разновидностей краудсорсинга является краудфандинг – сбор средств с целью поддержки усилий третьих лиц посредством краудфандинговых платформ. Краудфандинг как инструмент объ-

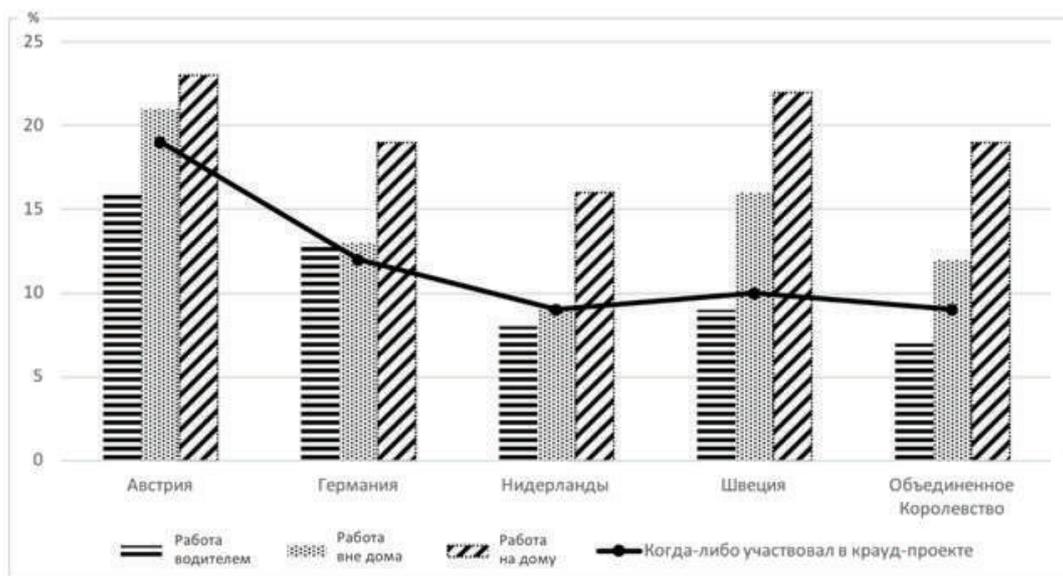

Рисунок 1. Работа в сфере краудсорсинга по странам Европы, 2016 (Источник: составлено автором на основе данных *Crowd work in Europe, Executive Summary*)

единения материальных ресурсов общества в большей степени распространен в мире, чем краудсорсинг как инструмент применения коллективного разума. Например, согласно данным *Crowdinvest*

Insight, объем немецкого рынка краудинвестинга в 2018 г. вырос в 5 раз по сравнению с 2015 г. и составил 500 млн евро [10] (рисунок 2).

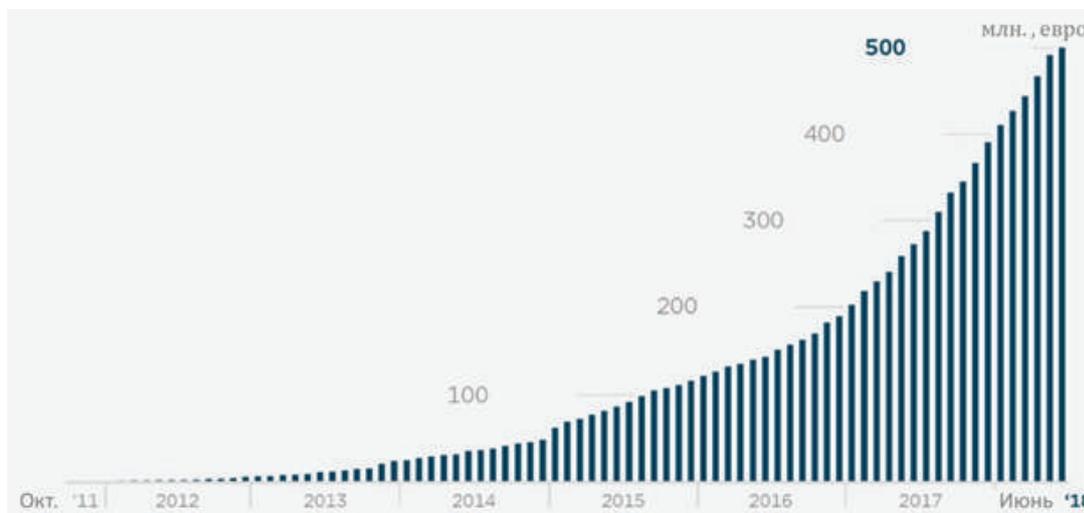

Рисунок 2. Развитие краудинвестинга в Германии, окт. 2011 – июнь 2018, млн евро (Источник: *Crowdinvest Insight 500 Mio. Euro, Juni 2018*)

Краудсорсинг применим в качестве маркетингового инструмента для продвижения бренда, товаров и услуг, расширения пула лояльных клиентов [4]. Рекламная кампания *Schick Quattro*, нацеленная на привлечение новых клиентов, совместно с лидером креативного интернет-рынка по организации творческих соревнований по разработке идей и созданию контента *eYeka* добились рекордного числа просмотров видеороликов (21% против 17,1% для других компаний), разработанных на крауд-

площадке, и самой низкой стоимости конверсии (54%). Результаты крауд-проекта по поиску идей для сохранения актуальности бренда и обеспечения локальных рынков, проведенного *Coca-Cola*, показали сокращение расходов на 92% по сравнению с обычными производственными затратами. *Nestle* совместно с *eYeka* организовали крауд-проект по созданию видеороликов клиентами компании об их отношении к продукту *Milo*. Во время реализации крауд-проекта продажи компании выросли на 1,8%

по сравнению с предыдущим годом, а коэффициент кликабельности (CTR) составил 5,01 %, что в 3 раза превышает средний показатель по отрасли [8].

Технология краудсорсинга в бизнесе широко применима в США, Австралии и странах Западной

Европы. За последние пять лет российский крупный бизнес начал активно применять технологию краудсорсинга в своей деятельности. Таблица 2 содержит данные по наиболее популярным зарубежным и российским крауд-проектам.

Таблица 2. Примеры зарубежных и российских крауд-проектов

Компания	Цель проекта	Крауд-сорсеры	Вознаграждение
Hyperloop	Реализации концепции вакуумного поезда	Все заинтересованные лица	Оформление в штат сотрудников по реализации данного проекта
My Starbucks Idea	Сбор предложений по рецептам, технологиям, расположению заведений и т. п.	Все заинтересованные лица	–
McDonald's	Создание нового бургера	Все заинтересованные лица	Включение в меню победившего бургера
Lego	Проектирование нового конструктора	Лояльные клиенты	–
Сбербанк России	Сбор идей по развитию бизнеса	Сотрудники компании	Денежное вознаграждение
ОАО «РЖД»	Сбор идей по повышению качества услуг, оказываемые ж/д вокзалами	Любой россиянин	Сертификаты OZON.Travel и Enter, поездка на выходные, ноутбук, дорожный набор чемоданов
Азбука вкуса	Сбор идей по развитию компании, ассортимента, сервиса, маркетинговых акций	Лояльные клиенты	Включение в штат постоянных сотрудников

Эффективность применения краудсорсинга отражают результаты реализации крауд-проекта ОАО «Сбербанк России» по оптимизации бизнес-процессов организации: общий эффект составил 60 млрд руб., из которых 23 % приходится на внедрение идей, разработанных на крауд-платформе [1].

Согласно результатам исследований Д. Тапскотта и Энтони Д. Вильямса, краудсорсинг, как коллективный разум «толпы», дает бизнесу такие преимущества, как *эффективное использование талантливых кадров со всего мира, создание спроса* путем расширения пула лояльных и потенциальных клиентов через вовлечение их в совместную трудовую деятельность по созданию/совершенствованию производимого продукта/услуги, *снижение транзакционных издержек* в части поиска и подбора персонала, оплаты труда, аренды служебных помещений и др.

В качестве других выгод применения технологии краудсорсинга для развития бизнеса можно назвать перераспределение работы одного сотрудника между группой краудсорсеров, получение объективного мнения и свежего взгляда на деятельность компании, возможность привлечения авторитетных

экспертов, повышение узнаваемости бренда и компании.

Использование массовой коллаборации при решении социально-значимых задач государства

Практика применения государственного краудсорсинга как инструмента активизации коллективного разума населения имеет широкую популярность по всему миру. В 1901 году в результате краудсорсингового конкурса был создан государственный флаг Австрии, а затем в 1902 году таким же образом был создан флаг Новой Зеландии. В середине XX века правительство штата Нового Южного Уэльса Австралии объявило международный конкурс по созданию проекта оперного театра (*Sydney Opera House*), тем самым расширив границы участия. Таблица 3 содержит информацию о наиболее значимых российских государственных крауд-проектах.

Использование технологии краудсорсинга в масштабах государства позволяет повысить уровень жизни населения с учетом условий и возможностей каждой административно-территориальной единицы и потребностей граждан [7].

Таблица 3. Российские государственные краудсорсинговые проекты

Заказчик/ Организатор	Цель проекта	Крауд-сорсеры	Вознаграждение
Правительство г. Москвы	Повышение качества отдыха детей	Любой москвич	–
Правительство г. Москвы	Разработка новых маршрутов автобусного сообщения с учетом потребностей жителей	Любой москвич	–
Правительство г. Москвы	Повышение уровня жизни в г. Москве («Активный гражданин»)	Все заинтересованные лица	Бесплатный паркинг, экскурсии, сертификаты и др.

Источник: составлено автором на основе данных с сайта Витология (Witology) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://witology.com/>.

«Дерево проблем развития краудсорсинга» в России

Проведенный анализ развития краудсорсинга в мире и России позволил выявить проблемы, препятствующие распространению краудсорсинга в рамках страны, и структурировать их, вычленив «проблемы-причины» и «проблемы-следствия». На основе декомпозиционного моделирования было построено «дерево проблем развития краудсорсинга», отражающее причинно-следственные связи между проблемами развития краудсорсинга в России (рисунок 3).

Выявленные проблемы структурированы по 4 блокам: «Государство», «Общество», «Бизнес» и «Образование», что позволило определить главную проблему развития краудсорсинга в России – слабая научная проработанность и отсутствие действенных механизмов реализации данной технологии. Это, в свою очередь, является следствием низкого уровня краудсорсинговой грамотности и неразвитой инфраструктуры.

Не смотря на привлекательность и удобство краудсорсинга как вида трудовой деятельности, можно выделить несколько проблем развития данной технологии в России. Во-первых, особенности российского менталитета, которые заключаются в боязни и неприятии инновационных инструментов и технологий, превалирование ретроградов в аппарате управления предприятием и, в целом, на российском рынке труда не позволяют технологии краудсорсинга получить широкое применение. Во-вторых, из-за низкой научной проработанности технологии краудсорсинга в России наблюдается несформированная культура участия в крауд-проектах. Данные проблемы требуют решения путем осуществления грамотной поэтапной социальной политики.

Развитие краудсорсинга в России как инструмента ведения бизнеса тормозит низкая степень его применения и отсутствие пула краудсорсеров ввиду высокого риска потерь от внедрения данной технологии в бизнес-процессы организации по причине отсутствия компетенций и знаний в области реализации крауд-проектов. Наряду с этим, существуют некоторые

факторы, препятствующие развитию краудсорсинга как формы занятости в масштабах страны: несовершенство законодательной базы Российской Федерации, которое является причиной правовой незащищенности участников краудсорсингового процесса (бизнеса в лице работодателя и общества в лице работника), отсутствие и недейственность институтов защиты прав интеллектуальной собственности, следствием чего является низкая вовлеченность российских краудсорсеров в проекты данного типа. Научному сообществу совместно с государственным аппаратом власти необходимо решить выявленные проблемы с целью расширения практики применения краудсорсинга как вида массовой коллаборации для поддержания конкурентоспособности страны на глобальном рынке в условиях постоянных изменений и масштабной цифровизации.

Заключение

Анализ развития массовой коллаборации, в частности, краудсорсинга как одного из видов организации людей в сообщества для осуществления трудовой деятельности в сети Интернет, показал, что данная технология широко применима за рубежом в силу следующих преимуществ:

Для работника:

- свободный график работы;
- возможность дополнительного заработка и трудоустройства;
- повышение квалификации и расширение компетенций и пр.

Для бизнеса:

- снижение издержек;
- повышение прибыли;
- привлечение талантливых кадров со всего мира;
- расширение пула лояльных клиентов и пр.

Для государства:

- решение социально-значимых задач и проблем в масштабах государства;
- повышение уровня гражданского участия и культуры и пр.

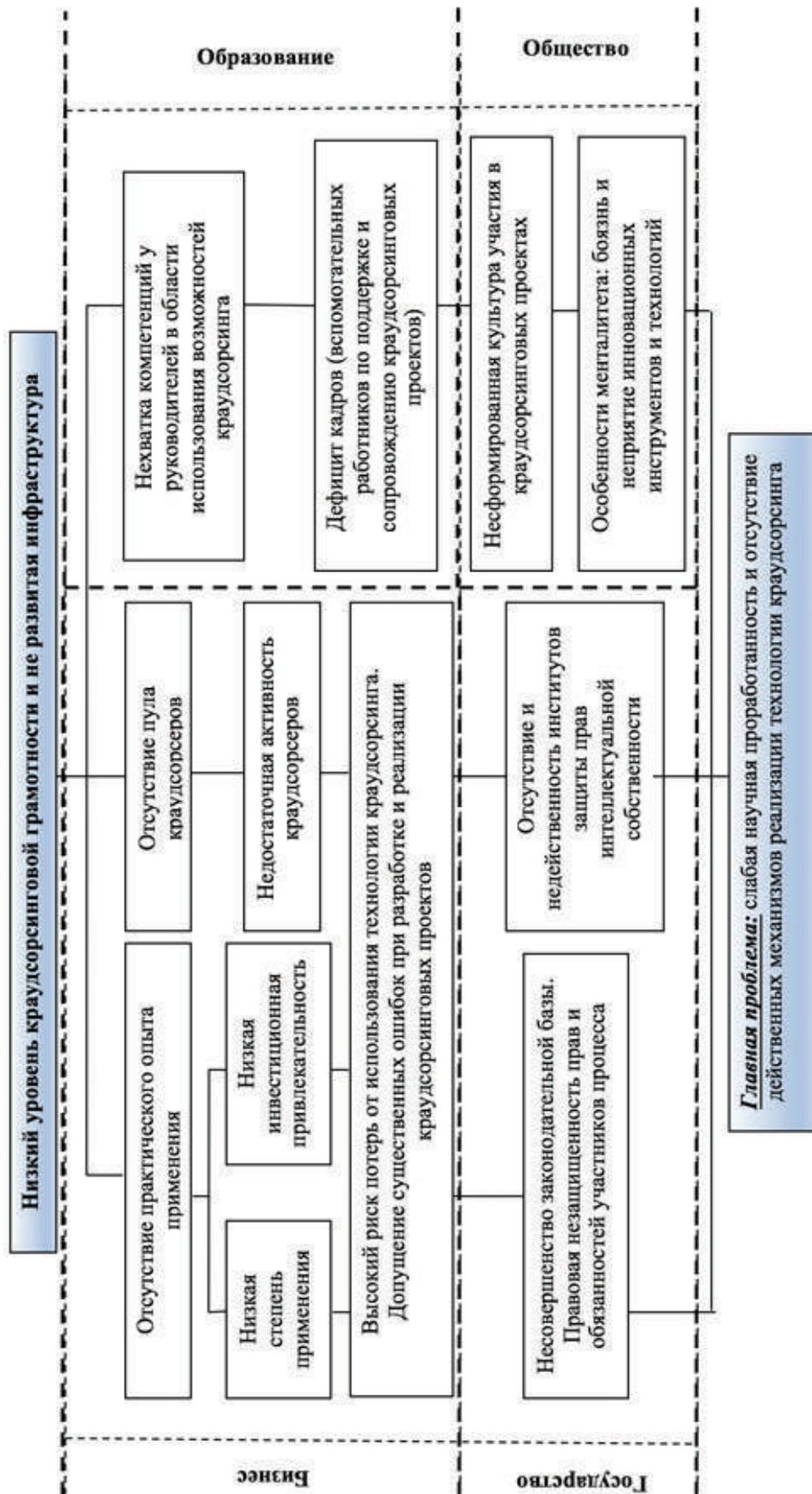

Рисунок 3. «Дерево проблем развития краудсорсинга» в России (Источник: составлено автором)

Широкая география практики применения коллективного разума в развитии современного общества, бизнеса и государства подтверждает его значимость в условиях глобальных изменений и трансформаций на основе цифровизации. Исследования показали, что массовая коллаборация, как способ объединения людей, обеспечивает высокое качество результатов трудовой деятельности при минимизации транзакционных издержек. Вместе с этим, был определен ряд проблем развития краудсорсинга в России как вида массовой коллаборации, в связи с чем были обозначены ключевые направления исследований. Решение выявленных проблем развития краудсорсинга в России является

важной задачей в условиях реализации государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В качестве приоритетных задач развития краудсорсинга в России необходимо выделить совершенствование законодательной базы в части разработки законопроектов по регулированию краудсорсинговой деятельности и механизмов защиты прав интеллектуальной собственности, решение инфраструктурных и образовательных проблем, связанных с недостаточным развитием сервисной инфраструктуры в регионах России и малым количеством программ обучения в образовательных учреждениях по рассматриваемой тематике.

Литература

1. Гиниева С. Б., Долженко Р. А. Внутренний краудсорсинг как инструмент вовлечения персонала // Управленец. – 2016. – № 3 (61). – С. 36–43.
2. Дон Тапскотт, Энтони Д. Уильямс Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все / пер. с англ. П. Миронов, Г. Василенко. – Изд-во: BestBusinessBooks, 2009. – 392 с.
3. Егеров С. В., Захарова С. А. Краудсорсинг в науке // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 311–322.
4. Казаков В. Н., Лапидус Л. В. Направления повышения эффективности использования человеческого потенциала в организациях // Межвузовский сборник научных статей «Социально-экономические и правовые проблемы повышения российской экономики, Выпуск 3. – 2016. – С. 29–40.
5. Коробкина Ю. Ш., Омельченко А. М. Научные коллаборации: определение, классификации и характеристики / Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2017. – № 7. – С. 72–83;
6. Лапидус Л. В. Краудсорсинг и краудфандинг. Маркетинговое продвижение проектов, продукции и услуг // Вестник Финансового университета. – 2016. – № 4 (94). – С. 32–41.
7. Лапидус Л. В., Полякова Ю. М. Гигномика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник Института Экономики РАН. – 2018. – № 6. – С. 73–89.
8. Полякова Ю. М. Воздействие краудсорсинга на изменение структуры российского рынка труда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 4. – С. 64–70.
9. Попов Д. Г., Фокина В. В. Влияние научно-технического прогресса на трансформацию ресурсов власти и общества // Управленческое консультирование. – 2018. – № 3. – С. 103–113.
10. Портал Crowdsourcing.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crowdsourcing.ru/article/kakova_realnaya_effektivnost_kraudsoringa_kejsy_ot_krupnejshix_brendov (дата обращения: 10.01.2019).
11. Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / Крис Скиннер; пер. с англ. О. Сивченко; [науч. ред. К. Щеглова]. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.
12. Crowdinvest Insight 500 Mio. Euro | Juni 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crowdfunding.de/wp-content/uploads/2018/06/Crowdinvest-Insight-500-Mio.-Euro-crowdfunding.de-Juni-2018.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
13. Crowd work in Europe. Preliminary results from a survey in the UK, Sweden, Germany, Austria and the Netherlands. Executive Summary, 2016. – p. 59;
14. Emelie Durkheim The Elementary Forms of Religious Life, 1912. – p. 115–155;
15. E. Mourelatos, N. Frarakis, M. Tzarakiz A Study on the Evolution of Crowdsourcing Websites // European Journal of Social Sciences. Vol. 11 Nr. 1. – 2017. – p. 29–40.

References

1. Ginieva, S.B., Dolzhenko, R.A. (2016) [Internal crowdsourcing as a tool for employee engagement]. *Upravlenets* [Manager]. Vol. 3 (61), p. 36–43. (In Russ.)
2. Don Tapscott, Anthony D. Williams Wikinomics (2009) *Kak massovoye sotrudnichestvo izmenyayet vse* [How mass collaboration changes everything]. Publishing house: BestBusinessBooks, 392 p.
3. Egerev, S.V., Zakharova, S.A. (2015) [Crowdsourcing in Science]. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac]. Vol. 6, pp. 311–322. (In Russ.)

4. Kazakov, V.N., Lapidus, L.V. (2016) [Directions for improving the efficiency of human potential use in organizations]. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey «Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye problemy povysheniya rossiyskoy ekonomiki* [Interuniversity collection of scientific articles "Socio-economic and legal problems of increasing the Russian economy]. Issue 3, pp. 29–40. (In Russ.)
5. Korobkina, Yu.Sh., Omelchenko, A.M. (2017) [Scientific Collaborations: Definition, Classifications, and Characteristics]. *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow* [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow]. No. 7, pp. 72–83. (In Russ.)
6. Lapidus, L.V. (2016) [Crowdsourcing and crowdfunding. Marketing promotion of projects, products and services]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of Financial University]. Vol. 4 (94), pp. 32–41. (In Russ.)
7. Lapidus, L.V., Polyakova, Yu.M. (2018) [Hygonomics as a new socio-economic model: the development of freelancing and crowdsourcing]. *Vestnik Instituta Ekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics RAS]. No. 6, pp. 73–89. (In Russ.)
8. Polyakova, Yu. M. (2017) [Impact of crowdsourcing on the change in the structure of the Russian labor market]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management]. No 4, pp. 64–70. (In Russ.)
9. Popov, D.G., Fokina, V.V. (2018) [The impact of scientific and technological progress on the transformation of the resources of government and society]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Management consulting]. No. 3, pp. 103–113. (In Russ.)
10. Portal Crowdsourcing.ru. Available at: http://crowdsourcing.ru/article/kakova_realnaya_effektivnost_kraudsorsinga_kejsy_ot_krupnejshix_brendov (In Russ.)
11. Skinner, K. (2019) *Chelovek tsifrovoy. Chetvertaya revolyutsiya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo* [Man digital. The fourth revolution in human history that will affect everyone]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 304 p.
12. Crowdinvest Insight 500 Mio. Euro | Juni 2018. Available at: <https://www.crowdfunding.de/wp-content/uploads/2018/06/Crowdinvest-Insight-500-Mio.-Euro-crowdfunding.de-Juni-2018.pdf> (In Russ.)
13. Crowd work in Europe. *Preliminary results from the UK, Sweden, Germany, Austria and the Netherlands*. Executive Summary, 2016, p. 59.
14. Emelie Durkheim (1912) *The Elementary Forms of Religious Life* [The Elementary Forms of Religious Life], p. 115–155
15. E. Mourelatos, N. Frarakis, M. Tzagarakiz. (2017) A Study on the Evolution of Crowdsourcing Websites. *European Journal of Social Sciences*. Vol. 11. No. 1, pp. 29–40. (In Engl.)

Информация об авторе:

Юлия Михайловна Полякова, лаборатория прикладного отраслевого анализа, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: flaeeee@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.01.2019; принята в печать 08.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yulia Mikhailovna Polyakova, Laboratory for Applied Industrial Analysis, Department of Economics, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia
e-mail: flaeeee@gmail.com

The paper was submitted: 14.01.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The author has read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 165

DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-58

РОЛЬ ОПИСАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ В ИЗМЕНЕНИИ НОРМАТИВНЫХ ГРАНИЦ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

В.А. Гончарова

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия
e-mail: maksimov55@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена философскому осмыслению степени влияния норм описания и объяснения на границы научного познания. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена тем, что нормы представляют собой основу науки, а каждый участник процесса научно-исследовательской деятельности, так или иначе, призван их соблюдать. При этом в наши дни наука претерпевает существенные изменения, что требует постоянного пересмотра нормативных основ исследовательского процесса.*

Автор, фокусируя внимание на значимости норм в формировании научных знаний, подчеркивает гносеологическую актуальность темы исследования. Обращение к содержанию классификаций научных норм, авторами которых являются Н.В. Мотрошилова и В.С. Степин, позволило уточнить содержание современных представлений об описании и объяснении знания. Далее рассматриваются проблемы функционального назначения данных норм и отслеживается взаимосвязь развития представлений о них с процессом изменения нормативных границ познания. Сравнительный анализ различных вариантов видения описания позволил уточнить особенности вклада отдельных мыслителей в формирование представлений об этой норме. Описание, в частности, исследовалось как абсолютная система отсчета в науке; диалектическая взаимосвязь языка и науки; операция, осуществляемая исходя из рационалистических установок с учетом опыта, дедуктивного мышления и интуиции; способ и принципы фиксации характеристик явления, расширяющих содержание понятия о нем. Выявление альтернативных представлений об объяснении показало, что данная норма, предполагающая установление причинно-следственных связей и формирование целостного образа объекта, действует на основании законов, признаваемых научным сообществом. Анализ нормы объяснения свидетельствует о том, что она реализует функцию регламентации процесса научного познания; задавая образцы логически корректного выстраивания размышления, эта норма способствует упорядочиванию научно-поисковой деятельности. Автор приходит к заключению о том, что нормы описания и объяснения, тесно коррелируя друг с другом, в ходе своего развития гибко реагируют на изменение условий осуществления исследовательского процесса, способствуя тем самым трансформации границ научного познания.

***Ключевые слова:** нормы, научное познание, границы, развитие, объяснение, описание.*

***Для цитирования:** Гончарова В. А. Роль описания и объяснения в изменении нормативных границ научного познания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 58–63. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-58.*

THE ROLE OF DESCRIPTION AND EXPLANATION IN CHANGING THE NORMATIVE BOUNDARIES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

V.A. Goncharova

Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia
e-mail: maksimov55@mail.ru

***Abstract.** The article is devoted to a philosophical understanding of the influence degree of the norms of description and explanation on the borders of scientific knowledge. The relevance of this study is determined by the fact that the rules are the basis of science, and each participant in the process of research activity, anyway, is to comply with them. At the same time, today science is undergoing significant changes, which requires a constant review of the research process regulatory framework.*

Focusing on the importance of norms in the formation of scientific knowledge, the author emphasizes the epistemological relevance of the research topic. Appeal to the classifications of scientific standards developed by N.V. Motroshilova and V.S. Steppe, allowed to clarify the content of modern ideas about the description and explanation of knowledge. Further, the problems of the functional purpose of these norms are considered and the relationship of the development of ideas about them with the process of changing the normative boundaries of knowledge is tracked. Comparative analysis of various options of the description made it possible to clarify the features of the individual thinkers contribution in the formation of ideas about this norm. The description, in particular, was investigated as follows: an absolute reference system in science; the dialectical relationship of language and science; an operation carried out on the basis of rationalistic attitudes taking into account experience, deductive thinking and intuition; method and principles of fixing the characteristics of the phenomenon, expanding the content of its concept. The identification of alternative ideas about explanation has shown that this rule, which implies the establishment of cause-effect relationships and the formation of a holistic image of an object, operates on the basis of laws recognized by the scientific community. An analysis of the norm of explanation indicates that it implements the function of regulating the process of scientific knowledge; by specifying patterns of logical alignment of thinking, this rule contributes to streamlining scientific research activities. The author comes to the conclusion that the norms of description and explanation, closely correlating with each other, in the course of their development, react flexibly to changing conditions for the implementation of the research process, thereby facilitating the transformation of the boundaries of scientific knowledge.

Keywords: norms, scientific knowledge, boundaries, development, explanation, description.

Cite as: Goncharova, V.A. (2019) [The role of description and explanation in changing the normative boundaries of scientific knowledge]. *Intellekt. Innovatsi. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 58–63. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-58.

Введение

Особенности образования и организации научного знания являются предметом исследования философов на протяжении многих сотен лет. Анализ развития философской мысли показывает, что философов интересовали вопросы, связанные с исследованием предметного поля науки, ее границ, выявлением механизмов образования и организации самой науки. Данная проблематика не утратила своей значимости и в настоящее время.

Значимое место в формировании научных знаний занимают нормы, являющие собой, как мы полагаем, «... системообразующие начала, с помощью которых на основе определенных принципов и ценностей, организуется, регламентируется познавательный процесс, отделяется научное знание от ненаучного» [3, с. 8]. Иными словами, нормы – это основа науки, поэтому следование им является общеобязательным для всех участников научно-познавательной деятельности.

О важности норм и необходимости их соблюдения пишут многие современные авторы [2; 4; 5; 7; 8; 10; 12; 13; 15; 16 и др.]. В частности, Г.Х. Газизова заявляет о том, что: «Наличие норм ... важно для самоорганизации научного сообщества. <...> Они задают границу, за которую нельзя выходить, не поставив под удар само существование науки» [2, с. 37].

Классификации норм описания и объяснения Н.В. Мотрошиловой и В.С. Стёпина

Анализ литературы, посвященной нормативной проблематике показывает, что функционирование описания и объяснения, как и иных норм научного познания, во многом предопределяется класси-

кационными показателями. На наш взгляд, одними из самых ярких представителей философии и методологии науки, которые внесли существенный вклад в классификацию норм научного познания являются Н.В. Мотрошилова и В.С. Степин. Так, Мотрошилова первостепенное внимание уделяет анализу познавательных, социальных внутринаучных и общесоциальных норм, каждая из которых выполняет свое функциональное назначение в границах научного познания. В частности, одна группа норм охватывает методологические установки науки, другая – закладывает основы отношения ученого к своей деятельности, деятельности коллег, а также формирует условия взаимодействия научного сообщества с учреждениями науки, третья – регламентирует научно-познавательный процесс, тем самым определяя важность и значимость научного познания для общества в целом [10, с. 113].

На наш взгляд, классификация норм, предложенная Степиным, в определенной степени более подробна, в отличие от представленной Мотрошиловой. Первоначально нормы и идеалы науки разделяются Степиным на два огромных согласованных между собой блока: «познавательные установки» и «социальные нормативы» [12, с. 231]. Автор классификации полагает, что именно при выборе такого принципа выделения норм удастся добиться полного соответствия их функционального назначения в науке, не умалив насыщенного содержания последней.

Далее Степин классифицирует содержание познавательного блока, в котором выделяет четко очерченную группу норм, а именно: нормы описания и объяснения, доказательности и обоснованнос-

ти, построения и организации знаний. Не оставляет без внимания ученым и ценностные ориентации и целевые установки исследователей в процессе познания. Однако, в свою классификацию последние не включает [12, с. 244].

Каждая из норм в осуществлении научно-познавательной деятельности несет свое специфическое назначение. Нормы уникальны тем, что либо по отдельности, либо вкуче могут способствовать изменению нормативных границ научного познания. В данном случае ни нормы описания, ни нормы объяснения не представляют собой исключения. Как показывает история развития научной мысли, нормы описания и объяснения складывались постепенно, расширяя как понимание самого процесса описания и объяснения, так и нормативных границ научного знания.

Научный текст характеризуется строгим и ясным изложением материала, четкостью в представлении исследуемого явления, его основных свойств и черт. К функциональному назначению норм описания и объяснения относится создание жесткой системы формирования научного знания. Указанная группа норм направлена на упорядочивание процедуры фиксирования опытных данных на основе языковых, а также иных средств, используемых наукой (матриц, знаков, графиков, таблиц и т. д.).

Норма описания и её влияние на изменение границ научного познания

Проблема описания изучаемых процессов или явлений стала областью научного интереса для многих философов и ученых. Так, И. Ньютон, задаваясь вопросом о формах и методах познания современной ему физики, пришел к мысли о необходимости определения абсолютной системы отсчета при описании явлений. Данная методика, по его мнению, позволяла не брать во внимание условия познания, что значительно облегчало процесс описания объекта исследования [11, с. 661].

Несомненно, ученый внес свой вклад в понимание процесса описания и формирования его нормативности. Хотя, научный поиск стандартов и образцов фиксации данных, их образного выражения показал со временем ошибочность установок Ньютона, который рассматривал данный процесс сквозь призму «чистого» познания, освобожденного от субъективных средств и форм отображения физической реальности.

П.А. Флоренский расширил понимание нормы описания, выявив в ней диалектическую взаимосвязь языка и науки. Свои рассуждения он начал с того, что определил образ и символ в качестве неотъемлемых компонентов описания: «Всякий образ и всякий символ, как бы сложен и труден он ни был, **мы называем**, и, следовательно, уже по этому одному он есть **слово**, входит в описание как слово,

да и не мог бы войти иначе. Далее, каждое из этих слов может быть раскрыто: образ опишем, математический символ поясним и определим. Значит, вместо образов и символов могут быть подставлены их описания, своим чередом несущие в себе образы и символы, каковые опять-таки могут быть раскрыты подстановкой на место их соответственных им описаний. <...>. Все, растворимое сознанием, претворяется в слово» [14, с. 122–123].

В самом описании научного текста заложено диалектическое противоречие языка изложения и самой науки. Флоренский видел это в том, что наука (в частности, физика) представляет собой систему «образов и символов», которая в конечном итоге выражается в языковых единицах (словах) и их сочетаниях. Следуя данной логике, автор понимал физику как систему описаний, а далее пришел к выводу, что эту науку следует понимать как язык. Считаем, что Флоренский существенно дополнил содержание нормы описания, которая в определенной степени способствовала изменению нормативных границ научного знания.

Кризис описательных конструкций в науке XX века подтолкнул научное сообщество к поиску новых методик, следовательно, к изменению нормативных границ научного знания. Одним из самых ярких ученых-реформаторов того времени был А. Эйнштейн. Новация его воззрений прослеживалась в том, что он не уповал на абсолютность и универсальность экспериментальных данных в описании явлений, а предлагал получать научное знание с помощью сочетания результатов опыта, дедуктивного мышления и интуиции. Ученый полагает, что современная физика опирается на огромный сформированный веками теоретический фундамент, который необходимо должным образом учитывать. Рассуждения Эйнштейна сводятся к следующему: «... общие положения, лежащие в основе мысленных построений теоретической физики, претендуют быть действительными для всех происходящих в природе событий. <...> высшим долгом физиков является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем чистой дедукции можно получить картину мира. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция. <...> история показала, что из всех мыслимых построений в данный момент только одно оказывается преобладающим» [17, с. 40–41]. На наш взгляд, Эйнштейн пытался сменить фокус зрения в познании: уйти от главенствующей роли опыта, выдвинув на первый план рационалистические установки. Несомненно, что воззрения ученого обогатили понимание самого процесса описания и способствовали расширению нормативных границ научного познания.

Глубокий научный интерес проблема описания исследуемых явлений вызвала и у Н. Бора, ко-

торый достаточно часто обращался к ней в своих трудах и отмечал важность процесса описания по сравнению с другими этапами научного познания. Само описание характеристик и свойств объекта, по мнению ученого, стимулирует возникновение новых теоретических идей и умозаключений, что значительно расширяет содержание понятия о явлении, обогащает его.

Исследуя содержание нормы описания, Бор ввел в научный оборот понятия «способ описания» и «принципы описания». Он обратил внимание на то, что в зависимости от типа измерительных приборов или устройств могут меняться описательные характеристики явления. В своих трудах Бор подробно это разъяснял: «... для объективного описания и гармоничного охвата опытных фактов необходимо почти во всех областях знания обращать внимание на обстоятельства, при которых эти данные получены» [1, с. 517].

Бор был сторонником модели познания, предложенной великими философами Нового времени Дж. Локком и Ф. Бэконом и базирующейся на наблюдении и описании, как двух её основах. Он полагал, что процесс получения научного знания должен зиждиться на осмыслении данных опыта, а анализ эмпирического материала осуществляться на основе синтеза чувственного и рационального компонентов познания.

Изучая особенности применения нормы описания в физике, Бор обратил внимание научного сообщества на то, что ранее, указанные им описательные конструкции уже присутствовали в области научного знания. Он отмечал, что сами когнитивные конструкции познания не новы и с давних времен использовались философией, предлагал их заимствовать и внедрять в область физического познания реальности.

Таким образом, Бор официально закрепил присутствие нормы описания в познании, расширил границы ее понимания как одного из основных этапов научно-познавательной деятельности.

Влияние нормы объяснения на формирование знаний в границах сложившейся научной картины мира

Процесс описания явлений органично связан с объяснением, подразумевающим установление причинно-следственных связей во всем многообразии эмпирического и теоретического материала, формирование признаков и свойств объекта, его целостного образа. Объяснение как научная норма специфично тем, что толкование явления осуществляется строго на основании признанных научным сообществом законов в границах сложившейся научной картины мира.

Объяснение как норма достаточно жестко регламентирует процесс формирования знания.

В этой связи Д.П. Суровягин отмечает: «... на уровне научного познания в рамках одной научной теории каждому явлению сопоставляется только одна непротиворечивая совокупность высказываний, описывающая закономерности и условия его возникновения» [13, с. 67]. Далее он показывает, что если для объяснения сути явления недостаточно такой упрощенной схемы, то тогда возможно на основе учёта нескольких законов допустить сочетание высказываний, объединенных логической цепочкой следования. Совокупность же логически взаимосвязанных умозаключений об объекте исследования можно рассматривать как одно объяснение. Суровягин пишет и о том, что совершенно естественным является присутствие в науке различных объяснений одного явления, но только с точки зрения конкурирующих концепций.

Истоки нормы объяснения исходят из философии и теологии, поскольку именно для них она первоначально являлась образцом выстраивания логических цепочек размышлений и умозаключений. Наибольший расцвет норма объяснения получила в период формирования научного знания. Образцы объяснения органично вливались в процесс познавательной деятельности, постепенно переходя в норму, способствовали расширению границ нормативности научного познания. В этой связи О. Конт отмечал, что процесс перехода к «позитивной науке» во многом был основан на наблюдении, а также описании. В поиске абсолютно истинной формы мышления, методов получения и обработки материала норма объяснения, по мысли Конта, теряла свои лидирующие позиции. Поэтому, анализируя процесс познания, философ отдавал предпочтение предвидению: «... истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов» [6, с. 19].

Вторая половина XIX века – время серьезного кризиса в науке, время, когда многие постулаты научного знания подвергались сомнению. Совершенно естественно, что кризис затронул и норму объяснения. Ученые нередко ориентировали научное сообщество исключить процесс объяснения из научно-познавательной деятельности, оперируя лишь описанием. К числу таких ученых, настрой которых следует признать радикальным, относится Э. Мах. «Дает ли описание все, чего может требовать научный исследователь? Я думаю, что да! – отмечал автор. – Описание есть построение фактов в мыслях, которое в опытных науках часто обуславливает возможность действительного описания» [9, с. 196]. Эти идеи Маха были приняты учеными неоднозначно и неоднократно подвергались критике.

Заключение

Нормы описания и объяснения органично взаимосвязаны, поэтому неотделимы друг от друга в процессе научного творчества. Они являются неотъемлемыми атрибутами осуществления научно-познавательной деятельности, ее «дыханием» и основой. Описание и объяснение, как и иные научные нормы, формирует границы науки, оберегая ее от влияния псевдонаучных течений. Но в тоже время в кризисные периоды развития научного знания нормы чутко реагируют на происходящие изменения, а порой даже обогащаясь и наполняясь новым содержанием, способствуют изменению нормативных границ научного познания. Например, смена алгоритма описания и объяснения наглядно прослеживается в период кризиса классической науки. Научные открытия на рубеже XIX–XX веков привели к смене научной картины мира, отрицанию традиционных отношений между субъектом и объ-

ектом познания, открытию вероятностной природы явлений, нелинейности процессов и т.д. Как уже отмечалось выше, ньютоновская модель описания, учитывающая абсолютную систему отсчета, во многом утратила неактуальность при столкновении с теорией относительности Эйнштейна, которая поменяла казавшиеся незыблемыми представления о движении, пространстве и времени.

Постоянный поиск актуальных способов выявления существенных свойств и характеристик явлений рождает внутри самого процесса познания импульсы, стремления к преобразованию, в очередной раз подтверждая, что наука – это не «окаменевшее» явление, а подвижный, чутко реагирующий на какие-либо проявления реальности организм. Таким образом, нормы описания и объяснения, органично развиваясь в системе научного знания, претерпевают изменения и способствуют изменению границ научного познания.

Литература

1. Бор Н. Предисловие и введение к сборнику «Атомная физика и человеческое познание» / Н. Бор // Избранные научные труды: в 2 т. – М.: Наука, 1971. – Т. 2. – С. 515–517.
2. Газизова Г. Х. Идеалы и нормы научного исследования / Г. Х. Газизова // Вестник научных конференций. – 2015. – № 4–4 (4). – С. 36–37.
3. Гончарова В. А. Норма и девиация в научном познании: опыт гносеологического анализа: автореф. ... дис. кандидата филос. наук: 09.00.01 / Гончарова Валерия Александровна. – Магнитогорск, 2012. – 16 с.
4. Гусев С. С. Неоднородность языка научных описаний и «технологическое мышление» / С. С. Гусев // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. 31. – № 1. – С. 141–156.
5. Зеленцова М. Г. Норма – описание или предписание / М. Г. Зеленцова // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Междунар. науч. конф. 09–10 апреля 2015 г. – Курган: Курганский государственный университет, 2015. – С. 43–44.
6. Конт, О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / О. Конт. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 80 с.
7. Карпович В. Н. Норма и описание как категории эпистемологии: рациональность как вид и основание нормативности / В. Н. Карпович // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 5–11.
8. Лебедев С. А. Методология научного познания: монография / С. А. Лебедев. – М.: Проспект, 2016. – 256 с.
9. Мах Э. Популярно-научные очерки / Э. Мах. – СПб.: Образование, 1909. – 341 с.
10. Мотрошилова Н. В. К проблеме научной обоснованности норм / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 1978. – № 7. – С. 112–123.
11. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – М.: Наука, 1989. – 688 с.
12. Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
13. Суровягин Д. П. К проблеме научного объяснения норм / Д. П. Суровягин // Мир человека: нормативное измерение – 5: материалы междунар. науч. конф. 12–14 июня 2017 г. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2017. – С. 66–74.
14. Флоренский П. А. Наука как символическое описание / П.А. Флоренский // Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – С. 109–124.
15. Хаджаров М. Х. Объяснение и понимание в научном познании: коррелятивные отношения / М. Х. Хаджаров // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – № 5–1 (5). – С. 66–67.
16. Халин С. М. Научное исследование – основная структурная единица познания как человеческой деятельности: (на примере места и роли описания и объяснения в научном познании) / С. М. Халин // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 10. – С. 147–154.
17. Эйнштейн, А. Мотивы научного исследования / А. Эйнштейн // Собрание научных трудов: в 4 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 4. – С. 39–41.

References

1. Bor, N. (1971) *Predisloviye i vvedeniye k sborniku «Atomnaya fizika i chelovecheskoye poznaniiye»* [Preface and introduction to the collection «Atomic Physics and Human Knowledge»]. Moscow: Science. Vol. 2, pp. 515–517.
2. Gazizova, G.Kh. [Ideals and norms of scientific research]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of scientific conferences]. Vol. 4, pp. 36–37. (In Russ.)
3. Goncharova, V.A. (2012) *Norma i deviatsiya v nauchnom poznanii: opyt gnoseologicheskogo analiza*. Cand.Diss. [Norm and deviation in scientific knowledge: the experience of epistemological analysis. Cand.Diss.]. Magnitogorsk, 16 p.
4. Gusev, S.S. (2012) [Heterogeneity of the language of scientific descriptions and «technological thinking»]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 31. No. 1, pp. 141–156. (In Russ.)
5. Zelentsova, M.G. (2015) [Norma – description or prescription]. *Tsennosti i normy v potoke vremeni: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf.* [Values and norms in the flow of time: materials of the VI International and scientific conference]. Kurgan, pp. 43–44. (In Russ.)
6. Comte, O. (2011) *Dukh pozitivnoy filosofii: Slovo o polozhitel'nom myshlenii* [The Spirit of Positive Philosophy: A Word about Positive Thinking]. Moscow: LIBROCOM, 80 p.
7. Karpovich, V.N. (2013) [Norm and description as a category of epistemology: rationality as the type and basis of normativity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy]. Vol. 11. No. 4, pp. 5–11. (In Russ.)
8. Lebedev, S.A. (2016) *Metodologiya nauchnogo poznaniya* [Methodology of scientific knowledge]. Moscow: Prospectus, 256 p.
9. Mach, E. (1909) *Populyarno-nauchnyye ocherki* [Popular scientific essays]. St. Petersburg: Education, 341 p.
10. Motroshilova, N.V. (1978) [To the problem of the scientific validity of the norms]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. Vol. 7, pp. 112–123. (In Russ.)
11. Newton, I. (1989) *Matematicheskiye nachala natural'noy filosofii* [Mathematical Principles of Natural Philosophy]. Moscow: Science, 688 p.
12. Stepin, V.S. (2000) *Teoreticheskoye znaniye* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Tradition, 744 p.
13. Surovyagin, D.P. (2017) [To the problem of scientific explanation of norms]. *Mir cheloveka: normativnoye izmereniye – 5: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Human World: the normative dimension: materials of the International scientific conference]. Saratov, pp. 66–74. (In Russ.)
14. Florensky, P.A. (1990) *Nauka kak simvolicheskoye opisaniye* [Science as a symbolic description]. Moscow. Vol. 2, pp. 109–124.
15. Khadzharov, M.Kh. (2012) [Explanation and understanding in of scientific knowledge: correlative relations]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. Vol. 5–1 (5), pp. 66–67. (In Russ.)
16. Khalin, S.M. (2014) [Scientific research is the basic structural unit of knowledge as a human activity: (using the example of the place and role of description and explanation in scientific knowledge)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tyumen State University]. Vol. 10, pp. 147–154. (In Russ.)
17. Einstein, A. (1967) *Motivy nauchnogo issledovaniya* [Motives for scientific research]. Moscow: Science, Vol. 4, pp. 39–41. (In Russ.)

Информация об авторе:

Валерия Александровна Гончарова, кандидат философских наук, ассистент кафедры судебной медицины и правопедения, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия
e-mail: maksimov55@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Valeria Alexandrovna Goncharova, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Department of Forensic Medicine and Law, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia
e-mail: maksimov55@mail.ru

The paper was submitted: 19.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The author has read and approved the final manuscript.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ КАРЛА МАРКСА

П.Н. Кондрашов

Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
e-mail: pnk060776@gmail.com

Аннотация. В условиях современного антропологического кризиса, характеризующегося исчезновением человеческого, человеческого в обществе, фрагментацией, атомизацией, обезличиванием и потерей целостности человеческого бытия, **актуальными** становятся попытки философски осмыслить онтологические основания этой целостности. В предлагаемой статье рассматривается проблематика целостности человека в философии К. Маркса. Исходя из многостороннего анализа учения Маркса о родовой сущности человека (*Gattungswesen des Menschen*), которая понимается как универсальность, ансамбль общественных отношений, страдание, неравнодушное отношение человека к миру, социальность и историчность, автор показывает, что наиболее фундаментальным определением этой сущности является человеческая деятельность, *праксис*. *Праксис*, по Марксу, представляет собой единство (целостность, тотальность) материальной (физической) и психической (сознательной, когнитивной, эмоциональной) преобразующей активности человека. Далее автор рассматривает то, каким образом эта фундаментальная целостность *праксиса* обнаруживает себя на всех уровнях человеческого бытия. Так, на индивидуальном уровне целостность обнаруживает себя в психофизическом единстве (единстве души и тела); на социальном уровне целостность дана в диалектическом единстве человека и общества; на уровне экзистенции – как единство эмоциональных отношений человека к миру. Далее показано, что, с точки зрения К. Маркса, целостность человека не дана изначально, а является результатом всего предшествующего исторического развития, которое проходит три стадии: первичную синкретичность (когда ещё не существует Я), вторичную разорванность (отчуждение) человека в классовом обществе и будущую стадию всесторонне развитой целостно-гармоничной личности. Наконец, показано, что наличие момента цели в структуре единого *праксиса* полагает человека в качестве динамически цельного существа. Эта «динамическая» цельность, подобно «статической» целостности, репрезентируется на всех онтологических уровнях человеческого бытия: от простейшего целеполагания до духовных и экзистенциальных форм, высшей из которых является смысл (осознание цели) жизни, посредством которого человек и мир цельно связываются моментом цели.

Ключевые слова: философия К. Маркса, целостность человека, родовая сущность человека, *праксис*, единство физической и психической активности, отчуждение, личность, историчность, цель, цельность.

Для цитирования: Кондрашов П. Н. Онтологические уровни целостности человека в философии Карла Маркса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 64–71. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-64.

ONTOLOGICAL LEVELS OF HUMAN INTEGRITY IN THE PHILOSOPHY OF KARL MARX

P.N. Kondrashov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
e-mail: pnk060776@gmail.com

Abstract. In the conditions of the modern anthropological crisis, characterized by the disappearance of the human in society, fragmentation, atomization, depersonalization and loss of the integrity of human existence, attempts to philosophically comprehend the ontological foundations of this integrity become relevant. The proposed article deals with the problems of human integrity (totality) in Marx's philosophy. Based on the multilateral analysis of Marx's doctrine of species essence of human beings (*Gattungswesen des Menschen*), which is understood by Marx as universality, the ensemble of social relations, suffering as a man's empathic attitude towards the world, sociality and historicity, the author shows that the most fundamental definition of this essence is human activity, *praxis*. *Praxis*, according to Marx, is a unity (integrity, totality) material (physical) and mental (conscious, cognitive, emotional) transformative human activity. Further, the author shows how this fundamental

integrity of praxis reveals itself at all levels of human existence. Thus, at the individual level, integrity consists in psychophysical unity (unity of soul and body); at the social level, integrity is given in the dialectical unity of man and society; at the level of existence – as the unity of the emotional, caring relationships of man to the world. The following shows that from the point of view of Karl Marx, the integrity of a person is not given initially, but is the result of all previous historical development, which goes through three stages: primary syncretism (when I do not yet exist), secondary disruption (alienation) of a person in a class society and the future stage of a comprehensively developed holistic harmonious personality. Finally, it is shown that the presence of the moment of goal (goal-setting) in the structure of total praxis forms a person as a dynamically whole being. This «dynamic» wholeness, like «static» integrity, is represented at all ontological levels of human existence: from the simplest goal-setting to spiritual and existential forms, the highest of which is the meaning of life, through which man and the world are integrally connected by the moment of the goal.

Keywords: philosophy of K. Marx, integrity of a person, species essence of human beings, praxis, unity of physical and mental activity, alienation, personality, historicity, goal, wholeness

Cite as: Kondrashov, P.N. (2019) [Ontological levels of human integrity in the philosophy of Karl Marx]. *Intellekt. Innovatsi. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 64–71. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-64.

Введение

В последние десятилетия в различных социальных и гуманитарных науках наблюдается повышенный интерес к проблемам человека, его сущности и существования, подлинности и отчуждения. И обусловлен этот интерес, к сожалению, не столько своеобразным «подведением итогов» пройденного человеком пути и исследованием перспектив человека в третьем тысячелетии, сколько тем фактом, что сегодня человечество оказалось перед лицом антропологической катастрофы [5], наиболее фундаментальным проявлением которой является то, что человек в современном мире теряет свою целостность, децентрируется, фрагментируется, распадается, лишается своего Я [16, с. 924]. Более того, эти экзистенциальные процессы эмоционально переживаются человеком в форме отчужденности его от мира (природы, других людей, от материальной и духовной культуры) и его внутренней, экзистенциальной разорванности, опустошенности, равнодушности и потери индивидуальности. Потеря тотальности человека с необходимостью ставит проблему осмысления целостности человеческого бытия в мире и в первую очередь – осмысления онтологических оснований и механизмов становления этой целостности [1].

А коль скоро целостность человека фундирована в тотальности всех бытийных (природных, культурных, социальных, духовных, экзистенциальных) условий человеческого существования, а утрата этой целостности связана с противоречиями между внешними и внутренними условиями (которые, с одной стороны, объективно дают возможность всестороннего развития личности, а с другой – герметизируют универсум человеческих отношений, низводя его до одномерного существа, например, потребителя), то такое осмысление методологически требует комплексного подхода к исследованию человека.

Как нам представляется, учение К. Маркса о человеке, в котором человек мыслится как целостное

существо, а priori включённое-в-мир и неразрывно связанное с ним как с тотальностью, является наиболее релевантной теорией для осуществления комплексного исследования, осмысления наличной ситуации и анализа вероятных тенденций развития.

Родовая сущность человека

Несмотря на то, что многие исследователи (в том числе и марксисты – Л. Альтшюссер, Э. Ба-либар, С.Н. Мареев, Й. Рёмер, Ю. Эльстер и др.) отрицают наличие в философской системе Маркса учения о человеке (или относят таковое к «домарксистскому» периоду его творчества), тем не менее, анализ текстов показывает, что «основной вопрос» философской антропологии – что такое человек? – интересовал автора «Капитала» на протяжении всей его жизни. Оригинальность марксова ответа на этот четвёртый «кантовский» вопрос состоит в том, что если в истории философии обычно ограничиваются одной-единственной дефиницией сущности человека, либо таковую вообще отрицают, то Маркс стоит на радикально плюралистической точке зрения: «человеческая действительность, – пишет он, – столь же многообразна, как многообразны определения человеческой сущности и человеческая деятельность» [13, с. 592].

И мы на самом деле в работах немецкого мыслителя обнаруживаем текстологическую верификацию этого философско-антропологического плюрализма. Так, в различных контекстах К. Маркс определяет родовую сущность человека по-разному:

– в онтологическом аспекте как универсальность [13, с. 564, 566], т. е. независимость от ограничений, налагаемых природой и инстинктами, т. е. как не-инстинктивную, не-природную активность, разворачивающуюся по искусственным (сознательным, идеальным, целеполагающим) программам;

– в социальном аспекте – как ансамбль общественных отношений [11, с. 3];

– в экзистенциальном – как страдание, как способность к переживанию своего бытия-в-мире и не-

равнодушному, эмпатическому отношению к миру [13, с. 632];

– в социально-историческом плане – как темпоральное и историчное существо [8, с. 632; 9, с. 23; 10, с. 162].

Однако базисной дефиницией является философско-антропологическое определение родовой сущности человека через праксис [8, с. 195; 13, с. 195; 20, с. 494], ибо из него можно вывести все остальные атрибутивные определения человека, в том числе и целостность человека.

Иманентная целостность праксиса

Наиболее фундаментальным принципом всей философии К. Маркса является тезис о том, что в структуре человеческой деятельности физическая (материальная) и психическая (идеальная, целеполагающая, сознательная) активность представляют собой диалектические моменты тотальности, и никогда не существуют в онтологическом отрыве друг от друга: «хотя, – писал он, – мышление и бытие отличны друг от друга, но в то же время они находятся в единстве друг с другом» [13, с. 591].

Стало быть, не существует чисто материальной и чисто идеальной деятельности, – они всегда протекают в единстве. В силу того, что праксис, по Марксу, это не некий *actus purus* в духе Плотина или И.Г. Фихте, а конкретно-историческое диалектическое субъект-объектное отношение и взаимодействие, то он изначально включает в себя и субъекта с его преобразующей активностью (внутреннее, т.е. людей, взятых в своей целостности как физических, психофизиологических и духовных существ со всеми их потребностями, целеполаганиями, установками, мотивами, страстями, способностями, умениями, навыками, знаниями, фантазиями, предрассудками и т.д.), и объектный мир, «втянутый» в эту активность (внешнее, т.е. мир природы, предметный мир, созданный предшествующими поколениями, структуру сложившихся общественных отношений, совокупность объективированных регулятивов этих отношений вроде права, морали, государства и т.д.).

Более того, сам «чувственный мир, – пишет Маркс, – это совокупная, живая, чувственная деятельность составляющих его индивидов» [14, с. 44]. Любой предмет, созданный людьми, будь то обыкновенная кастрюля или величественная философская система, определённая форма государственного правления или архитектурный ансамбль, – всё это – результаты развёртывания человеческого праксиса, в каждом из которых имеет место материальная и духовная (идеальная) составляющие.

Иманентная целостность праксиса обнаруживает себя в следующих пяти моментах:

– онтологическая (предметная) целостность – диалектическое единство процессов опредмечи-

вания и распределения (это единство является наиболее фундаментальным), которое в наиболее общей форме находит своё воплощение в единстве субъекта и объекта;

– внутренняя целостность – диалектическое единство материальной и идеальной, физиологической и психической преобразующей активности;

– внешняя тотальность – диалектическое единство индивидуальной и социальной деятельности;

– процессуальная тотальность – диалектическое единство активной и пассивной, конструктивистской и неконструктивистской, практической и созерцательной деятельности;

– взаимопреобразующая тотальность – диалектическое единство двух моментов праксиса: преобразования-объекта-субъектом и самоизменения (*Selbstveränderung*), т.е. преобразования-субъекта-самим-собой.

Таким образом, человеческая деятельность – праксис – это единая материально-духовная, субъект-объектная и субъект-субъектная сознательная целеполагающая социальная предметная активность, свойственная только человеку, реализуемая в диалектике процессов опредмечивания и распределения (*Äußerung* и *Aneignung*), и представляющая собой целенаправленный сознательный процесс преобразования материального или идеального объекта индивидуальным или социальным субъектом с помощью материальных, когнитивных, эмоциональных средств в целях удовлетворения своих потребностей, т.е. такое изменение свойств объекта, изначально не позволяющих удовлетворить конкретную потребность, которое (преобразование) придаёт этому объекту новые (как правило, ранее не существовавшие) свойства, уже позволяющие удовлетворить именно эту потребность.

Целостность человека

Иманентное материально-психическое единство праксиса пронизывает все уровни и структуры человеческого бытия, детерминируя также и целостность человека, осуществляющего эту деятельность, которая обнаруживает себя:

– на антропологическом уровне как телесно-духовная целостность человеческого индивида;

– на социальном уровне – как диалектическое единство индивида и общества, единство человека, общества и мира (субъекта и объекта);

– на экзистенциальном уровне – как целостность эмоциональных отношений человека-к-миру.

Синтезируя все сущностные характеристики человека, имеющие место в текстах К. Маркса, можно сформулировать следующую дефиницию. Человек (как индивид) – это живое уникально-родовое (социально-индивидуальное) целостное существо, сущностью и способом существования которого (в антропологическом плане) является обществен-

ная сознательная целеполагающая преобразующая предметно-орудийная материально-духовная деятельность (праксис); существо, бытийствующее по неприродной искусственной универсальной программе, и которое (в онтологическом плане) представляет собой конкретно-историческое единство субъектно-внутреннего бытия (тело и индивидуальное сознание, психика), изначально встроенное в объектно-внешний мир (природа, культура, общество, мир символов, общественное сознание) и диалектически связанное с ним, формирующееся и обнаруживающее себя в интересубъективном ансамбле общественных отношений (в социальном плане), а также, как существо страдающее, переживающее своё бытие-в-мире в форме равнодушных, экзистенциальных отношений-к-миру и самому себе (в плане экзистенциальном).

Целостность социального универсума

В процессе осуществления праксиса люди, преобразуя каузально упорядоченный природный мир и привнося в него целевую детерминацию, создают новый, природно-предметно-социально-духовный универсум, в котором действует внутренняя сущностная, функциональная, структурная, каузальная или целевая сцепленность и укоренённость (фундированность) предметов, потребностей, целей, мыслей, физических, ментальных или эмоциональных действий друг в друге, – система референций фундированности (отсыланий-к). Поскольку референции фундированности сцепляют этот мир (универсум) в тотальность, то изменения в какой-либо одной его части с необходимостью влечёт за собой изменения – непосредственные или опосредованные – в других сферах социального бытия, которые (изменения) распространяются по референциальным цепочкам отсыланий-к на весь социальный универсум. Именно этим объясняется и целостность, и историчность его структур. Целостность социального универсума обнаруживает себя как:

- интересубъективная тотальность человеческих отношений, формируемая в процессах опредмечивания и распределённого;
- целостность, единство материального и духовного производства;
- единство производства и воспроизводства социального и индивидуального бытия и производства человеческих отношений;
- механическая или органическая целостность социальной структуры (даже в рамках разделения труда и классовой стратификации);
- единство материальной и духовной культуры, которые являются результатом развёртывания праксиса (всё в социальном бытии есть сам праксис, его сторона, результат и т. д.);
- единство общественного бытия и общественного сознания;

– целостность социальной структуры, на каждом уровне которой воспроизводится единство материального и духовного: в повседневности в виде имманентного единства непосредственного жизненного процесса (единичное); в образе жизни в виде единства национальной культуры (особенное); в способе производства – в единстве всеобщих инвариантных условий производства и воспроизводства социального и индивидуального бытия, характерных для той или иной общественной формации (общее).

Целостность историчности

Изменяя мир природы и предметов в целях удовлетворения потребностей, люди перманентно не только производят и воспроизводят своё наличное бытие, но и постоянно создают новые предметы, идеи, отношения, институты, символы и т. д., т. е. качественно преобразуют мир. Предметно-социальная реальность, следовательно, всегда выступает как постоянно изменяющаяся, ибо в процессе человеческого существования непрерывно в силу самых разных причин возникают новые ситуации, появляются всё новые и новые потребности, которые требуют новых способов удовлетворения, а значит, и новых форм предметной деятельности, которые конституируют соответствующие им новые формы социального бытия. Поскольку же праксис представляет собою тотальность, то в процессе его реализации одновременно изменяются и объекты (природный, предметный, духовный, социальный «материал»), субъекты (люди, их навыки, потребности, когнитивный и эмоциональный мир) и формы совместной деятельности (социальные структуры и отношения). Стало быть, историчными оказываются все без исключения уровни и структуры целостного человеческого бытия (деятельность и все её элементы, предметность, социальность, формы и содержание общественного и индивидуального сознания, отношения-к природе, вещам, другим людям, самому себе).

Историчность, пронизывая всё человеческое бытие, выступает в качестве фундаментального свойства социальности. В силу этого можно выделить три основных онтологических модуса (среза, уровня) историчности социального бытия, конституирующих целостность исторического процесса:

- внешний модус, связанный с изменением базисных (социально-производственных и обусловленных ими социально-классовых) структур, обнаруживающий себя в динамике способов производства и смене общественных формаций;
- медиальный модус, связанный преобразованием субъекта в процессе своей собственной деятельности, когда историчность обнаруживает себя в последовательных изменениях самой деятельности (подлинной и неподлинной, отчуждённой);

– внутренний модус, связанный с тем, что социально-производственные и деятельностно-антропологические изменения в человеческом бытии соответствующим образом интериоризируются и эмоционально, эмпатически, экзистенциально переживаются человеком в различных (историчных) формах его отношения-к миру и самому себе.

Становление всесторонне развитой личности

Однако с точки зрения К. Маркса реальная целостность человека и мира не дана изначально, а *prigot*, а представляет собой результат длительно-конкретно-исторического становления, которое проходит в своём развитии три стадии развития (соответствующие трём общественным формациям, выделенных Марксом):

– первичная (первобытная, доклассовая) формация характеризуется синкретичной тотальностью человека и его бытия, когда не существует ещё разделения труда на материальный и духовный, и когда, соответственно, нет и внутренней разорванности человеческого существа, но когда человек ещё и не отделяет себя самого от родовой тотальности Мы;

– вторичная (экономическая, классовая) формация характеризуется тем, что имманентная целостность человека в конкретно-исторических условиях частной собственности существует в виде разорванности, когда диалектические моменты тотальности антагонистически противостоят друг другу на антропологическом уровне в виде в разорванности *праксиса* на материальную и психическую активность, в разорванности человека на душу, тело и дух; на социальном уровне – в различных формах отчуждения, которые порождают разделение физического и духовного труда, разорванность социальной тотальности на базис и надстройку, разорванность целостной культуры на материальную и нематериальную, классовую борьбу, противопоставление материальных и нематериальных ценностей; на экзистенциальном уровне – в многочисленных формах самоотчуждения, опустошённости, пассивности, ощущении самого себя вещью, товаром, бесчеловечностью и равнодушием эмоциональных отношений к миру.

– третичная (коммунистическая, бесклассовая) формация будет характеризоваться снятой тотальностью, когда целостность человека станет реальной, что обнаружит себя в свободной всесторонне развитой гармоничной личности.

Человек, пишет К. Маркс, «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [12, с. 476]. «Человек, с точки зрения Маркса, всегда находится “в процессе становления”, он становится тем, чем не был. Человек не есть; он становится, ибо он призван выйти за пределы самого себя» [17, с. 125–126].

Целостность человека и мира

Поскольку в своей философии К. Маркс снимает противоположность между индивидом и обществом, т.е. а *prigot* полагает человека как существо социальное («ансамблем общественных отношений»), сущностью и способом существования которого выступает *праксис*, то исходной предпосылкой и категорией его философии выступает не *фейербаховский* «человек», завязанный на отношениях Я-Ты, мужчины и женщины (антропологизм), не до-*фейербаховская* «природа» французских материалистов XVIII в. (натурализм), и не производство, взятое на определённой ступени развития (экономизм), а социально-деятельные индивиды – субъекты, субстанциальные носители целенаправленной деятельности, производящие и воспроизводящие тотальность своего общественного и индивидуального материального и духовного бытия в конкретных природно-предметно-социально-духовно-исторических условиях. Таким образом, уже в исходных предпосылках своей философии Маркс задёт изначальную тотальность человека и его бытия-в-мире: целостность человека, общества и истории. В силу этого в философии автора «Капитала» имеет место рассмотрение человеческого существования как историчного бытия-в-мире, т.е. такого существования, когда человек изначально оказывается встроенным в целостный мир, а мир – оказывается человеческим миром [18, с. 313–314].

Таким образом, эта целостность человеческого бытия-в-мире представляет собой диалектическое единство окружающей природно-культурной среды (*Umwelt*), совместного социально-духовного события (*Mit-sein*), бытия с Другими (*Mitwelt*) и внутреннего, экзистенциального мира человека (*Eigenwelt*, *Existenz*, *Innerlichkeit*), конститутивной основой которого (единства) служит *праксис* [7, с. 145-146]. И в этом плане человек радикально неотделим от своего мира и от своего экзистенциального бытия-в-мире [6, с. 42–43]. Человек в данном случае понимается Марксом как диалектическое единство «внешнего» и «внутреннего», выступающее «как тотальность человеческого проявления жизни [*Totalität menschlicher Lebensäußerung*]» [13, с. 591].

Целостность и цельность человека

Итак, целостность человека пронизывает все стороны человеческого бытия от предметности до экзистенции. Однако – это только одна сторона марксовского анализа, описывающая «статическую» сторону целостности. Другой («динамической») её стороной является то, что деятельность в своей структуре содержит в качестве конститутивного момента цель (т.е. образ будущего результата деятельности, которого ещё нет в настоящем), целеполагание. Именно за счёт этого момента человек оказывается существующим не только в настоящем (подобно

животным), но и в будущем, а значит, и в прошлом, т.е. в цельной непрерывности (*ganze, vollständige Kontinuität, whole, complete continuity*) временной структуры трёх модусов – прошлого, настоящего, будущего. Именно в этом аспекте человек, во-первых, оказывается темпоральным, т.е. существом, живущим временем (а не только во времени); во-вторых, наличие цели особым образом «структурирует» человеческое существование, делая его не просто целостным, но и цельным. И в этом плане весьма продуктивным является онтологическое различие И.А. Беляевым таких, на первый взгляд, схожих понятий, как целостность (*integrity*) и цельность (*wholeness*) [15]. «Целостность человека, – пишет он, – трактуется как наличие и единство всех составляющих её частей, цельность – как присущая ей функционально-структурная характеристика, показатель наличия у неё цели» [3, с. 204].

В силу этого человека надо определять как целостно-цельное существо, а поскольку речь при этом идёт о темпоральности, а стало быть и об историчности, то ещё и как становящееся целостно-цельное существо [1; 2]. Эта цельность, подобно целостности, обнаруживает себя на всех без исключения онтологических уровнях человеческого бытия: от простейшего целеполагания («сходить в магазин купить хлеба») до духовных и экзистенциальных форм, высшей из которых является смысл жизни, посредством которого человек и мир цельно связываются моментом осознанности цели. «Человек, – заключает И.А. Беляев, – рассматривается как природно-социально-духовное существо, обретающее целостность в процессе своего становления. Эта целостность видится... как отражение единства человека и Мира, способностей и потребностей человека и условий их реализации» [2, с. 24].

Заключение

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что в человеке философии К. Маркса выступает в качестве исторически становящейся цельно-цельной всесторонне развитой личности, неразрывно связанной со всем своим миром посредством праксиса. Однако именно эта цельность человека в определённой мере затрудняет его исследование, ибо все уровни бытия оказываются настолько имманентно переплетёнными, пересекающимися, рефксирующими друг-в-друге, что иногда оказывается невозможным аналитически отделить, например, «моменты» телесного от «моментов» духовного или «моменты» экзистенциального от «моментов» социального.

Более того, до эпохи господства целостных, цельных, всесторонне развитых гармоничных личностей и свободных (ибо свобода является одним из важнейших конститутивных моментов целостности [4, с. 202–207]) ещё далеко. Но уже сегодня, когда в человеческом бытии имеют место глубочайшие разрывы, когда отчуждение проникло во все поры присутствия, когда исчезает человеческое в человеке, мы должны понимать: даже если К. Маркс прав, что отчуждение порождается определёнными социальными условиями, то это вовсе не значит, что соответствующее революционное преобразование этих «условий» автоматически приведёт к ликвидации всех многообразных форм отчуждения. «Проблема не так проста, – считает норвежский философ Ларс Лангслет, – поскольку эти “социальные условия” являются, по Марксу, результатом человеческой деятельности. Таким образом, наиболее фундаментальная причина отчуждения должна быть найдена в самом человеке» [19, р. 16].

Литература

1. Беляев И. А. Онтогенетические механизмы становления человеческой целостности: опыт системно-синергетического анализа // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 10. – С. 137–143.
2. Беляев И. А. Становление способностей в контексте человеческой целостности // Вестник Оренбургского Государственного университета. – 1999. – № 3. – С. 24–28.
3. Беляев И. А. «Целостность человека» и «цельность человека»: соотношение понятий // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 2 (163). – С. 204–211.
4. Беляев И. А., Максимов А. М. Свобода человека как целостного природно-социально-духовного существа // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 1. – С. 202–207.
5. Волкова Т. И. Антропологическая катастрофа и проблемы человеческого бытия в эпоху глобализации // Философия и общество. – 2014. – № 2 (74). – С. 107–125.
6. Гончаров Н. В. Онтологические аспекты экзистенциальной идентичности в философских концепциях К. Маркса, Ф. Ницше и М. Шелера // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2018. – № 5. – С. 41–45.
7. Кондрашов П. Н. Человек как диалектическое единство физического, психического и социального в философии Карла Маркса // Вестник психофизиологии. – 2015. – № 3. – С. 145–146.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – 907 с.
9. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – С. 1–167.

10. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд. Т. 4. – М.: Политиздат, 1955. – С. 65–185.
11. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 1–4.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1968. – 560 с.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. – С. 517–642.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 9–544.
15. Belyaev I. A. Human Being: Integrity and Wholeness // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – Vol. 4. – pp. 633–643.
16. Bernhard A. Bildung als Bearbeitung von Humanressourcen. Die menschlichen Wesenskräfte in einer sich globalisierenden Gesellschaft // UTOPIE kreativ, 2003. – pp. 924–938.
17. Chițoiu D. Philosophy as Life Inquiry and Existential Attitude // Philosophy and the Life-world. Chinese Philosophical Studies, XXXIII. – Washington D.C.: Council for Research in Values and Philosophy, 2017. – pp. 115–126.
18. Comninel G. C. Alienation and Emancipation in the Work of Karl Marx. – New York: Palgrave Macmillan US, 2019. – 342 p.
19. Langslet L. R. Young Marx and Alienation in western debate // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. – 1963. – № 6 (1–4). – pp. 3–17.
20. Vázquez A. S. Filosofía de la praxis. – México: Siglo Veintiuno Editores, 2003. – 532 p.

References

1. Belyaev, I.A. (1999) [Formation of abilities in the context of human integrity]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University]. No. 3, pp. 24–28. (In Russ.)
2. Belyaev, I.A. (2006) [Ontogenetic mechanisms of human integrity formation: experience of system-synergetic analysis]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University]. No. 10. Part. 2, pp. 137–143. (In Russ.)
3. Belyaev, I.A. (2011) Human Being: Integrity and Wholeness, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. No 4, pp. 633–643.
4. Belyaev, I.A. (2014) [«The integrity of the person» and «the wholeness of the person»: the correlation of concepts]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University]. No. 2 (163), pp. 204–211. (In Russ.)
5. Belyaev, I.A., Maksimov, A.M. (2012) [Human freedom as a holistic natural, social and spiritual being]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovation. Investments]. No. 1, pp. 202–207. (In Russ.)
6. Bernhard, A. (2003) *Bildung als Bearbeitung von Humanressourcen. Die menschlichen Wesenskräfte in einer sich globalisierenden Gesellschaft* [Education as human resources processing. The human essential forces in a globalizing society]. *UTOPIE kreativ*. Heft 156, S. 924–938. (In German)
7. Chițoiu, D. (2017) Philosophy as Life Inquiry and Existential Attitude, *Philosophy and the Life-world. Chinese Philosophical Studies, XXXIII*. Washington D.C.: Council for Research in Values and Philosophy, pp. 115–126.
8. Comninel, G.C. (2019) Alienation and Emancipation in the Work of Karl Marx. New York: Palgrave Macmillan US, 342 pp.
9. Goncharov, N.V. (2018) [Ontological aspects of existential identity in the philosophical concepts of K. Marx, F. Nietzsche and M. Scheler]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. No. 5, pp. 41–45. (In Russ.)
10. Kondrashov, P.N. (2015) [Man as a dialectical unity of the physical, mental and social in the philosophy of Karl Marx]. *Vestnik psikhofiziologii* [Bulletin of psychophysiology]. No. 3, pp. 145–146. (In Russ.)
11. Langslet, L.R. (1963) Young Marx and Alienation in western debate // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. No 6 (1–4), pp. 3–17.
12. Marks, K. (1955) *Nishcheta filosofii* [Poverty of Philosophy]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 4, pp. 65–185. (In Russ.)
13. Marks, K. (1955) *Tezisy o Feyyerbakhe* [Theses on Feuerbach]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 3, pp. 1–4. (In Russ.)
14. Marks, K. (1956) *Ekonomicheskoye-filosofskiy rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works]. Moscow: Politizdat, pp. 517–642. (In Russ.)

15. Marks, K. (1959) *K kritike politicheskoy ekonomii* [To the criticism of political economy]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 13, pp. 1–167. (In Russ.)
16. Marks, K. (1960) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of political economy], Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 23, pp. 5–786. (In Russ.)
17. Marks, K. (1968) *Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 godov* [Economic Manuscripts of 1857–1859]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 46, part 1, 560 p. (In Russ.)
18. Marks, K., Engel's, F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [German Ideology]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 3, pp. 9–544. (In Russ.)
19. Vázquez, A.S. (2003). *Filosofía de la praxis* [Philosophy of Praxis]. México: Siglo Veintiuno Editores, 532 p. (In Portuguese)
20. Volkova, T.I. (2014) [Anthropological catastrophe and problems of human existence in the era of globalization]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. No 2 (74), pp. 107–125. (In Russ.)

Информация об авторе:

Петр Николаевич Кондрашов, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения РАН; **ORCID ID**: 0000-0003-0975-4418; Екатеринбург, Россия
e-mail: pnk060776@gmail.com

Статья поступила в редакцию 28.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kondrashov Pyotr Nikolaevich, Candidate of Philosophy, PhD, Senior researcher of Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; **ORCID ID**: 0000-0003-0975-4418; Ekaterinburg, Russia
e-mail: pnk060776@gmail.com

The paper was submitted: 28.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The author has read and approved the final manuscript.

СПОСОБЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ АНОМИИ

В.А. Кузьменков

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
e-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Аннотация. Понятие «аномия» возникает в Древней Греции и означает беззаконие, безнормие. При аномии ценностно-нормативная регуляция человеческой деятельности ослабевает, и старые требования, веками определявшие социальные действия, оказываются более неактуальными. Теория аномии достаточно хорошо изучена в творчестве различных социологов, криминологов и психологов. Тем не менее, почти все исследователи обходят стороной вопрос о возможностях нейтрализации аномии, направлениях выхода из масштабных общественных патологий. В статье сделана попытка суммировать все имеющиеся ответы на этот вопрос. Объектом исследования является аномия, предметом – поиск путей выхода из неё. Постулируется необходимость наличия социальной силы, легитимирующей моральные ценности. Она должна быть аттрактивной структурой, притягивающей к себе различные группы. Также рассматриваются идеи Э. Дюркгейма, Й. Галтунга, коммунитаристов, Р. Инглхарта и Р. Гвардини, предложивших различные варианты преодоления аномии.

Ключевые слова: аномия, Р. Гвардини, Р. Инглхарт, нейтрализация, ценности.

Для цитирования: Кузьменков В. А. Способы нейтрализации аномии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 72–76. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-64.

WAYS TO NEUTRALIZE ANOMIE

V.A. Kuzmenkov

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, Oryol, Russia
e-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Abstract. The concept of «anomie» occurs in ancient Greece and means lawlessness, lack of rule. For some reason, the value-normative regulation of human activity weakens old requirements as well, for centuries defined social actions turn out to be more irrelevant. The theory of anomie is well studied in the works of various sociologists, criminologists and psychologists. Nevertheless, almost all researchers bypass the question of the possibilities of neutralizing anomie, the ways out of large-scale public pathologies. The article attempts to summarize all the available answers to this question. The object of the study is anomie, the subject is the search for ways out of it. It postulates the need for a social force that legitimizes moral values. It must be attractive structural, attracting various groups to itself. Also available are the ideas of E. Durkheim, J. Galtung, communitarianists, R. Inglehart and R. Gvardini, proposed by various options for overcoming anomie.

Keywords: anomie, R. Gvardini, R. Inglehart, neutralization, values.

Cite as: Kuzmenkov, V.A. (2019) [Ways to neutralize anomie]. *Intellekt. Innovatsi. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 72–76. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-72.

Один из самых сложных вопросов, связанных с аномией, заключается в возможностях её предотвращения. (Говоря о нейтрализации аномии, мы имеем ввиду сокращение серьёзных патологий, а не полное отсутствие социальных девиаций, что было бы, конечно, в научном отношении неверным.) Однако практически все работы старательно обходят вопрос о методах её преодоления. Так, Р. Мертон говорит о неких «противостоящих механизмах контроля», но не раскрывает свою мысль хоть сколько-нибудь подробно. Стандартный ответ о необходи-

мости «морализации» как усилении нравственной базы поведения индивида и строгом соблюдении законности не может быть принят, поскольку, как показал тот же Р. Мертон в исследовании бюрократии, строгое соблюдение законов способно породить аномию.

В данной статье мы постараемся изложить основные «рецепты лекарства» от аномии, известные в науке.

Прежде всего, возникает вопрос о легитимации моральных ценностей. Для их укоренения должна

существовать защищающая их социальная сила. Ей может быть государство, однако оно чаще всего исходит из утилитарной рациональности и в силу политической конъюнктуры часто вынуждено отступать от строгого соблюдения норм. Другим субъектом может быть группа, обладающая крупным символическим капиталом, т. е. имеющая значительный объём доверия в обществе. Но здесь важно, чтобы идеи и ценности этой группы соответствовали настроениям широких масс. Как точно отмечает Н.Н. Мещерякова, «идеи, ценности, смыслы тогда пройдут легитимацию и станут основой нового порядка, когда они обладают потенциалом аттрактивности, т. е. резонируют с умонастроениями, уже существующими в социальной среде» [5, с. 116]. Аттрактивной структурой может быть определённая общественная группа – интеллектуальная, религиозная, политическая и т. д. Развитие таких идей можно обнаружить в работе философа Н.С. Розова о конструктивной аксиологии [7].

Первое и долгое время единственное объяснение способа нейтрализации аномии дал Э. Дюркгейм: «Чтобы аномия кончилась, нужно, стало быть, чтобы существовала или сформировалась группа, в которой могла бы возникнуть ныне отсутствующая система образцов. Ни политическое общество в целом, ни государство, очевидно, не в состоянии справиться с этой функцией... Единственная группа, которая соответствовала бы этим условиям, – это группа, которая была бы образована всеми работниками одной и той же отрасли промышленности, объединёнными в единую организацию. Это то, что называют корпорацией или профессиональной группой» [3, с. 9]. Таким образом, французский учёный связывает преодоление аномии с деятельностью профессиональных групп и этот тезис, как ни странно, был совершенно пропущен последующими теоретиками аномии. Маловероятно, что в эпоху профессиональной дифференциации одна корпорация сможет взять на себя задачу вывода общества из аномии, поэтому в этом аспекте тезис Э. Дюркгейма представляется устаревшим.

По нашему мнению, сегодня для преодоления аномии существенное значение имеют самообразование и стремление к саморазвитию. Готовность признать дефицит собственных знаний и вступить в практику (в смысле А. Макинтайра) для выстраивания общественных интеракций в этом смысле очень важна. Современный человек получает образование, но оно редко сопровождается воспитанием, как это отмечает, например, отечественный философ Б.И. Пружинин [6]. Поэтому нуждается в изменении не только образовательная, но воспитательная часть педагогического процесса. Человек должен получить не только образование, но и некие абсолютные по своему характеру ценности, защищающие его от аномии. Необходимо подробнее

рассмотреть вопрос о том, какие ценности могут выступить в этой конструктивной роли.

Свой рецепт лекарства от аномии предложил Й. Галтунг [10]. Современное общество, по его мнению, заражено «монадизмом» – безличностью, одиночеством, потерей социокультурной коммуникации вплоть до полной способности общаться друг с другом. Поэтому учёный призвал всех, кто заботится о человеческом развитии, стремиться к «перевоспитанию» политических и экономических институтов, создавать условия для тесного и взаимовыгодного личного взаимодействия внутри них, а не только для улучшения качества жизни людей. Это укрепит сами институты и придаст им новые силы. Иными словами, социальные организации должны упрочивать межличностные взаимосвязи между индивидами, способствовать их нравственному развитию, отказываясь от восприятия человека только как производственной функции. В то же время Й. Галтунг отводит важное место религии. Он обнаруживает в каждой религиозной системе «жёсткие» и «мягкие» структуры: первые отвечают за контроль и наказание, вторые – за терпимость, перевоспитание и милосердие. Необходимо заменить «жёсткие» элементы на «мягкие» для роста взаимотерпимости и сострадательности. Все описанные меры способны нейтрализовать аномию.

Другие ценности, способствующие нейтрализации аномии, можно обнаружить в творчестве учёных-коммунистов, например, М. Уолцера и А. Макинтайра. Современное общество должно сосредоточиться на развитии «позитивных прав». К ним относятся экологические (обеспечивают здоровый образ жизни человека и охрану окружающей среды), социальные (в первую очередь, право на труд и достойное вознаграждение за него), культурные и религиозные (защита от оскорблений религиозных чувств и защита общественной нравственности) и другие права, ориентированные на достижение общего блага, а не подчинение его принципам либерально-автономной личности. Всё это позволит предотвратить или сократить социальную дезинтеграцию и атомизацию.

В отечественной работе по проблеме аномии отмечается: «аномия трактуется как временное, кризисное и вполне преодолимое явление. Аномия в политических отношениях и государственном управлении может быть снижена путем реабилитации морали в политике, нравственности как неотъемлемой характеристики любой политической деятельности. По сути, такое требование означает отказ от макиавеллевской пролегомены всех политических наук об отделенности политики от нравственности. При этом в западном мире растет запрос на политическую этику... Общие тенденции в современном мире таковы, что спрос на консервативные или коммунистские идеи и ценности

будет устойчиво расти» [1, с. 66]. Проблема в том, чтобы они не тормозили качественный рост и не были причиной архаизации, способной генерировать аномию.

В этом контексте интересна теория ценностных изменений американского социолога и политолога Р. Инглхарта, который говорит о возникновении и распространении гуманистических ценностей самовыражения и рационально-секулярных идеалов в период после Второй мировой войны [4]. Следует отметить на его полемику со С. Флэнаганом. Последний обращает внимание [9] на особенности перехода к постиндустриальному обществу: резкий разрыв с прошлым приводит к низкой готовности населения поддерживать светский или религиозный авторитет. Поэтому предписанные к соблюдению нормы не воспринимаются как непреложная истина и падает лояльность к объединениям гражданского общества. Эта постмодернистская установка массового сознания истощает социальный капитал и стимулирует рост девиаций. Единственным мотивом вовлечения в общественную деятельность является получение личной выгоды при отсутствии ущемления свободы. С. Флэнаган делает вывод о подрыве демократических институтов и неопределённости будущего, что и рождает аномию. Хотя его анализ сконцентрирован на политических вопросах, фактически американского учёного беспокоит рост безнормия.

Р. Инглхарт по этому поводу отмечает: «некоторые элементы концепции Флэнагана нельзя не признать оригинальными и глубокими. В частности, его тезис о фундаментальном сдвиге авторитета от внешних институциональных структур к самому индивиду крайне важен для понимания логики ценностей самовыражения. Мы, однако, считаем более правильной не эгоцентрическую, а гуманистическую интерпретацию этого феномена, который, на наш взгляд, отражает процесс интернализации авторитета. Мы полагаем, что распространение ценностей самовыражения отражает тенденцию к гуманистическому обществу, в рамках которого заложенный в человеке потенциал автономной свободы выбора сам по себе превращается в первичную норму и моральный авторитет. Нельзя утверждать, что сегодня торжествует вседозволенность в духе постмодернистского релятивизма. На деле многое из того, что раньше считалось приемлемым, сейчас вызывает неприятие – особенно если речь идет о нарушениях гуманистических норм. Всё больше подобных нарушений оказывается под запретом по новым законам, направленным против дискриминации этнических меньшинств, женщин, стариков, детей, инвалидов и иных групп... Сами нормы действительно меняются, но внимание к вопросам этики не ослабевает» [4, с. 423].

Вряд ли можно согласиться с тезисом Р. Ингл-

харта о самопроявлении свободы и её превращения в нормы. Нормы всегда социальны и что-то должно ограничивать своеволие личности. Тем не менее, можно согласиться с его основным выводом: идёт процесс преодоления постмодернизма и медленной замены материалистических ориентаций на постматериалистические ценности. Он очень сложный и болезненный, но его наличие подтверждается объективными социальными процессами. Из идеи Р. Инглхарта следует, что новая система общепризнанных идеалов в будущем способна заместить постмодернистский релятивизм, а демократия является единственным режимом, способствующим эффективному преодолению аномии.

Другую идею высказал представитель католической философии Р. Гвардини. Он признаёт проблемность бытия в не-христианскую эпоху и всё же делает позитивный вывод: именно в это время человек может показать верность своим идеалам. Это время испытания христианства, возможно, самого сложного за всю предшествующую историю, но не его конца. Человек должен сохранить лицо – базовые нравственные ценности – ценой отказа от социальных успехов. Есть три добродетели для новой эпохи:

«Главной добродетелью станет прежде всего серьёзность и серьёзное желание правды... Такая серьёзность желает знать подлинную суть дела, скрывающуюся за болтовней о прогрессе и освоении природы, и она возьмет на себя ответственность, которой требует новая ситуация. Второй добродетелью будет храбрость. Непатетическая, духовная, личная храбрость, которая отважится противостоять надвигающемуся хаосу... К этим двум добродетелям присоединится третья – аскеза... Через преодоление самого себя и отказ от себя человеку придется учиться властвовать над самим собою и тем самым стать хозяином своей власти... Из всего этого, наконец, должно будет сложиться духовное искусство управления, осуществляющее власть над властью. Оно различает между правым и неправым, целью и средством. Оно находит всему меру и среди напряжённой работы и борьбы создаёт для человека пространство, в котором он может жить с достоинством и радостью. Только это и будет подлинной властью» [2, с. 156].

Следует подчеркнуть, что три добродетели, предлагаемые немецким философом, не несут в себе, если так можно выразиться, религиозно-центричного характера, и слепой веры. Безусловно, для Р. Гвардини спасение в высшем смысле может быть только в боге, но ликвидация аномии возможна руками добродетельных индивидов. Важно иметь твёрдую волю, целеустремлённость и план действий.

Таковы основные рецепты от аномии, существующие в современной науке. По нашему мнению,

необходимо развивать инвайроментальные ценности за счёт заботы об экологии, развития массового образования и воспитания, культуры природного отдыха и туризма, а также повышения информационной грамотности населения в аспекте снижения отрицательных эффектов взаимодействия с электронными устройствами. Это будет способствовать снижению числа преступлений, сокращению дефицита социальной стимуляции, выстраиванию

массовых коммуникаций и, в целом, предотвращению негативных чувственно-эмоциональных переживаний, находящихся в основе личностной аномии (например, чувств одиночества и ненужности). В особо сложных случаях могут быть применены и методы экзистенциальной психотерапии, описанные Э. Фроммом и В. Франклом [8]. Взаимное уважение, готовность выслушать другого – это главные рецепты преодоления личностной аномии.

Литература

1. Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / Под общ. ред. В. В. Кривошеева. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – 239 с.
2. Гвардини Р. Конец нового времени / Р. Гвардини // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 127–164.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
5. Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: дисс. ... д. соц. наук: 22.00.01 / Мещерякова Наталия Николаевна. – Москва, 2015. – 311 с.
6. Пружинин Б. И. Прогностические функции педагогического исследования: философско-методологический анализ [Электронный ресурс] / Б. И. Пружинин // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1975&Itemid=52 (дата обращения: 14.01.2019).
7. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. – 292 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
9. Flanagan S., Lee A.-R. The New Politics, Culture Wars, and The Authoritarian-Libertarian Value Change in Advanced Industrial Democracies / S. Flanagan, A.-R. Lee // Comparative Political Studies. – 2003. – Volume 36. – Issue 3. – pp. 235–270.
10. Galtung J. On the Social Costs of Modernization. Social Disintegration, Atomic/Anomie and Social Development / J. Galtung // Development and Change. – 1996. – Volume 27. – Issue 2. – pp. 379–413.

References

1. Krivosheev, V.V. (2008) *Anomiya sovremenogo obshchestva: problemy teoreticheskogo analiza i empiricheskogo izmereniya* [Anomie of modern society: problems of theoretical analysis and empirical measurement]. Kaliningrad: Publishing House of RSU. I. Kant, 239 p.
2. Guardini, R. (1990) [The end of the new time]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 4, pp. 127–164. (In Russ.)
3. Durkheim, E. (1990) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow. Science, 575 p.
4. Inglehart, R., Velzel, K. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Sequence of Human Development]. Moscow, New publishing house, 464 p.
5. Mescheryakova, N.N. (20215) *Osobennosti anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve: sinergeticheskii podkhod*. Dok.Diss. [Features anomie in modern Russian society: a synergistic approach. Doc. Diss.]. Moscow, 311 p.
6. Pruzhinin, B.I. (2018) [Prognostic functions of pedagogical research: philosophical and methodological analysis]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions]. Vol. 6. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1975&Itemid=52
7. Rozov, N.S. (1998) *Tsennosti v problemnom mire: filosofskiye osnovaniya i sotsial'nyye prilozheniya konstruktivnoy aksiologii* [Values in the Problem World: Philosophical Foundations and Social Applications of Constructive Axiology]. Novosibirsk: Publishing house of the Novosibirsk State University, 292 p.
8. Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in Search of Meaning]. Moscow. Progress, 368 p.
9. Flanagan, S., Lee, A.-R. (2003) The New Politics, Culture Wars, and The Authoritarian-Libertarian Value Change in Advanced Industrial Democracies. *Comparative Political Studies*. Vol.36. Issue 3, pp. 235–270. (In Engl.)

10. Galtung, J. (1996) On the Social Costs of Modernization. *Social Disintegration, Atomic. Development and Change*. Volume 27, Issue 2, pp. 379–413. (In Engl.)

Информация об авторе:

Владимир Александрович Кузьменков, кандидат философских наук, преподаватель кафедры социально-философских дисциплин, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
e-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.01.2019; принята в печать 08.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vladimir Aleksandrovich Kuzmenkov, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at the Department of Social and Philosophical Disciplines, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, Oryol, Russia
e-mail: vakuzmenkov@gmail.com

The paper was submitted: 25.01.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРОБЛЕМА ТОТАЛИТАРНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

М.В. Мананникова

Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия
e-mail: Marinamanannikova@gmail.com

Аннотация. *Обращенность к проблеме тоталитарности современной личности обладает, на наш взгляд, актуальностью в силу того, что позволяет выявить факторы, способствовавшие деформации различных подструктур социального и экзистенциального планов, помочь человеку обрести свою индивидуальность в борьбе как с внешними силами, так и внутренней «тоталитарностью». Поэтому целью данной статьи является анализ проблемы современной личности, а также исследование тех ее структурных составляющих, изменение которых ведет к появлению индивида тоталитарного типа. В статье используется методология текстуального анализа произведений в сочетании с компаративистским подходом.*

Анализ источников, посвященных исследованию тоталитарной личности, позволил выявить характерные черты данного явления. Исследование структурных компонентов личности, ее прогрессивных и регрессивных изменений, дает возможность рассматривать личность как субъект социального процесса, совокупность собственных стремлений и надежд, идей и страстей, склонностей к альтруизму или насилию. Находясь на грани двух миров – биологического и социального, она вбирает в себя всю их многоплановость и многогранность, образуя собой сложнейший объект анализа.

Оттенить особенности динамической модели поведения человека помогают работы С.Л. Рубинштейна, З. Фрейда и Э. Фромма, в которых находят отражение изменения психических процессов индивида, образующихся в той общественной среде, где происходит его становление и развитие.

Выявление различий между псевдомышлением и истинным мышлением дает возможность понять, каким образом происходит подмена таких элементов личности, как чувства и желания, псевдоэлементами.

В работе показано, что ключевой характеристикой бытия личности является свобода, порождающая интенции субъекта к выявлению смыслов и целей его бытия. Насколько свободным является человек современного общества – это вопрос открытый, поскольку не меньшую, если не большую, роль в его самоопределении играет отчуждение, порождающее у человека утрату чувства самости, неповторимости, индивидуальности. И это явление не только ушедшего в прошлое советского общества, но и современного рыночного, формирующего потребительское отношение к личности и конформистские установки сознания.

Статья имеет установочный характер, ее выводы целесообразно рассматривать как теоретические предпосылки анализа феномена тоталитарной личности, которые могут быть использованы не только представителями гуманитарных наук, но и всеми, кто интересуется данной проблемой в условиях современного общества.

Ключевые слова: личность, тоталитарность, свобода, отчуждение, конформизм, массовая культура.

Для цитирования: Мананникова М. В. Проблема тоталитарности современной личности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 77–83. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-77.

THE PROBLEM OF THE TOTALITARISM OF THE MODERN PERSON

M.V. Manannikova

Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia
e-mail: Marinamanannikova@gmail.com

Abstract. *Addressing to the problem of totalitarianism of the modern personality has, in our opinion, relevance due to the fact that it allows us to identify the factors contributed to the deformation of various substructures of social and existential plans, to help a person to find his individuality in the fight against both external forces and internal “totalitarianism”. Therefore, the purpose of this article is to analyze the problem of modern personality, as well as the study of its structural components, the change of which leads to the emergence of the totalitarian type of individual. The article uses the methodology of textual analysis of works in combination with the comparative approach.*

The analysis of the sources devoted to the study of totalitarian personality revealed the characteristic features of this phenomenon. The study of the structural components of personality, its progressive and regressive changes,

makes it possible to consider the individual as a subject of the social process, a set of own aspirations and hopes, ideas and passions, tendencies to altruism or violence. Being on the verge of two worlds – biological and social, it absorbs all their diversity and versatility, forming a complex object of analysis.

The works of S.L. Rubinstein, Z. Freud and E. Fromm, which reflect the changes in the mental processes of the individual, formed in the social environment where his formation and development takes place, help to set off the features of the dynamic model of human behavior.

Identification of differences between pseudo-thinking and true thinking makes it possible to understand how the substitution of such elements of personality as feelings and desires, pseudo-elements.

The paper shows that the key characteristic of being a person is freedom, which generates the intention of the subject to identify the meanings and purposes of his life. How free a person of modern society is an open question, since alienation plays no less, if not a greater role in his self-determination, giving rise to the loss of a person's sense of self, uniqueness, individuality. And this phenomenon is not only a bygone Soviet society, but also a modern market, forming a consumer attitude to the individual and conformist attitudes of consciousness.

The article has an introductory character; its conclusions should be considered as theoretical prerequisites for the analysis of the phenomenon of totalitarian personality, which can be used not only by representatives of the Humanities, but also by all who are interested in this problem in modern society.

Keywords: *personality, totalitarianism, freedom, alienation, conformism, mass culture.*

Cite as: Manannikova, M.V. (2019) [The Problem of the Totalitarianism of the Modern Person]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 77–83. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-77.

Введение

Феномен тоталитарного общества, продемонстрированный ушедшим XX веком, явил реальностью особый тип личности, некоторые черты которой можно наблюдать в структуре личности современного человека. Порожденная тоталитарной общественной средой, обладающая четкими границами самоактуализации, благополучно адаптированная к существующему социокультурному контексту и конформная по природе своей, личность такого вида становится вневременным феноменом.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей реализации феномена тоталитарной личности в современном мире. На наш взгляд, изучение данного явления представляет собой актуальную проблему, поскольку позволяет рассматривать изменения психических процессов индивида в современной социальной среде, выявлять факты деформации личностных подструктур, способствующие возникновению многочисленных социальных и экзистенциальных проблем личности. Осознание человеком манипулятивности массовой культуры и латентной репрессивности современных демократических систем, понимание неоднозначности навязываемых обществом ценностей, позволит ему найти в себе силы противостоять внешнему давлению, приступить к поиску своей индивидуальности, бороться с собственной внутренней «тоталитарностью». Хотелось бы отметить, что термин «тоталитарная личность» еще недостаточно концептуализирован. Его содержание и онтологические характеристики зачастую обозначают более разработанной категорией «авторитарной личности», используя соответствующий термин в качестве синонима. В связи с этим, основным направлением нашей работы станет попытка выявить особенности существования феномена

«тоталитарной личности» современного вида.

Задачами данной работы являются, во-первых, исследование структуры личности в ее общем понимании, выявление ее системообразующих элементов; во-вторых, анализ особенностей феномена «тоталитарной личности» с позиции конституирования данного явления как деформаций отдельных структурных подсистем, возникающих в результате процесса «замещения». И, наконец, на завершающем этапе мы попытаемся охарактеризовать социальный статус «тоталитарной личности» в современном обществе. Для решения данных задач в статье применяется компаративистский подход, а также метод текстуального анализа произведений. Особенностью статьи является употребление терминов «человек», «личность» и «индивид» в их общем духовно-смысловом значении, без разграничения различных измерений духовной сущности.

Тоталитарная личность как объект исследования

Впервые в истории философской мысли термин «тоталитарная личность» был использован Х. Аренд в книге «Истоки тоталитаризма» [1]. Аренд дала подробное описание особенностей характера индивидов, образующих социальный фундамент тоталитаризма [2]. Понятие «тоталитарная личность» употребляется и в современной литературе, в частности, данная категория находит свое социально-философское осмысление в работах А.А. Грицанова [5, 6] и А.В. Гронского [7]. Однако, в данных работах феномен «тоталитарной личности» рассматривается скорее, как естественный продукт эволюции общества, не располагающий какой-либо изначальной ущербностью. В психологическом энциклопедическом словаре М.И. Еникеева

личность определяется как формируемый в условиях тоталитарного общества авторитарно зависимый тип характера, основными качествами которого являются конвенционализм, верноподданность, авторитарная зависимость, агрессивность, этноцентризм, ригидность, депрофессионализация и высокомерие [9]. Мы полагаем, что главные черты анализируемого явления, определяющие тоталитарность нравственно-мотивационного и социально-психологического аспектов структуры личности, прослеживаются и в современном «свободном» демократическом обществе. Одним из основных направлений нашего исследования станет анализ структурных элементов личностной целостности, уровней их устойчивости, а также причин деструктивных тенденций, ведущих к возникновению различного рода девиантного поведения.

Структура, в общем понимании, представляет собой совокупность стабильных связей между отдельными элементами, которая обеспечивает единство и целостность объекта, его самостоимость. Несмотря на то, что характерной особенностью структуры является устойчивость, тем не менее, ее элементы, как правило, подвержены изменениям – прогрессу и регрессу. Завершающим этапом регресса может быть распад структуры, сопровождающийся деструктивными изменениями. Когда речь идет о деструктивных явлениях в структуре личности, то необходимо учитывать особенности проявления этих изменений, так называемых девиаций.

Рассматривая структуру личности, следует ответить на ряд вопросов: что именно можно считать ее компонентами, какие связи компонентов являются системообразующими. В зависимости от того, какой способ решения данных вопросов избран исследователем, определяется тот или иной вариант структурирования личности. Однако в литературе представлены и крайние точки зрения. Так, например современный постмодернизм отвергает всякую возможность структуризации личности, ратуя за отказ от универсальных норм обобщения индивидуального опыта. Более того, личность в постмодернистской интерпретации лишена всякой определенности в силу отсутствия социальных закономерностей своего формирования. Такая позиция во многом объясняется тем, что индивид западного мира бывает одинок и отчужден, его связи с миром материального производства непрерывно слабеют. И в тоже время возможности потребления индивида непрерывно возрастают. Вливаясь в культуру, человек становится потребителем масс-медиа, масскультула, его высшие потребности остаются нереализованными, порождая кризис социализации [6]. Кризис социума порождает нового универсального человека, исследование природы которого стало актуальной

проблемой еще в XIX веке в социальных концепциях П. Бергера и Т. Лукмана [3], Х. Ортеги-и Гассета [12], концепциях XX века – Й. Хейзинги [18], К. Хорни [19], Э. Фромма [15, 16].

Обычно личностная структура в психологии рассматривается через призму психологических свойств, тогда как отношения человека с социумом отходят на второй план [4]. Так, например, согласно С.Л. Рубинштейну, к элементам личностной структуры относятся три составляющих: направленность, индивидуально-типологические свойства, а также совокупность знаний, умений и навыков [13, с. 566]. Направленность личности отражает потребности, интересы, идеалы, мотивы и мировоззренческие установки индивида. Темперамент, характер и способности выражаются в индивидуально-типологических особенностях. Совокупность познавательных способностей личности является результатом познавательно-предметной деятельности человека. Единство всех перечисленных компонентов обеспечивает психическое здоровье личности и его успешную социализацию.

Вопрос структурирования личности в социологии является одним из наиболее спорных. Теория З. Фрейда, описавшая сознание индивида как арену борьбы бессознательных инстинктов и запретов сверх-Я, позволила увидеть в структуре личности противостояние биологического и социального начал [14]. Исходя из того, что в социологии теории личности обычно ориентированы на анализ связи генезиса и функционирования личности с процессами развития и функционирования социальных общностей, индивид расценивается как субъект социальных связей.

Сущность же личности в философии логично рассматривать с позиции ее предназначения и смыслов существования, выбирая в качестве важнейших измерений бытия его духовную составляющую, совокупность нравственных принципов и уровень человечности.

Нам представляется целесообразным избрать такой метод структурирования личностных элементов, который позволит наиболее полно и четко отобразить динамику ее подсистем, а также уровень девиации рассматриваемых элементов в ходе взаимодействия личности с социумом. Интерпретируя личность как совокупность социогенных, психогенных и биогенных компонентов, выделяем социологическую, психологическую и биологическую ее подструктуры. В качестве критерия отличия подструктур рассматриваем отношение социального и биологического – не в доле, а в ценностном их значении. Подчеркивая социальную природу человека, считаем необходимым проанализировать в первую очередь те подструктуры, в которых социальный аспект личностного измерения превалирует над биологическим.

Вслед за Рубинштейном мы полагаем, что первая подструктура включает в себя направленность личности. В качестве же главных ее элементов выделяем идеалы, убеждения, интересы, влечения, желания и мировоззрение личности, которые социально обусловлены и не имеют врожденных задатков. Считаем, что наибольшей устойчивостью обладают убеждения, составляющие основу мировоззрения. В эту же подструктуру вводим еще один элемент – волю, задача которой состоит в формировании динамического характера индивидуальных убеждений. В качестве второго подструктурного компонента исследуем опыт личности, включающий в себя знания, умения, привычки и навыки, которые индивид приобретает в процессе социализации под влиянием биологических и генетически обусловленных качеств характера. Характеристики психических процессов образуют содержание третьей подструктуры, включающей в себя эмоции, особенности мышления, памяти, а также чувства и ощущения. Основными элементами четвертой подструктуры выступают типологические свойства личности, специфичность которых зависит от физиологических свойств мозга: баланса процессов возбуждения и торможения, скорости протекания нервных процессов и прочего.

Тоталитарная личность как отражение реалий современного общества

Анализируя «тоталитарную личность» на качественном уровне, необходимо дать характеристику элементам первой и третьей подструктур, так как именно такой подход рассмотрения позволит проследить деформацию личностных качеств сразу в двух измерениях – психологическом и социальном. Желания, склонности, идеалы, убеждения, как и мировоззрение в целом, складываются в ходе социализации индивида и носят в связи с этим социальный характер, в то время как мышление, память, ощущения, эмоции и чувства являются элементами психологической жизни человека. При этом все элементы личностной структуры человека должны обладать спонтанным характером и выражать неповторимость, уникальность индивида как социопсихологического существа.

Проблема современного общества заключается в том, что индивид активно усваивает чуждый ему, шаблонный способ существования, отказываясь от собственных установок, от свободы и самоопределения [21]. Описывая данный процесс, Э. Фромм использует понятие «воспринимающей ориентации», позволяющее охарактеризовать такой тип развития общества, целью которого становится непрерывное приобретение нового [17]. Усваивая способ бытия «тоталитарной личности», человек стирает различия между окружающим миром и собственным Я, стремится преодолеть

страх перед бессилием и одиночеством, вследствие чего утрачивает возможность спонтанной самореализации и подлинной свободы. Каждый из нас искренне убежден, что мы – это «Я», включающее наши мысли, чувства и эмоции, которые принадлежат только «нам» и обладают свободой и самостоятельностью. На стыках их взаимоотношений возникают довольно сложные проблемы психологии и философии, а именно: что есть Я? Какую природу имеют действия, которые мы понимаем как собственные? Что представляет собой спонтанность? и другие. Необходимо учитывать, что все три основных психических акта человека – чувство, мысль и волевой импульс – ощущаются как самостоятельные и свободные, хотя таковыми не являются.

Человек может искренне считать свои психические акты спонтанными, тогда как в соответствующих условиях они могут быть спровоцированы другим лицом. Исследуемый нами тоталитарный тип личности отличается тем, что в его структуре практически полностью отсутствуют самобытные мысли, чувства и желания.

Для того чтобы понять, что собой представляет мышление как один из элементов структуры «тоталитарной личности», достаточно проанализировать различие между псевдомышлением и истинным мышлением. В качестве иллюстрации можно привести такой пример. Изучая мнения людей по вопросам современной политики, можно спросить любого телезрителя или пользователя сети интернет, каково его мнение по поводу какой-либо проблемы. И он, как правило, перескажет вам тот или иной материал СМИ, будучи убежденным в том, что все сказанное им является результатом его собственных размышлений.

Аналогичным образом происходит замещение таких элементов структуры личности как чувства и желания, в силу того, что значительная часть желаний и чувств навязана человеку извне, хотя он уверен в свободе своего выбора. Замещение подлинных чувств, желаний и актов мышления в итоге приводит к подмене подлинной личности системой ложных компонентов – псевдоличностью. Качественное отличие подлинного Я и псевдо-Я заключается в том, что первое образование выражается в индивидуальных, свободных психических актах, тогда как второе просто исполняет заданную роль, делая это от своего имени и не осознавая своей внешней детерминированности. Данное образование существует как отражение чужих ожиданий, постоянно выстраивающее свою целостность из признания и одобрения других людей. «Пусть он сам не знает, кто он, но хотя бы другие будут знать, если он будет вести себя так, как им нужно; а если будут знать они, узнает и он, стоит только поверить им» [15, с. 212].

Смещая детерминанты с подлинного Я на псевдоподлинное Я, оно выступает основой формирования «тоталитарной личности». Анализируя тоталитарную личность с позиции субъект-объектного самоотношения, следует отметить, что именно такое отношение к себе является центральной характеристикой данной личности. «Тоталитарная личность» продает не только товары, но и сама становится товаром, она отчуждает саму себя, торгуя своими качествами, знаниями и энергией. Заметим, что одних «людей отчуждает общество..., другие от общества уходят сами и надолго...» [11, с. 3]. Отчуждение является собой способ существования такой личности, для которой свойственны утрата чувства самости, неповторимости, индивидуальности. Понять данный процесс невозможно без учета особенностей современного образа жизни: однообразия бытия и вытеснения осознания значимости фундаментальных проблем существования человека [8]. Современный человек одинок по существу своему, отчужден от мира и природы. Стремясь к преодолению отчуждения, он выбирает путь конформизма. Возникновение же отчуждения во многом способствует рыночная система, так как именно в ее рамках происходит оценка свойств и качеств человека. Капиталистический способ производства навязывает человеку принцип мышления, согласно которому обществом управляют законы, которые не поддаются контролю, что является самым ярким примером отчуждения индивида от общественных сил, определяющих жизнь каждого [10]. Еще одним фактором формирования тоталитарности является сама культурная индустрия, превращающая вкус в объект манипуляции. Мы видим, что основными факторами деформации спонтанности личностных элементов является внешняя реальность – способ организации и функционирования современной демократической системы. Но аппарат пропаганды, манипулирующий мнениями и предубеждениями людей, не был бы столь эффективным, если бы и сам индивид не был бы предрасположен к усвоению пропаганды в результате своего отчужденного образа жизни и стремления к конформности.

Подводя итоги, следует заметить, что феномен «тоталитарная личность» противоречив уже по своему определению, ибо сама характеристика «личности», как свободной и самоопределяющейся сущности вряд ли может быть применима к предмету исследования. Рассмотрев различные элементы структуры личности и системы «личность-социум», мы пришли к выводу, что характеристика «тоталитарности» может быть выражена и помощью таких понятий, как замещенность, отчужденность. Процессы и явления, определяющие содержание этой личности – мышление, чувства, желания, а также мировоззрение индивида в целом, это искусственно сформированные, иллюзорные компоненты ее структуры. Процесс идентификации личности и вещи, понимание индивида как объекта рыночных отношений является следствием формирования социального статуса человека в условиях потребительского отношения к личности и преобладания конформистской установки сознания. Одним из самых негативных последствий данного процесса становится формирование идентичного самоотношения: восприятие себя как вещи, неодушевленного предмета, ценность которого задается внешней востребованностью и успехом. Человек утрачивает собственную личность в ее подлинном смысле, а вместе с этим и уверенность в себе. К сожалению, в современном обществе существование человека отягощено множеством проблем [20]. И оно способствует разрыванию данного процесса, возводя принципы роботизации и технизации в императив. Поэтому «тоталитарная личность» – это представитель не только ушедшего в прошлое советского общества, но и современный человек. Рассуждая о свободе, человек мало что знает о ее подлинном значении, и еще меньше чувствует себя свободным. Мы проанализировали те элементы структуры личности, которые подвергаются наибольшей деформации в ходе социализации человека, указав, на ее ведущую ориентацию – отчуждение. Опасности данного процесса и способы его преодоления современным человеком – важнейшие темы дальнейшего анализа феномена тоталитарности, они весьма обширны и требуют дальнейших философских изысканий.

Литература

1. Арэнд Х. Истоки тоталитаризма: монография. – М.: Центрком, 1996. – 672 с.
2. Арэнд Х. Скрытая традиция: эссе: монография. – М.: Текст, 2008. – 221 с.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: монография. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
4. Гречко П. К. Идентичность – современные перспективы // Ценности и смыслы. – 2009. – № 2. – С. 38–53.
5. Грицанов А. Тоталитарная личность: актуализация идентичности // Вопросы социальной теории – 2010. – Том IV. – С. 326–343.
6. Грицанов А. А., Можейко М. А. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. – С. 425–426.

7. Гронский А. В. О концептах авторитарной и тоталитарной личности // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2018 . – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/> (дата обращения: 12.02.2019).
8. Екушевская А. С. Человек в современном мире: проблема возможностей потребления // Гуманитарные науки: Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 6. – С. 81–84.
9. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: Проспект, 2010. – С. 188–196.
10. Макаров В. Л. Становится ли человеческое общество стабильнее // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 17–22.
11. Максимов А. М. Свобода как противоречие самобытия и инобытия: дис.... докт. филос. наук: 09.00.01. – Екатеринбург, 1999. – 269 с.
12. Ортега – и – Гассет Х. Восстание масс. Избранные труды. – М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 704 с.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: монография. – СПб.: «Изд-во: Питер», 2002. – 720 с.
14. Фрейд З. Я и Оно: монография. – М.: Эксмо-Пресс, 2017. – 160 с.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя: монография. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 571 с.
16. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе: монография. – М.: Транзиткнига, 2005. – 571 с.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 635 с.
18. Хейзинга Й. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры: монография. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
19. Хорни К. Невротическая личность нашего времени: монография. – Sweden.: Philosophical arkiv, 2016. – 186 с.
20. Человек и его социальное существование: коллективная монография // О. М. Баранова, И. А. Беляев О. В. Богданова, О. Г. Бриллиантова, М. В. Егунева, Г. И. Завьялова, Ю. А. Карягина, В. В. Кашин, И. В. Колесникова, Л. И. Ломакина, М. В. Лутцев, А. М. Максимов, Ю. С. Осипова, Г. М. Ралдыгина, О. М. Ходырева, С. С. Шинкова, О. Б. Шульчева; ред. И. А. Беляев, А. М. Максимов. – Оренбург: Изд. Центр ОГАУ, 2007. – 136 с.
21. Человек самоопределяющийся: коллективная монография. – И. А. Беляев, В. В. Кашин, А. М. Максимов и др.; под ред. И. А. Беляева. – Екатеринбург: Изд-во УрАГС; Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2004. – 108 с.

References

1. Arendt, H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of totalitarianism]. Moscow: Centercom, 672 p.
2. Arendt, H. (2008) *Skrytayatradiatsiya: ehsses* [Hidden tradition: essay]. Moscow: The Text, 221 p.
3. Berger, P. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: «Medium», 323 p.
4. Grechko, P.K. (2009) [Identity-modern perspectives]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]. No. 2. pp. 38–53. (In Russ.)
5. Gritsanov A.A. (2010) [Totalitarian personality: actualization of identity] *Totalitarnayalichnost': aktualizatsiyaidentichnosti* [Questions of social theory]. Vol. IV. pp. 326–343.
6. Gritsanov, A.A., Mozheiko, M.A. (2001) *Postmodernizm. Enciklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: «Interpresservis: Book House», pp. 425–426.
7. Gronsky, A.V. (2018) [On the concepts of authoritarian and totalitarian personality]. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of practical psychology and psychoanalysis]. No. 1 Available at:<http://psyjournal.ru/> (accessed 12.02.2019) (In Eng.)
8. Ekushevskaya, A. S. (2014) [Man in the modern world: the problem of the possibilities of consumption]. *Gumanitarnyye nauki: Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [The Humanities: Historical and socio-educational thought]. No. 6. pp. 81–84. (In Russ.)
9. Enikeev, M.I. (2010) *Psihologicheskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Psychological encyclopaedic dictionary]. Moscow: Prospect, pp. 188–196.
10. Makarov, V.L. (2010) [Whether human society becomes more stable]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. No. 8, pp. 17–22. (In Rus.)
11. Maksimov, A.M. (1999) *Svoboda kak protivorechie samobytiya I inobytiya*. Dokt. Diss. [Freedom as a contradiction of self-existence and the other existence. Doc. Diss]. Ekaterinburg, 269 p.
12. Ortega - i – Gasset, H. (1997) *Vosstaniemass. Izbrannyye trudy* [The revolt of the masses. Selected works]. Moscow: «Izdatel'stvo «Ves' Mir»», 704 p.
13. Rubinshtejn, S.L. (2002) *Osnovy obshchej psikhologii* [Fundamentals of General psychology]. St. Petersburg: «Izd-vo: Piter », 720 p.

14. Frejd, Z. (2017) *Yai Ono* [Me and It]. Moscow: Eksmo-Press, 160 p.
15. Fromm, E. (2004) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom. Man for himself]. Moscow: «Izdatel'stvo AST», 571 p.
16. Fromm, E. (2005) *Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Hriste* [Healthy society. The dogma of Christ]. Moscow: Tranzitkniga, 571 p.
17. Fromm, E. (2004) *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow: «Izdatel'stvo AST», 635 p.
18. Hejzinga, J. (2011) *Chelovek igrayushchij. Opyt opredeleniya igrovogo ehlementa kul'tury* [Man playing. Experience in determining the game element of culture]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 416 p.
19. Horni, K. (2016) *Nevroticheskaya lichnost' nashe govremeni* [Neurotic personality of our time]. Sweden.: Philosophical archive, 186 p.
20. Chelovek i ego social'noe sushchestvovanie: kollektivnaya monografiya [Man and his social existence: the collective monograph]. O. M. Baranova, I.A. Belyaev, O.V. Bogdanova, O.G. Brilliantova, M.V. Eguneva, G.I. Zav'yalova, Y.A. Karyagina, V.V. Kashin, I.V. Kolesnikova, L.I. Lomakina, M.V. Lutcev, A.M. Maksimov, Y.S. Osipova, G.M. Raldygina, O.M. Hodyreva, S.S. Shinkova, O.B. Shul'cheva. Orenburg: OGAU, 136 p.
21. Chelovek samoopredelyayushchijsya: kollektivnaya monografiya [Man is self-determining: the collective monograph]. I.A. Belyaev, V.V. Kashin, A.M. Maksimov. Ekaterinburg: UrAGS; Orenburg: UrAGS in Orenburg, 108 p.

Информация об авторе:

Марина Викторовна Мананникова, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия
e-mail: Marinamanannikova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.03.2019; принята в печать 08.04.2019.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Manannikova Marina Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia
e-mail: Marinamanannikova@gmail.com

The paper was submitted: 14.03.2019.
Accepted for publication: 08.04.2019.
The author has read and approved the final manuscript.

МЕТАФИЗИКА НЕ УМИРАЕТ (ХАЙДЕГГЕР И ЕГО ЗАЩИТА МЕТАФИЗИКИ)

В.В. Миронов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: vlamironov@yandex.ru

Аннотация. В статье автор исследует понятие метафизики и метафизического мышления сквозь призму новых материалов, так называемых «Черных тетрадей» М. Хайдеггера. Показывается, что метафизический подход в философии был необходим в условиях зарождения философии. В этот период единственным средством объяснения мира оставался разум, причем разум, замкнутый на индивидуальное человеческое мышление. Метафизика изначально возникает как особый способ рефлексии за пределами опытного знания. Философии приходится постоянно «оправдываться» за такой подход, однако на самом деле он является существенной особенностью философского мышления. Как бы ни развивались науки и как бы ни рос объём конкретно-научных данных, в философии «надпредметность» будет присутствовать всегда. Автор анализирует сходство и различие позиций И. Канта и М. Хайдеггера по вопросу трактовки метафизики, в то же время показывая, что, по сути, они в разных социокультурных ситуациях говорят о необходимости метафизики в философии. Специально рассматриваются некоторые идеи Хайдеггера относительно трактовки метафизики, которые им излагаются в «Черных тетрадях», где еще раз обосновывается идея, что никакие философские проблемы нельзя рассматривать в отрыве от их метафизического и онтологического обоснования.

Ключевые слова: метафизика, философия, онтология, теория познания, И. Кант, М. Хайдеггер, «Черные тетради».

Благодарности: Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Для цитирования: Миронов В. В. Метафизика не умирает (Хайдеггер и его защита метафизики) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 84–98. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-84.

METAPHYSICS DOESN'T DIE (HEIDEGGER AND HIS PROTECTION OF METAPHYSICS)

V.V. Mironov

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

e-mail: vlamironov@yandex.ru

Abstract. In the article, the author explores the concept of metaphysics and metaphysical thinking through the prism of new materials, the so-called “Black Notebooks” by M. Heidegger. It is shown that the metaphysical approach in philosophy was necessary in the conditions of the origin of philosophy. During this period, the only means of explaining the world remained the mind, and the mind, closed to the individual human thinking. Metaphysics initially arises as a special way of philosophical reflection outside of experienced knowledge. Philosophy has to constantly “justify itself” for such an approach, but in reality it is an essential feature of philosophical thinking. No matter how much science develops and no matter how much the volume of concrete scientific data grows, in the philosophy of “over-subject matter” will always be present. The author analyzes the similarities and differences in the positions of I. Kant and M. Heidegger on the interpretation of metaphysics, at the same time showing that, in fact, they in different sociocultural situations speak of the need for metaphysics in philosophy. Some ideas of Heidegger concerning the interpretation of metaphysics, which they set forth in the Black Notebooks, where the idea is once again substantiated that no philosophical problems can be considered apart from their metaphysical and ontological justification, are specifically considered.

Keywords: metaphysics, philosophy, ontology, theory of knowledge. I. Kant, M. Heidegger, «Black Notebooks».

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the activities of the leading scientific school of Moscow State University named after M.V. Lomonosov «Transformation of culture, society and history: philosophical and theoretical understanding».

Cite as: Mironov, V.V. (2019) [Metaphysics doesn't die (Heidegger and his protection of metaphysics)]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 84–98. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-84.

Проблема понимания метафизической сущности философии всегда была и остается одной из центральных, относясь к так называемым «вечным» проблемам. Метафизический подход был неизбежен с момента возникновения философии, которая изначально представляла собой протознание, профилософию¹, то есть некую систему, в которой совмещались положительные знания человека о мире (о научности в современном смысле здесь еще нельзя было сказать) и спектр мировоззренческих вопросов, связанных с пониманием места человека в мире, целей и проблем его существования.

Карл Ясперс связывает период возникновения философии с формированием современного, то есть философствующего человека, который «осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения»² [1]. Человек мог задавать любые вопросы о сущности бытия и мира и отвечать на них, не выходя за рамки собственного сознания и в отсутствии форм проверяемости тех или иных положений. Соответственно, единственным средством объяснения мира оставался разум, причем разум, замкнутый на индивидуальное человеческое мышление, результатом чего выступали мыслительные спекуляции. Именно это уловил Сократ в своей известной фразе: «Я знаю только то, что ничего не знаю»³ [2], глубина которой пронизывает все развитие философии и означает, что философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершенного знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые, в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований

бытия, и выступает как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом.

Это означает, что метафизика изначально возникает как отражение работы мышления в смысловом пространстве, по сути, неразвитого доопытного знания и в ситуации отсутствия развитых критериев установления истины: она формируется как особый способ философской рефлексии за пределами опытного знания – на основании «чистого» мышления. А уж затем оказывается, что такого рода философская рефлексия необходима, но работает в иной познавательной ситуации, в том числе и тогда, когда уже будут развиты науки и научные методы познания, так как предельные вопросы о бытии остаются и никогда не могут быть полностью вытесненными вариантами научных ответов. Такая настроенность философии на метафизическое рассуждение (от момента возникновения до наших времён) всегда порождала её критику как спекулятивного способа познания мира, оторванного от реальности и реальных проблем. На протяжении всей истории над философией висел «дамоклов меч» необходимости самооправдания: спекулятивное познание бытия возможно и даже необходимо, – тогда как науки, замкнувшись в рамках собственной предметности, в этом не нуждались⁴ [3].

Таким образом, метафизика – это особый тип предельного постижения бытия, а философия – это метафизическое знание, в отличие от частнонаучного. Даже отрицание такого типа знания может осуществляться лишь в смысловом пространстве метафизики, ибо оно не может быть опредмеченным и сведенным к одной из сфер бытия, что во многом реализуется в науках. В последних, предметность базируется на выделении (и неизбежном при этом огрублении) отдельных свойств исследуемого объекта при одновременном абстрагировании от всех иных, присущих данному объекту. Например, я могу трактовать человека как совокупность рычагов с позиции механики, и этого может быть достаточно, например, для построения инвалидной коляски (более того, здесь лучше меньше философствовать), но при этом понятно, что сущность человека вовсе не сводима к совокупности рычагов или совокупности каких-то других свойств (биологических, физических или социальных). Поэтому предметность философии совершенно иного рода. Предметом здесь выступает мир в целом, бытие как таковое (включая надприродную сущность, размышления над которой Аристотель назвал теологией).

В конкретных науках, как мы отметили, истина соответствует собственной предметной области, яв-

¹ «... художественно-мифолого-религиозный мировоззренческий комплекс, с одной стороны, и реальные знания и умения, с другой, и составили профилософию. В самом широком смысле слова профилософия – совокупность развитой мифологии (плод воображения) и зачатков, необходимых для жизнеобеспечения знаний (плод деятельности рассудка).

Такая профилософия – в своей сущности дофилософская парафилософия–парафилософия без философии. Конечно, о парафилософии можно говорить лишь тогда, когда образовалась философия. Тогда философия – ядро. А парафилософия – скорлупа. Тогда философия – Солнце. А парафилософия – солнечная корона.

Но если ядра нет, то парафилософия – лишь туманность, в которой еще предстоит зародиться звезде.

В более узком смысле слова профилософия – то, что и в мифологии, и в начатках наук непосредственно послужило генезису философии». (А.Н. Чанышев. Философия Древнего мира. М. Высшая школа. 1999 г. – 703 с. С. 19)

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Карл Ясперс. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 32-33.

³ «На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я коли ничего не знаю, то и не воображаю, будто знаю». Платон. Апология Сократа // Платон. Избранные диалоги. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. – С. 280.

⁴ Доброхотов А.Л. Возвращение метафизики, или какие действительные успехи сделала метафизика со времён Парменида // Александр Доброхотов. Избранное. «Территория будущего». – М., 2008. – С. 199–214.

ляется «опредмеченной». Это в буквальном смысле упрощает (огрубляет) познавательную ситуацию, ибо то, например, что не поддается такому упрощению, просто может отвергаться в качестве возможного объекта исследования.

Как бы ни развивались науки и как бы ни рос объём конкретно-научных данных, в философии эта «надпредметность» или «внепредметность» будет присутствовать всегда. Образно говоря, философы так и не стали примерять «предметные очки», а когда пытаются это делать, то оказываются на скользком пути, либо произнося банальности с позиции представителей той или иной науки, чьи очки они надевают, либо возводя некую предметную область на вершину философии. Так было с дарвиновской теорией, когда в рамках социал-дарвинизма ею пытались объяснять общество, так было с психоанализом, когда его превращали в универсальный принцип истолкования культуры. Так происходит и сегодня, когда в качестве «предметных очков» могут выступать сами по себе очень интересные идеи, которые, однако, абсолютизируются – обретают статус некой модной и решающей все проблемы методологии. Так, например, именно иногда трактуется «принцип ирредукции» Бруно Латура, который, по сути, показывает лишь ограниченность использования редукции, что в истории философии обсуждалось достаточно широко. Схожая ситуация характерна и для обсуждения моделей «плоских онтологий», часто в таком духе, как будто проблема множества онтологий в философии никогда не ставилась, хотя ее остро поставил уже Н. Гартман и в определенном смысле даже Ф. Энгельс в его непопулярной ныне классификации форм движения материи.

Таким же очередным «философским камнем» выступают попытки объяснить человеческое сознание с помощью только новейших достижений психофизиологии, новых возможностей виртуального изучения мозга, когда говорят чуть ли не о перевороте в гносеологии. Как отмечает Маркус Габриэль, «мы можем визуализировать живой мозг посредством созданной компьютером (но не напрямую!) модели, не вмешиваясь тотально в сам орган. Однако в данном случае медицинский прогресс связывают с далеко идущим обещанием *сделать мышление видимым*. И это обещание нельзя выполнить. Выражаясь точнее, это полная ерунда... Если под «мышлением» понимать сознательное обладание мыслями, оно включает гораздо больше, чем просто мозговые процессы, которые можно сделать видимыми посредством медицинских способов визуализации»⁵.

Увлеченность такими новейшими исследованиями понятна и даже естественна, но одновремен-

но, необходимо понимать, что философ смотрит на мир внутренним, мыслительным взором, который, конечно, должен учитывать достижения, которые происходят в науке, но, одновременно, оставаться внутри «чистой рефлексии». В этом плане мысль Аристотеля о том, что философия предшествует научному знанию, выступая как «*prōte philosophia*» (протофилософия или первофилософия), фиксирует существенную специфику философии, которая не может быть лишь неким обобщением научных данных.

Именно в силу вышесказанного со спецификой философии как формы метафизического знания была связана и необходимость постоянного её «самооправдания» относительно самой возможности осуществления познания на предельном уровне, который невозможен в рамках конкретно-научного «опредмеченного» познания. Философ вынужден доказывать, что его мыслительные спекуляции относительно той области, где они необходимы, также могут давать истинное описание бытия. А это порождает необходимость признания высокой роли самокритики как особого рефлексивного механизма, дающего возможность приближения к истине. Это, конечно, не означает самокритики личностной, то есть критики своих собственных концепций. Речь идет о допустимости и даже необходимости критики любой философской системы в принципе. Даже Гегель, который неоднократно отмечал, что его система является полным и завершенным описанием бытия, и вряд страдал самокритичностью, тем не менее, обращает на это внимание. Так, он пишет: «Бывает, правда, что выступает новое философское учение, утверждающее, что другие системы совершенно не годятся; и при этом каждое философское учение выступает с притязанием, что им не только опровергнуты предшествующие, но и устранены их недостатки, и теперь, наконец, найдено истинное учение. Но, согласно прежнему опыту, оказывается, что к таким философским системам также применимы другие слова Писания, которые апостол Петр сказал Ананию: “Смотри, ноги тех, которые тебя вынесут, стоят уже за дверьми”. “Смотри, система философии, которая опровергнет и вытеснит твою, не заставит себя долго ждать; она не преминет явиться так же, как она не преминула появиться после всех других философских систем»⁶ [4]. Претензия на абсолютную истину всегда остается в философии лишь мнением, которое может весьма далеко отстоять от истины.

Можно сказать, что самокритика является одной из существенных сторон философского знания. Ведь здесь не существует «простых» критериев для решения предельных вопросов. Поэтому в основе философского мышления лежит сомнение, которое часто выступает «актом коллективного

⁵ Markus Gabriel. Ich ist nicht Gehirn. Philosophie des Geistes für das 21. Jahrhundert. Ullstein Buchverlage GmbH. – Berlin, 2015. – p. 19. (пер. Дагмар Мироновой)

⁶ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – С. 82.

философского сомнения... Усомниться в критике метафизики для философии равносильно тому, чтобы усомниться в акте (и факте) собственного мышления...»⁷ [5].

Указанные сложности в понимании сущности метафизики порождают и известный тренд на объявление её излишним знанием, якобы мешающим развитию философии как науки. «Метафизика как излишнее знание» является одной из самых обсуждаемых тем, когда звучат требования либо резкого ограничения места метафизики в философии, либо полного отказа ей в праве на существование как особого типа знания и мышления⁸ [6]. Очень часто интеллектуальные «похороны» метафизики связывают с фигурой И. Канта. Это глубоко неверно. Критика Канта была направлена против господствующей догматической метафизики⁹ и, в каком-то смысле, возвращала нас к традиции Аристотеля. Метафизика должна была стать рациональным средством постижения бытия, основанным на знании, но не сводимым к нему. Метафизическим основанием философии является, по Канту, то, что она исследует фундаментальные цели человеческого разума и в этом смысле имеет абсолютную ценность. Но также справедливо, отмечает он, что она не может быть и оторвана от конкретного знания, так как в этом случае перед нами предстанет система догматических, абстрактных построений, далёких от истины. Метафизика исходит из принципиального единства онтологии и гносеологии, то есть строится как знание о первопринципах, как «мета-метафизика», своеобразная метанаука или трансцендентальная философия¹⁰ [9].

Метафизика как учение о первоначалах реконструирует принципы нашего мышления, и проблемным является насколько это осуществимо с помощью разума. «Кант стремился обратиться к самому источнику метафизического познания, который для него олицетворял разум. Поэтому он считал необходимым и оправданным, что разум сам себя может делать предметом собственных исследований и в критике самого себя определять свои

возможности и границы¹¹ [9]. Первопринципы, таким образом, есть определения самого Разума как особой способности, могущей конструировать априорные знания¹² [10].

Мы достаточно подробно остановились на этом, чтобы показать, что именно указанная тонкость рассуждений И. Канта была уловлена М. Хайдеггером. Полемизируя с представителями марбургской школы неокантианства, которые пытались связать философию с точным и математизированным естествознанием (в ряде случаев даже уподобить математике, как Фреге или Рассел) или, если речь шла об этике, с правом (трактуемым как нечто подобное науке в этой сфере), он отмечает, что Кант оказался глубже его интерпретаторов, разводя области философского и научного мышления. Философия есть рефлексия, то есть особое применение разума, в том числе и к анализу самих наук. По сути, речь идет о выявлении гносеологических предпосылок, позволяющих выявить предметную ограниченность той или иной науки в исследовании объекта. Статус «метанаучности» философии здесь проявляется в том, что она исследует сами предпосылки научного знания, что невозможно делать, находясь внутри предметного пространства. Именно поэтому философия, хотя и опирается на знания, к ним не сводима.

Хайдеггер отмечает, что неокантианцы попытались рассмотреть Канта лишь как теоретика физико-математической теории познания: «... что остаётся за философией, если всеобщность сущего поделена между науками? Остаётся только познание науки, но не сущего. Под этим углом зрения произошел возврат к Канту. Кант, следовательно, ими рассматривался как теоретик физико-математической теории познания... Даже Гуссерль между 1900–1910 гг. в определенном смысле впал в объятия неокантианства... Кант же хотел дать не теорию естествознания, но показать проблематику метафизики, а именно онтологии»¹³. Даже гносеологическая программа Канта выходит за рамки чистой гносеологии, так как, обосновывая возможность знания, он осуществляет это с более широких философских позиций. «Критика чистого разума не имеет дела с “теорией познания”. Если вообще можно допустить трактовку онтологии как теории познания, то следовало бы сказать: критика чистого разума является теорией не онтического познания (опыта), а познания онтологического... Введением

⁷ Столярова О. Е. Онтологические основания критики метафизики и возвращение метафизики // The Digital Scholar: Лаборатория философа – Ежеквартальный научно-теоретический журнал. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 118.

⁸ Автору приходилось неоднократно писать об этом. Мионов В. В. Оправдание метафизики // Сущность и слово. – М.: «Феноменология-Герменевтика», 2009. – С. 4–33.; Мионов В. В. Предметное самоопределение философии // Метафизика. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 7–30.

⁹ Как известно, догматическая метафизика разделялась на общую метафизику (онтологию) и специальную метафизику (теологию). Кроме того, она включала в себя психологию (или философскую антропологию), космологию и рациональную теологию (учение о Боге как Абсолюте).

¹⁰ Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2006. – С. 132.

¹¹ Там же.

¹² Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в шести томах. Том 3. – М.: «Мысль», 1964. – С. 120.

¹³ Davoser Disputation zwischen Ernst Cassirer und Martin Heidegger // M. Heidegger. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Bd. 3. Kant und das Problem der Metaphysik. Vittorio Klostermann. Frankfurt a. – M., 1991. – pp. 274–275 (пер. Дагмар Мироновой)

проблемы трансценденции на место метафизики ставится не “теория познания”, а онтология, у которой спрашивают о её внутренних возможностях»¹⁴.

Иначе говоря, Хайдеггер находит у Канта скрытый «онтологический проект». «Из истолкования Хайдеггера следует, что всякое познание является онтологическим или онтологией опосредованным, благодаря чему сущее, по словам Хайдеггера, явлено как сущее. То есть познание без метафизики невозможно»¹⁵ [11]. Правда, автор приведенной цитаты и ряд других исследователей считают, что это была излишне свободная интерпретация, которая не вытекает из самой предлагаемой Кантом модели трансцендентальной философии и даже противоречит ей. «Хайдеггер явно перетолковывает Канта, когда повествует не о том, что действительно, реально *говорит* Кант, а о том, что он якобы “*хочет сказать*”»¹⁶ [12]. Тем не менее, установка Хайдеггера на «онтологическую» интерпретацию Канта имеет право на существование. Не случайно Н.В. Мотрошилова, занимая критическую позицию, говоря о том, что Хайдеггер приписывает Канту «онтологические замыслы»¹⁷ [12], допускает, что «онтологические повороты и решения (в духе более поздней, в том числе хайдеггеровской философии) каким-то непрямым образом могут вытекать из формул Канта»¹⁸ [12].

Вот эта последняя ремарка «**непрямым образом**» очень существенна, ибо она отражает тот факт, что философия есть развивающееся знание, а поскольку основанием для ее развития являются тексты и смыслы, то всегда будет оставаться и момент реализации такого развития в форме новой интерпретации. В философии текст не является неким навсегда застывшим образованием. Любой философский текст подвергается и будет подвергаться интерпретациям, такова природа философии, обеспечивающая своеобразную «миграцию» ее проблем от эпохи к эпохе, в том числе и в зависимости от из-

меняющихся социокультурных обстоятельств. Философия представляет собой особое вневременное смысловое пространство, в рамках которого мыслители разных времён продолжают вести диалог, а такой вневременной диалог увеличивает массив интерпретации идей, если конечно, мы не рассматриваем историю философии как «скитание среди могил»¹⁹ [13]. В этом состоит особенность истории философии, в отличие от истории иных дисциплин, где последующая ступень развивающегося знания как бы «поглощает» или отбрасывает те истины, которые были открыты ранее²⁰. История философии это не «*то, что прошло и исчезло*», – пишет Гегель. – «Содержание этой истории представляет собою научные продукты разума, а последние не суть нечто преходящее. Добытое на этом поприще есть истина, а последняя вечна – не есть нечто такое, что существовало одно время и перестало существовать в другое; она истинна не только сегодня или завтра, а вне всякого времени; поскольку же она во времени, она всегда и во всякое время истинна»²¹ [4]. Таким образом, философия есть, прежде всего, само мышление или процесс философствования, продуктом которой выступает мысль как таковая, а не просто совокупность отдельных знаний или отдельных философских систем. Философия не есть, «многоучённость» как «познание умершего, похороненного и истлевшего. История философии имеет своим предметом нестареющее, продолжающее свою жизнь»²² [4]. Именно в силу этой особенности философия реагирует на научные открытия, часто интегрируя их в ту или иную новую философскую систему, лишь расширяя или уточняя сам факт понимания предельных вопросов, которые человек продолжает ставить по поводу бытия как такового, которое сегодня переосмысливается, например, в связи с проблемой дигитальности, которые также во многом обсуждаются в рамках метафизики²³ [14].

Попытка буквального следования за историей философии при ее абсолютизации может вытес-

¹⁴ Ibid. – p. 17. (пер. Дагмар Мироновой)

¹⁵ Гиренок Ф.И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 88.

¹⁶ Мотрошилова Н. В. Мартин Хайдеггер: пути перетолкования Канта и проблема бытия // Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: бытие–время–любовь. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – С. 380.
«Как бы чувствуя, что “ясно” не стало и что получается как-то не по-кантовски, Хайдеггер вынужден задать вопрос, возвращающий к тексту Канта: “Почему же это обоснование становится «критикой чистого разума?»» <...> Заранее скажу: хайдеггеровские ответы на него и по форме, и по содержанию становятся таким “обращением к Канту”, тип которого ясен из следующего изречения Хайдеггера: “Кант проясняет возможности онтологии в вопросе: «Как возможны синтетические суждения a priori?»”. Смысл же черным по белому зафиксированных замыслов Канта вел к ровно противоположному результату, вплоть до совета снять “тордое имя онтологии”». (Там же. С. 380).

¹⁷ Там же. – С. 381.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Цит. по: Гурина М. Философия. – М.: Республика, 1998. – С. 131.

²⁰ Любопытно, что непонимание этой значимости истории философии проявилось в наше время, когда в рамках реформирования специальностей ВАК, едва не было упразднено направление «история философии» на основании того, что история науки должно включаться в сам предмет науки. И автор статьи, вместе со своими коллегами академиками В.С. Степным и А.А. Гусейновым доказывали чиновникам, что в философии ее история имеет совсем иной смысл.

²¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – С. 99.

²² Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – С. 99–100.

²³ Миронов В. В., Сокулер З. А. Тоска по истинному бытию в дигитальной культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2018. – № 1. – С. 3–22.

нить саму философскую рефлексивную, творческую работу разума, и тогда нам ничего не остается, как вечно пребывать в смысловом пространстве комментариев к Платону, по поводу чего иронизировал Уайтхед. Поэтому важно, чтобы в ней всегда присутствовал смысловой стержень, которым и выступает метафизика. Именно в рамках общей метафизической проблематики происходит столкновение противоречащих концепций как различных интерпретаций, в том числе мыслей того или иного автора, и результатом этого отнюдь не выступает отбрасывание одной из них по закону исключенного третьего. Более того, наличие жестко конкурирующих теоретических альтернатив – это устойчивое состояние философии, свидетельствующее о ее жизнеспособности в ту или иную историческую эпоху.

Таким образом, метафизика как концептуальная схема – это не исторический феномен периода становления философии, а её смыслообразующий стержень, который не может быть отброшен в принципе. И именно И. Кант попытался представить философию как совокупность смысловых проблемных уровней, связанных в единое целое метафизической проблематикой, пронизывающей философию и выраженной им в знаменитых четырех вопросах, которые, по сути, задают границы её смыслового пространства.

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

На первый вопрос отвечает *метафизика*, на второй – *мораль*, на третий – *религия* и на четвертый – *антропология*²⁴ [15]. И далее Кант замечает, что первые три вопроса сводятся к антропологии. На основании последней ремарки, иногда делают вывод о том, что метафизика отражает лишь некую исковую точку философии, которая как бы «запускает» сам механизм метафизического подхода, который на современном уровне развития философии реализуется как философская антропология. В этом смысле понимание метафизики у Канта и Хайдеггера различное. У Канта метафизика – «наука о внутренних принципах выбора между различными целями, то есть наука о человеке. У хайдеггеровского Dasein нет внутреннего, у Хайдеггера онтология – наука о бытии»²⁵ [11]. Иначе говоря, у Канта, человек – это своеобразная метафизическая цель, и философия, в конечном счете, направлена к реальному человеку, помогая ему преодолевать проблему осознания собственной конечности, тогда как Хайдеггер «вопрос о человеке и его внутренней природе...

подменяет вопросом о конечности в человеке»²⁶ [11]. Получается, что у Канта антропология – некая вершина или завершение философии, а Хайдеггер, напротив, возвращается к бытию и метафизике, рассматривая и человека как некую структуру бытия. Поэтому, по мнению Хайдеггера, субъективная сущность человека, в силу конечности человека как существа, не столь интересна для философии, и центральным остается вопрос бытия, то есть уровень онтологии.

Однако нам кажется, что Хайдеггер здесь вовсе не выступает против антропологии, принижая ее, он просто заостряет то обстоятельство, что без метафизики и выявления онтологического статуса человека мы не сможем *философски* объяснить его сущность и неизбежно будем сводить её к личностным восприятиям и переживаниям. Именно метафизика лежит в основе решения моральных, религиозных и антропологических проблем, которые в отрыве от неё будут порождать лишь мнимые ответы. В такой конфигурации философия, отмечал Кант, и выступает как философская мудрость, в отличие от «школярской философии» как одного из общеобразовательных предметов. Философ, стремящийся к такой мудрости, должен постигать то, насколько знание может способствовать достижению высших целей Человека и Человечества. «По мировому же понятию (Weltbegriff) она есть наука о последних целях человеческого разума. Это высокое понятие сообщает философии достоинство, т.е. абсолютную ценность»²⁷ [15].

Таким образом, никакого отказа от метафизики у Канта нет, а есть её обоснование и развитие. Философия как мудрость, основанная на метафизической рефлексии над бытием и уровнями этого бытия, поэтому и выступает в качестве «самосознания эпохи и культуры» (К. Маркс). Общим для такого самосознания остается единая проблематика, которая базируется на исследовании фундаментальных, предельных основ бытия и человека, преломленных через сознание индивида. Философия в такой трактовке выступает как знание о предельных взаимоотношениях (закономерностях), которые существуют между миром и человеком на всех уровнях бытия. Соответственно, если мы таким образом понимаем сущность философии, то необходимо заниматься не просто «философствованием» по поводу чего-угодно, а устанавливать то общее, что имеется в разнообразных философских системах, относя их тем самым к общему и единому мыслительному подходу²⁸ [16]. Именно это единство формирует

²⁶ Там же. – С. 93.

²⁷ Кант И. Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980. – С. 332.

²⁸ Вильгельм Дильтей. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. – М.: «Территория будущего», 2006. – 440 с.

²⁴ Кант И. Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980. – С. 332.

²⁵ Гиренок Ф. И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 88.

своеобразный «квазиэмпирический» базис философии, в который включается философски проинтерпретированный опыт постижения самых различных сфер бытия, от обыденного сознания до науки, искусства и религии. Философия выступает как своеобразный смысловой стержень культуры, что придаёт ей действительно универсальный характер, так как опирается на связь всех форм сознания, решая общую предельную, а значит метафизическую задачу объяснения сущности бытия в целом. «Этому соответствует стремление объединить разрозненное, создать связь и распространить ее, не считаясь с границами отдельных наук»²⁹.

Эту метафизическую линию кантовской философии и улавливает М. Хайдеггер, конечно, перенося данную трактовку в иные социокультурные условия. Он усматривает сущность философии в особом созерцании, которое является предпосылкой мышления и посредством которого мы можем уловить особенности мира, чтобы затем мыслить о нем. Такое созерцание, конечно, связано с рассудком, повторяет Хайдеггер вслед за Кантом, «но необходимая принадлежность чувственности и рассудка к сущностному единству конечного познания не исключает, а предполагает наличие иерархичности в структурированном основании мышления, которое зиждется на созерцании как ведущем представлении. Именно эту иерархию нельзя упускать из вида, учитывая взаимную принадлежность чувственности и рассудка, как обладающую обратной связью – она не сводима к индифферентной корреляции формы и содержания»³⁰. Таким образом, считает Хайдеггер, Кант расчистил место для современной философии, то есть экзистенциальной метафизики. В некотором смысле, М. Хайдеггер встаёт на защиту метафизики так же, как в своё время это делает Кант, но в иных социокультурных обстоятельствах, – когда складывается очередное «наступление» на философию, трактуемую как метафизическое знание.

Таким образом, перед нами, конечно, свободная интерпретация, но вполне естественная для философского творчества и допускающая отличия в понимании некоторых выводов. Кант вёл полемику с философами, в представлении которых философия была мыслительной сферой, оторванной от конкретно-научного знания. Хайдеггер пытается обосновать тезис, что философия, стоящая на позициях метафизики, принципиально отлична от науки, но не в смысле противоречия с ней. Это просто совершенно иная сфера мышления, что

вовсе не означает ненужности или бессмысленности философии. Хайдеггер был не одинок в таком понимании философии, оно буквально «впитано» в воздухе. Например, близкий к нему в ранний период К. Ясперс, также говорит об этом и настаивает на отмежевании философии от науки: «Философское мышление по своему смыслу радикально отличается от научного»³¹. Более того, сам факт такого противопоставления является выражением сути философского мышления, отражая опору на разные ценностные установки. В науке в качестве высшей выступает познавательная ценность, тогда как в философии эта установка не является доминирующей и может отступать на второй план. Именно поэтому философия не может подражать науке в своем строении. Она – совершенно иной способ постижения бытия. Примером последнего служит тот факт, пишет Ясперс, что логическое доказательство, признающееся своеобразным эталоном доказательства, не всегда применимо в философском мышлении. Более того, те формы рассуждения, которые в логике считаются ошибочными, а именно «противоречия, круг, тавтология... выступают как признаки различия между философским и научным мышлением»³². Если в науках мышление является средством получения знаний и с их помощью овладения предметным миром, то философия есть мышление в чистом виде, которое не может быть сведено к истинам предметного знания. «Нельзя не признать: в философии нет единогласия относительно окончательного познания. То, что по убедительным причинам всеми признается, становясь благодаря этому научным знанием, уже не философия... То, что любой образ философии... не пользуется единогласным признанием всех, вытекает из природы ее дел»³³.

Метафизика – это особый тип постижения бытия, который скорее должен быть «очищен» от нацеленности только на науку, сведённую к суженным формам понимания рациональности. Метафизичность как характеристика философского мышления не просто этап, характеризующий некий период её развития, уходящий в прошлое, а особый способ рефлексии над бытием. Даже «преодоленная метафизика не улечивается. Она возвращается видоизмененной назад и остается у власти в качестве продолжающего править отличия бытия от сущего»³⁴ [17]. Поэтому Канта незаслуженно упрекают в том, что он заложил традицию сведения фи-

³¹ Jaspers K. Philosophische Autobiographie // K. Jaspers. Stuttgart. – 1957. – pp. 27–28.

³² Jaspers K. Die großen Philosophen. Bd.1. München, Piper. – 1957. – p. 450.

³³ Jaspers K. Einführung in die Philosophie. München. – 1971. – pp. 9–10.

³⁴ Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Библина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – С. 231.

²⁹ Вильгельм Дильтей. Сущность философии. – М., 2001. – С. 19.

³⁰ Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik // M. Heidegger. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Bd. 3. Kant und das Problem der Metaphysik. Vittorio Klostermann. Frankfurt a. – М., 1991. – p. 35–36. (пер. Дагмар Мироновой).

лософии к теории познания. Он предложил **иную** метафизическую модель – трансцендентальную философию. «Поскольку истина становится достоверностью и собственной сущностью (ουσία) сущего превращается в предстояние перед perceptio, восприятием, и cogitatio, со-ображением представляющего сознания, т.е. знания, — постольку знание и познание выдвигаются на передний план. “Теория познания” и то, что таковой считается, есть в своей основе метафизика и онтология, стоящая на истине как на достоверности устанавливающе-обеспечивающего представления»³⁵ [17, 234]. Метафизика преодолевается лишь как некий конкретно-исторический вариант её развития. Преодоление – это только ступень развития метафизики как сущностной характеристики философии, и она не может никуда исчезнуть.

В этом смысле, наукам «проще»: они исследуют явленную нам (для нас) предметную сущность, а значит, и истина, которую они достигают, носит предметный характер. Науки дают нам опредмеченное описание мира. Центральной ценностной установкой в них выступает положение о том, что мир можно постичь полностью рационально-теоретически, с помощью конкретно-научных методик. Такое познание мира возможно, пишет Хайдеггер, но оно изначально выявляет лишь отдельные стороны бытия. Это проявляется в понятийном аппарате каждой из наук, отличие которого от других аппаратов как раз и связано с описанием разных предметных областей. Познание такой опредмеченной сущности позволяет говорить о «точности», но точности в рамках предмета. Физика точна *до* выражения физических законов, математика *до* возможности выявления количественных отношений, социология – *до* выделения законов того или иного социума. В философии подобного предела точности существовать не может. Она в принципе «не точна» или её точность иного рода и представляет собой рефлексю и саморефлексю мыслителя над проблемами бытия. Достижение выделенной сущности – это ценностная установка науки, которая принуждает человека подчинить его мышление принципам предметного исследования. В то же время ясно, что понимание мира как такового нельзя ограничить лишь предметным исследованием. В этом случае слишком многое остается «за бортом» постижения бытия, которое богаче его рационально-теоретической интерпретации. Науки, с одной стороны, конструируют локальные картины мира, и даже совокупность таких картин всегда будет неполной и не сущностной характеристикой бытия. В то же время сама возможность сделать объектом исследования всё что-угодно – от мельчайшей пылинки до сознания человека и понимания космоса – поро-

ждает своеобразный научный экстремизм в виде уверенности в том, что наука может познать всё. И тогда предметная локальность интерпретации мира становится условием сциентистского описания бытия. Именно установка познать «что угодно и насколько угодно» вкупе с беспредельностью ее реализации выдают ограниченность науки, не позволяющую ей познать бытие как таковое. Таким образом, утверждает Хайдеггер, бытие средствами науки познать нельзя, его можно постичь с помощью философского мышления (размышления), которое именно в этом смысле, то есть в его отдалённости от предметности, и может выступить как мышление истинное.

Философия мыслит о смысле и сущности бытия, и истина бытия не связана с ее практическим использованием. Это сближает философское мышление с поэзией и словом вообще. «Становление философии представляет собой терминологическое оттачивание значения слов, придания им более определённых значений и превращение, тем самым, в систему философских понятий и категорий»³⁶ [18]. И это во многом определяет личностность философского постижения бытия, ибо человек, оперирующий словами, оттачивающий или придающий им те или иные значения, является существом уникальным. Постигая смысл бытия, философ самоосуществляется в нем. В центре философского размышления лежит диалог как рефлексивный обмен смыслами. Философски мыслящий человек должен не отворачиваться от бытия при помощи предметного ограничения, а напротив, повернуться к нему лицом и слушать его зов, постигать его тайны, которые современный мир науки и техники все больше закрывает от нас. При этом вслушивающегося в «зов бытия» совсем не должен смущать тот факт, что он может ослышаться. Здесь нет готовых истин, а есть лишь постижение смысла. Смысл бытия можно понять, если станет понятным бытие сущего и нас, постигающих смысл бытия. И именно это лежит в основе понимания подлинной сущности человека. Человек представляет собой особую сущность, но определяемую бытием. В противовес утверждению о том, что: «Человек не привратник бытия. Бытие ничего не значит без воображающего понимания человека. Поэтому философия отказывается от бытия в пользу субъективности, заменяя опыт – воображением, идею конечности человека – идеей его невозможности»³⁷ [11], мы считаем, что сущность человека пронизана бытийностью и функция привратника лишь отражает факт открытости бытия для его философского истолкования, позволяющего говорить о бытии «на равных», ибо

³⁵ Там же. – С. 234.

³⁶ Миронов В.В. Философия и слово (или еще раз о специфике философии) // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 20.

³⁷ Гиренок Ф.И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 96.

благодаря наличию разума, сознание человека онтологически может быть приравнено к бытию. Человек является сущим, так ставит вопрос о смысле своего бытия, а ему противостоит бытие как таковое или «здесь-бытие» (Dasein), то есть наличное бытие.

Человек спрашивает о смысле бытия и не может быть редуцирован к объекту, подобному иным объектам. Благодаря метафизической рефлексии мы можем выходить за пределы предметности, точнее, мыслить свободно и без каких-либо ограничений. «Метафизика – это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое и в целом»³⁸ [17]; это «перешагивание за сущее в целом: трансценденция»³⁹ [17]. Она исследует беспредельное, запредельное, надпредметное и т. д. Это некое проявление желания человеческого мышления – выходить за пределы предметного мышления, составляющего суть его экзистенции. «Она не есть ни раздел школьной философии, ни область прихотливых интуиций. Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие»⁴⁰ [17]. Поэтому философию нельзя просто выучить как некий образовательный предмет, в философию можно лишь погрузиться. При этом, в отличие от освоения предметных дисциплин, нет никакой гарантии, что вам это удастся и, опираясь на предшествующее знание, вы сможете завершить такое образование полностью. Философия не относится к типу завершённого знания и «философское мышление каждый раз должно начинаться с самого начала. Каждый человек должен осуществлять его самостоятельно»⁴¹ [19].

В этом смысле философия (уже представляю себе недовольство многих своих коллег, вызванное таким утверждением) не есть наука, подобная другим или стоящая в одном ряду с ними. А если и наука, то иного типа, наука, которая не может строиться по критериям, характерным для частных наук. Говоря так, мы вовсе не отсекаем философию от магистрального пути познания, но выявляем особый тип мышления, в котором истина может быть выражена не только рационально-теоретическим способом, но и, например, эмоционально. Она может быть зафиксирована не только в рамках рационально-теоретического рассуждения, но и поэтическим языком. Так же, как мы принимаем право поэта видеть мир сквозь воспринимаемую им гармонию ритма, которая ему в наибольшей степени доступ-

на, или художника, который улавливает гармонию цвета, философ может улавливать гармонию разума, несводимую к физической или биологической закономерностям. Если же философия конструируется по образцу конкретной науки, то есть заведомо опредмеченного, а значит, ограниченного знания, то философы, отмечает М. Хайдеггер, лишь подражают учёным, и метафизика «становится погоней-за-науками («Hinter-den-Wissenschaften-Herlaufen»), заимствованием сущего в форме предметности, которая закрепляет обычное представление во всех областях и выделяет как культурные сферы»⁴² [20].

Имитация философией науки проявляется, в частности, в её разделении на отдельные дисциплины, что, конечно, может быть удобно для преподавания «школярской», по выражению Канта, философии. Абсолютизация такого понимания происходит, когда философ отказывается обсуждать общие проблемы, мотивируя это тем, что он специалист в какой-то «отдельной» философской дисциплине, с позиции понимания сущности философии «вызывает только отвращение»⁴³ [20]. Философ не может исследовать проблемы этики или эстетики в отрыве от метафизических вопросов: о том, как устроено бытие, каковы возможности и условия его познания, – ибо при таком отрыве это будут лишь частные мнения. Дифференциация дисциплин в философии приводит к серьезным методологическим ошибкам, когда общее фундаментальное решение проблемы подменяется ее дисциплинарной интерпретацией, часть выдается за целое, а сам философ замыкается в узком кругу конкретного философского предмета. В этом случае решение этических или эстетических проблем, становясь специфицированным знанием, теряет свою метафизическую сущность.

Попытки построения философии по научным лекалам могут превратить её в форму идеологии, ибо возникает соблазн выставить отдельную новейшую систему в качестве единственно научной. В науках, как мы отметили, такое происходит, когда последняя по времени теория может считаться более истинной, но там эта проблема снимается неизбежным развитием, а, в конечном счете, преодолением и данной новой теории. В философии, истины которой не сводимы к обоснованиям конкретно-научного плана, в которой важное место занимают ценностные позиции и выводы, происходит абсолютизация такой системы. Так было, например, с диалектическим материализмом. В результате, вполне достойная философская концепция, которая позволяла многое объяснять, в том числе как адекватная система по отношению к наукам, на определённом этапе стала частью идеологии со всеми вытекающими из

³⁸ Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Библина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – С. 39.

³⁹ Там же. – С. 38.

⁴⁰ Там же. – С. 42.

⁴¹ Ясперс К. Введение в философию. – Минск, 2000. – С. 11.

⁴² Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – С. 199.

⁴³ Там же.

этого обстоятельствами. Такая позиция разрушает, может быть, главное представление о сущности философии как незавершённом типе знания, в котором сам фактор завершения, означает смерть философии. Именно завершённая форма философии является удобной почвой для идеологии, как формы «иллюзорного сознания». Философия, в отличие от идеологии, не предлагает окончательных решений, а приобщает к бесконечному и вечному; не даёт успокоения, но всегда приглашает к размышлению. Человек живёт и переживает мир, выносит оценочные суждения, рефлексировать над собственной сущностью. «Философия» никогда не унизится до задачи или претензии на то, что нужно, мол, создать «мировоззрение», а господствующее надо «обосновать» и «сформулировать»⁴⁴ [21]. Философское обоснование мировоззрения – это построение идеологии как системы «политико-мировоззренческих инструментов»⁴⁵ [21]. Такое мировоззрение всегда претендует быть чем-то законченным, тогда как философия – незавершённое знание, а значит, остаётся за пределами «творящего мышления». «Вот почему философия никогда не может быть “мировоззрением”, как и не вправе даже думать о том, чтобы занять его место; ведь философия не может даже определить то или иное мировоззрение как таковое – но должна лишь терпеть то, что ею пользуются – или же ее обделяют. Так называемые теоретические обоснования мировоззрений всегда являются поэтому своеобразной смесью полуфилософии и полунауки»⁴⁶ [21].

Философы, которые ставят задачей формирование у своих учеников мировоззрения, не являются философами в истинном смысле этого слова, а в лучшем случае оказываются «учителями мировоззрения» или «мировоззренческими писателями», для которых философия скорее опасна, чем полезна⁴⁷ [21]. Именно начало использования философии для «фундаментализации» какого-то избранного мировоззрения выступает признаком её идеологичности. «Так называемые теоретические обоснования мировоззрений всегда являются поэтому своеобразной смесью полуфилософии и полунауки. Тут не хватает и серьёзности мышления, и строгости исследования. Оба они заранее замещаются стремлением к непосредственному внедрению «мировоззрения»⁴⁸ [21]. Философия, которая претендует на роль мировоззрения, «открыто или скрытно стремящаяся приобрести политическую

значимость и “мировоззренческое” значение, только *называет* себя “философией” и отделена безднами от того, что это имя скорее скрывает, чем раскрывает»⁴⁹ [21].

Удивительно, грустно и поучительно, что эти размышления Хайдеггера датируются периодом 1934–1935 года – периодом его ректорства, когда в реальной жизни, а не внутри собственных рефлексий он поступал прямо противоположным образом, выступал именно с позиции идеолога, а не философа⁵⁰ [22, 23].

Таким образом, философия, будучи метафизической рефлексией, противостоит как науке, так и идеологии. Но данное противопоставление – это своеобразная дихотомия культуры, в которой противоположные стороны неизбежны и всегда остаются, подразумевая друг друга и в каком-то смысле корректируя абсолютизации в ту или иную сторону дихотомии. «Соперничество философии и “мировоззрения” есть на глубоком уровне их взаимная сплочённость при условии, что оба они не искажают свою сущность извращёнными целеполаганиями»⁵¹ [21]. Иначе говоря, то, что мы называем философским мировоззрением, это не просто соединение двух отношений к миру и сущности, а противоречивое единство философии как проникновения в сущность бытия и разнообразных воззрений на мир. В этом смысле, можно говорить о философском мировоззрении как его наиболее развитой форме, когда разнообразие воззрений упорядочивается на основе постижения сущности.

Метафизика не противоречит задаче понимания сущности человека и решению антропологических задач. Она, напротив, отражает экзистенциальную сущность человека, погружённого в бытие, заброшенного в этот мир, по выражению К. Ясперса. Она – само бытие, преломленное в сознании человека. Таким образом, человек претендует – и, как показывает история, ему это удаётся, – силою своего разума объединить задачу постижения сущего, которое неизмеримо, с масштабом отдельного человека. Отсюда возможные риски и заблуждения, но иного пути просто не существует, и философ не может здесь отгородиться от проблем ссылкой на иную предметную область. Философия – это работа мысли на пределе. «Философия есть приведение в движение метафизики, в которой философия приходит к самой себе и к своим настоящим задачам. А философия приходит в движение только благодаря

⁴⁴ Хайдеггер М. Размышления II–VI (Чёрные тетради 1931–1938). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 326.

⁴⁵ См.: там же. – С. 223.

⁴⁶ Там же. – С. 249.

⁴⁷ Там же. – С. 326.

⁴⁸ Там же. – С. 308.

⁴⁹ Хайдеггер М. Размышления II–VI (Чёрные тетради 1931–1938). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 348.

⁵⁰ Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. – 2016. – № 7. – С. 21–38; Владимир Миронов, Дагмар Миронова. Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью // Логос. – 2018. – Том 28. – № 3. – С. 149–182.

⁵¹ Там же. – С. 326.

своеобразному скачку, в котором наша собственная экзистенция посвящается сущностным возможностям человеческого бытия в целом»⁵² [17].

Таким образом, метафизика представляет собой своеобразный стержень философии, на котором располагаются и от которого не могут полностью оторваться её отдельные дисциплины. «Поскольку метафизика расследует сущее как сущее, она остается при сущем и не обращается к бытию как бытию. Как корень дерева, она посылает все соки и силы в ствол и его ветви. Корень разветвляется в основе и почве, чтобы дерево ради своего роста могло из него подняться и тем самым его оставить. Дерево философии вырастает из корневой почвы метафизики»⁵³ [17]. Философ, который отказывается от метафизичности в своих размышлениях, заведомо обречён на имитацию философского подхода и плетется в хвосте той или иной науки, пытаясь подражать ей, чаще всего на уровне терминологии, которая некритично переносится в философскую сферу. Как правило, для оправдания при этом апеллируют к свободе мышления, свободе философствования. Такое «преодоление метафизики» является лишь внешним и поверхностным. «Пока человек остается разумным существом, animal rationale, он – метафизическое существо, animal metaphysicum. Пока человек понимает себя как разумное существо, метафизика, по слову Канта, принадлежит к природе человека»⁵⁴ [17].

Метафизика исследует человека не только в качестве конкретного существа, но и как своеобразной структуры бытия. А это задает параметры более сложной конструкции онтологии, которую иногда обозначается как «фундаментальная онтология». «Раскрытие бытийной конституции вот-бытия есть онтология. Поскольку в ней должна быть заложена основа возможности метафизики, – фундамент которой суть конечность вот-бытия, – она называется фундаментальной онтологией»⁵⁵ [24]. Онтологическая система всегда есть конструкция или проект. Проектируя, мы постигаем. Но это не просто свободная и анархичная мыслительная конструкция, а та, которая даёт нам понимание бытия. «Каждая фундаментально онтологическая конструкция осуществляет себя в том, что позволяет увидеть её проект, т.е. в том, как она проводит вот-бытие к его открытости и позволяет его внутренней метафизике вот-здесь-быть (da-sein läßt)»⁵⁶ [24]. Такая конструкция как бы обнажа-

ет перед нами внутреннюю сущность бытия. Метафизика позволяет мысли конструировать некий метафизический «перво-факт» и понимать, в чем состоит конечность вот-бытия. «Конечность вот-бытия – понимание бытия – *лежит в забвении*»⁵⁷ [24]. Онтологическая конструкция вырывает из забвения. Поэтому метод такого вырывания – «припоминание» (Wiedererinnerung). Главный (решающий) способ бытия, дающий бытийное понимание человека (вот-бытия) – повседневность. Но это не просто психологическое описание переживаний индивида. Оно важно, но недостаточно. «Экзистенциальная аналитика повседневности не станет описывать, как мы обходимся с ножом и вилкой. Она должна показывать, что и как в основе всякого обхождения с сущим, для которого именно так всё и выглядит, как будто бы дано только лишь сущее, – уже лежит трансценденция вот-бытия – в-мире-бытие»⁵⁸ [24].

Метафизика вот-бытия имеет свою истину, которая всегда сокрыта. Фундаментально-онтологическая аналитика вот-бытия, интерпретируя трансценденцию, признает, что «страх» есть фундаментальная настроенность на понимание бытия. Страх порождает необходимость «заботиться», и это – первая стадия фундаментальной онтологии. Вот-бытие временно, или есть временность, но не в обыденном понимании. Временность – это смысл бытия сущего, это горизонт понимания бытия⁵⁹. Бытие является постижимым только относительно времени, поэтому его нельзя исследовать изолированно от него. Важно выявить бытие во времени – как присутствующее бытие. Поэтому временность – основная проблема фундаментальной онтологии. Ключом к решению её становится экзистенциальная интерпретация совести, долга и смерти. Поэтому «метафизика есть не то, что человеком только «создается» в системах и учениях, но – бытийное понимание, его проект и его отказ, *свершающееся* в вот-бытии как таковом»⁶⁰ [24].

Это заставляет нас корректировать метод онтологии как метод мышления. Поскольку вещи необходимо исследовать сами по себе, то есть как феномены, то одним из таких философских методов выступает феноменология. Феномен – это само себя показывающее бытие, то есть очевидное для нас сущее. Это – прямое понимание предметов, которое, в конечном счете, показывает бытие сущего. Феномен и есть то, что составляет бытие. Поэтому сов-

⁵² Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В.В. Библина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – С. 42.

⁵³ Там же. – С. 47.

⁵⁴ Там же. – С. 48.

⁵⁵ Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. – Минск, 1997. – С. 190.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. – С. 190.

⁵⁸ Там же. – С. 191.

⁵⁹ Хайдеггер М. Двойная задача в разработке вопроса о бытии. Метод и план исследования // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 4. – С. 20.

⁶⁰ Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. – Минск, 1997. – С. 196.

ременная онтология «возможна лишь как предметно-содержательная феноменология»⁶¹. Она решает вопрос о смысле бытия вообще. А феноменология в таком понимании – как истолковывающая феномены бытия – необходимо связана с интерпретацией, то есть одновременно она выступает и как герменевтика, которая разрабатывает условия «возможности каждого онтологического исследования»⁶².

Таким образом, Хайдеггер конструирует синтетическое понимание философии, в центре которой находится метафизическое знание, направленное на исследование бытия и человека, осуществляемое феноменологическими и герменевтическими методами и могущее быть реализовано как экзистенциальная метафизика.

Мысли Хайдеггера приобретают актуальность в связи с взрывным этапом развития наших пред-

ставлений о сознании, становлением глобального коммуникационного пространства и, по сути, возникновением совершенно новых представлений о мире, порожденных развитием виртуального пространства и проникновением во все структуры общества цифровых технологий, которые ошутимо изменяют наше бытие. Встаёт проблема переосмысления многих онтологических проблем, то есть в буквальном смысле «возвращает» нас к изначальным вопросам, которые были поставлены еще Парменидом. Точнее это не возвращение метафизики, ибо, несмотря на регулярно организуемые пышные похороны, она никуда не исчезала из философии, а просто очередной акт признания её необходимости. Метафизика оказывается затребованной именно как предельный способ постижения предельных аспектов бытия, а это связано с наиболее абстрактной и глубокой формой рефлексии, результатом которой становится выработка определенной культуры мышления в исследовании новейших достижений научной мысли.

⁶¹ Хайдеггер М. Двойная задача в разработке вопроса о бытии. Метод и план исследования // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 4. – С. 38.

⁶² Там же. – С. 40.

Литература

1. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Карл Ясперс. Смысл и назначение истории. – М.: «Политиздат», 1991. – С. 28–98.
2. Платон. Апология Сократа // Платон. Избранные диалоги. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. – С. 274–306.
3. Доброхотов А. Л. Возвращение метафизики, или какие действительные успехи сделала метафизика со времён Парменида // Александр Доброхотов. Избранное. «Территория будущего». – М., 2008. – С. 199–214.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб, 1993. – 480 с.
5. Столярова О. Е. Онтологические основания критики метафизики и возвращение метафизики // The Digital Scholar: Лаборатория философа – Ежеквартальный научно-теоретический журнал. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 106–120.
6. Миронов В. В. Оправдание метафизики // Сущность и слово. – М.: «Феноменология-Герменевтика», 2009. – С. 4–33.
7. Миронов В. В. Предметное самоопределение философии // Метафизика. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 7–30.
8. Миронов В. В. Метафизическая сущность и двойственная природа философии // Вестник МГТУ. – 2008. – Том 11. – № 4. – С. 657–675.
9. Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2006. – 448 с.
10. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в шести томах. Том 3. – М.: «Мысль», 1964. – 799 с.
11. Гиренок Ф. И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестник РУДН, серия Философия. – 2013. – № 2. – С. 86–97.
12. Мотрошилова Н. В. Мартин Хайдеггер: пути перетолкования Канта и проблема бытия // Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие-время-любовь. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – 544 с.
13. Гурина М. Философия. – М.: Республика, 1998. – 540 с.
14. Миронов В. В., Сокулер З. А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2018. – № 1. – С. 3–22.
15. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980. – 711 с.
16. Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. – М.: «Территория будущего», 2006. – 440 с.
17. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В. В. Библихина, 2-е изд. – М.: Академический проект, 2013. – 288 с.
18. Миронов В. В. Философия и слово (или еще раз о специфике философии) // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 14–27.

19. Ясперс К. Введение в философию. – Минск: «Пропилей», 2000. – 192 с.
20. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
21. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 584 с.
22. Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. – 2016. – № 7. – С. 21–38.
23. Владимир Миронов, Дагмар Миронова. Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью // Логос. – 2018. – Том 28. – № 3. – С. 149–182.
24. Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. – Минск, 1997. – 199 с.
25. Хайдеггер М. Двойная задача в разработке вопроса о бытии. Метод и план исследования // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 4. – С. 17–42.

References

1. Jaspers, K. (1991) [Origins of history and its purpose]. *Smyslinaznacheniyestorii* [The meaning and purpose of the story]. Moscow. Politizdat, pp. 28–98. (In Russ.)
2. Plato (1965) *Apologiya Sokrata* [Apology of Socrates]. Moscow: Publishing house “Fiction”, pp. 274–306. (In Russ.)
3. Dobrokhotoy, A.L. (2008) *Vozvrashcheniye metafiziki, ili kakiye deystvitel'nyye uspekhi sdelala metafizika so vremem Parmenida* [Return of metaphysics, or what real progress has been made by metaphysics since the times of Parmenides]. Moscow, pp. 199–214. (In Russ.)
4. Hegel, G.V.F. (1993) *Lektsii po istorii filosofii. Knigapervaya*. [Lectures on the history of philosophy. Book One]. Saint Petersburg, 480 p. (In Russ.)
5. Stolyarova, O.E. (2018) [Ontological foundations of the criticism of metaphysics and the return of metaphysics]. *The Digital Scholar: Laboratoriya filosofa – Yezhekvartal'nyy nauchno-teoreticheski yzhurnal* [The Digital Scholar: Laboratory of the Philosopher – Quarterly Scientific Theoretical Journal]. Vol. 1. Issue 2, pp. 106–120. (In Russ.)
6. Mironov, V.V. (2009) [Justification of metaphysics]. *Sushchnost' I slovo* [Essence and the word]. Moscow: “Phenomenology-Hermeneutics”, pp. 4–33. (In Russ.)
7. Mironov, V.V. (2011) [Subject self-determination of philosophy]. *Metafizika. Nauchnyy zhurnal*. [Metaphysics. Science Magazine]. Vol. 1, pp. 7–30. (In Russ.)
8. Mironov, V.V. (2008) [Metaphysical essence and dual nature of philosophy]. *Vestnik MGTU* [Bulletin of MGTU]. Vol. 11. Issue 4, pp. 657–675. (In Russ.)
9. Hofmeister (2006) *Chto znachit myslit' filosofski* [What it means to think philosophically]. St. Petersburg: Publishing House S.-Pb. Unta, 448 p. (In Russ.)
10. Kant (1964) [Critique of Pure Reason]. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 3.* [Works in six volumes. Volume 3]. Moscow: “Thought”, 799 p. (In Russ.)
11. Girenok, F.I. (2013) [Kant, Heidegroupproblemmetaphysics]. *Vestnik RUDN, seriya Filosofiya*. [Bulletin RUDN, series Philosophy]. Vol. 2, pp. 86–97. (In Russ.)
12. Motroshilova, N.V. (2013) [Martin Heidegger: the ways of reinterpreting Kant and the problem of being]. *Martin Khaydeggeri Khanna Arendt: bytiye–vremya–lyubov'* [Martin Heidegger and Hannah Arendt: being-time-love]. Moscow: Academic Project; Gaudeamus, pp. 544. (In Russ.)
13. Gurina, M. (1998) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Republic, 540 p. (In Russ.)
14. Mironov, V.V., Sokuler, Z.A. (2018) [Tosca on True Being in Digital Culture]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow State University. Ser. 7. Philosophy]. Vol. 1, pp. 3–22. (In Russ.)
15. Kant, I. (1980) *Traktaty I pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow: Publishing house “Science”, 711 p. (In Russ.)
16. Dilthey, W. (2006) *Sushchnost' filosofii. Filosofiya v sistematicheskoy izlozhenii* [The essence of philosophy. Philosophy in a systematic presentation]. Moscow: Territory of the Future, 440 p. (In Russ.)
17. Heidegger, M. (2013) What is metaphysics? Moscow: Academic project, 288p. (In Russ.)
18. Mironov, V.V. (2012) [Philosophy and the word (or again about the specifics of philosophy)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. Vol. 1, pp. 14–27. (In Russ.)
19. Jaspers, K. (2000) *Vvedeniye v filosofiyu* [Introduction to philosophy]. “Propiley”, Minsk, 192 p. (In Russ.)
20. Heidegger, M. (2018) *Razmyshleniya VII–XI (Chernyye tetrady 1938–1939)* [Reflections VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar, 528 p. (In Russ.)

21. Heidegger, M. (2016) *Razmyshleniya II–VI (Chernyyetetradi 1931–1938)* [Reflections II–VI (Black Notebooks 1931–1938)]. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar, 584 p. (In Russ.)
22. Mironov, V.V., Mironowa, D.W.G. (2016) [Philosopher and Power: the Case of Heidegger]. *Voprosyfilosofii* [Philosophy Issues]. Vol. 7, pp. 21–38. (In Russ.)
23. Vladimir Mironov, Dagmar Mironowa (2018) EinKnabe, derträumt, or intoxication with power. *Logos*. Vol. 28. Issue 3, pp. 149–182. (In Russ.)
24. Heidegger, M. (1997) Metaphysics of being as a fundamental ontology. *Martin Heidegger and the philosophy of the XX century*. Minsk, 199 p. (In Russ.)
25. Heidegger, M.A (1997) [Double task in the development of the question of being. Method and research plan]. *Vestn. Mosk. Un-that. Ser. 7. Philosophia* [Bulletin of Moscow State University. Ser.7. Philosophy]. Vol. 4, pp. 17–42. (In Russ.)

Информация об авторе:

Владимир Васильевич Миронов, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, **ORCID:** 0000-0003-3818-2068, **Scopus Author ID:** 55635457400, **Researcher ID:** P-3786-2016, **Istina Researcher ID (IRID):** 513990, Москва, Россия
e-mail: vlamironov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2019; принята в печать 08.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vladimir Vasilievich Mironov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, **ORCID:** 0000-0003-3818-2068, **Scopus Author ID:** 55635457400, **Researcher ID:** P-3786-2016, **Istina Researcher ID (IRID):** 513990, Moscow, Russia
e-mail: vlamironov@yandex.ru

The paper was submitted: 11.03.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The author has read and approved the final manuscript.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФА

К. Олимов

Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан
e-mail: olimovk_2007@mail.ru

В.А. Бажанов

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Б.В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: b.markov@spbu.ru

А.М. Максимов

Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Р.Ю. Рахматуллин

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: rafat54@mail.ru

И.А. Беляев

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: igorbelyaev@list.ru

Г.Л. Тульчинский

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
e-mail: gtul@mail.ru

С.Н. Некрасов

Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия
e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

А.И. Столетов

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: aistoletov@gmail.com

***Аннотация.** В рамках круглого стола обсуждалась многомерная проблема самоопределения философа, обладающая весьма высокой актуальностью. К. Олимов, поднимающий вопрос о самоопределении философа, отмечает, что данный процесс разворачивается под влиянием множества внутренних и внешних факторов. Указывая мыслителей, являющихся эталонами достойного самоопределения, он ориентирует философов наших дней на то, чтобы быть объективными исследователями и духовными наставниками своих современников. В.А. Бажанов, размышляя о важности самоопределения для философа, подчеркивает, что оно обретает особую актуальность под влиянием политических факторов. Поднимая проблему востребованности философа и делаясь собственным опытом философской деятельности, он сопоставляет специфические черты советской и постсоветской действительности. Б.В. Марков сосредоточился на актуальных проблемах самоопределения философа. К их числу он относит: особенности связи философии с национальной культурой; кризис метафизики и онтологии, порождающий плюрализм когнитивных практик; трансформации техник философствования, обусловленные существенными изменениями реалий коммуникативной культуры; актуализацию дискурсов критической теории в условиях коммуникативного унижения. А.М. Максимов, рассматривающий философствование как атрибут самоопределения челове-*

ка, пишет о его «обреченности» на смыслосложившиеся размышления вне зависимости от присущего ему культурно-образовательного уровня. Он полагает, что многомерность самого человека и процесса его самоопределения детерминирует сложность, неоднозначность установления гармоничных отношений со своим окружением с сохранением самого себя, своих способностей жить честно, неся в мир истину, добро и справедливость. Р.Ю. Рахматуллин, сфокусировавший внимание на проблеме философской идентичности, связывает ее с предметным полем философии. Контурно очерчивая границы философской идентичности, он предлагает признать ее маркерами общезначимости философских идей, их мировоззренческий статус и критичность. И.А. Беляев, осуществляющий дифференциацию богочеловеческого и человекобожеского в самоопределении философа, подчеркивает, что его рассуждения касаются лишь подлинных мыслителей, посвятивших свою жизнь постижению и обретению смыслов. Обозначая два альтернативных пути самоопределения философа, он характеризует их ключевые особенности. Г.Л. Тульчинский, соотносящий философию с наукой, показывает, что в рамках первой из них конечное существо пытается понять бесконечный мир. Трактую философию как этос и самоопределение, он обращает внимание на ее вне- и надприродность и постулирует пять протекающих отсюда последствий: философия есть свобода выбора; она представляет собой индивидуально неповторимое осмысление действительности; философ обретает возможность понять и судить этот мир, погружаясь в его контекст; философствование исчерпывающим образом постигает смыслы бытия при наличии богатой палитры выразительных возможностей. С.Н. Некрасов исходит из того, что философия есть либо отражение мира, либо его конструирование, либо чтение, синтезирующее в себе первое и второе. В своих рассуждениях он стремится показать, что самоопределение философа – это выбор стратегии чтения, в рамках которого наиболее сложной ему видится операция импутации, то есть отнесение идей устройства мира к их социальным основаниям и классовым интересам. А.И. Столетов в своих размышлениях опирается на представления о том, что сейчас наступила эпоха второго «осевого времени», в связи с чем философия оказалась на грани распада, а ее самоопределение стало возможным в связи с выявлением и преодолением границ. Философ, стремящийся сегодня самоопределиваться, вступает в экзистенциальную коммуникацию, полилог с самим собой, иной личностью, миром и Богом без гарантии осуществления этих процессов.

Ключевые слова: богочеловеческий путь самоопределения философа, востребованность философа, импутация, проблемы самоопределения философа, самоопределение, философ, философская идентичность, философствование, человекобожеский путь самоопределения философа, чтение, экзистенциальная коммуникация.

Для цитирования: Олимов К. Самоопределение философа / К. Олимов, В.А. Бажанов, Б.В. Марков, А.М. Максимов, Р. Ю. Рахматуллин, И.А. Беляев, Г.Л. Тульчинский, С.Н. Некрасов, А.И. Столетов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 98–113. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-98.

SELF-DETERMINATION OF PHILOSOPHER

K. Olimov

Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
e-mail: olimovk_2007@mail.ru

V.A. Bazhanov

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia
e-mail: vbazhanov@yandex.ru

B.V. Markov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: b.markov@spbu.ru

A.M. Maximov

Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

R. Yu. Rakhmatullin

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
e-mail: rafat54@mail.ru

I.A. Belyaev

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: igorbelyaev@list.ru

G.L. Tulchinsky

St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia
e-mail: gtul@mail.ru

S.N. Nekrasov

Ural State Agrarian University, Ekaterinburg, Russia
e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

A.I. Stoletov

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
e-mail: aistoletov@gmail.com

Abstract. *Within the framework of the correspondence round table, the multidimensional problem of the philosopher's self-determination was discussed, which has a very high relevance. K. Olimov, raising the question of the philosopher's self-determination, notes that this process unfolds under the influence of many internal and external factors. Pointing to thinkers who are the standards of worthy self-determination, he orients the philosophers of our day toward being objective researchers and spiritual mentors of his contemporaries. V.A. Bazhanov, reflecting on the importance of self-determination for the philosopher, stresses that it acquires special relevance under the influence of political factors. Raising the problem of the need for a philosopher and sharing his own experience of philosophical activity, he compares the specific features of the Soviet and post-Soviet reality. B.V. Markov focused on the actual problems of self-determination of the philosopher. Among them are: the peculiarities of the connection of philosophy with the national culture; the crisis of metaphysics and ontology, generating pluralism of cognitive practices; transformations of philosophizing techniques caused by significant changes in the realities of communicative culture; Actualization of critical theory discourses in the context of communicative humiliation. A.M. Maksimov, who considers philosophizing as an attribute of a person's self-determination, writes about his "doom" for meaningful life thoughts, regardless of his cultural and educational level. He believes that the multidimensionality of the person himself and the process of his self-determination determines the complexity, ambiguity of establishing harmonious relations with his environment while preserving himself, his abilities to live honestly, bringing truth, goodness and justice into the world. R. Yu. Rakhmatullin, who focused on the problem of philosophical identity, connects it with the subject field of philosophy. Contouring the boundaries of philosophical identity, he proposes to recognize as its markers the validity of philosophical ideas, their ideological status and criticality. I.A. Belyaev, carrying out the differentiation of the divine-human and human-godly in the self-determination of the philosopher, stresses that his reasoning concerns only genuine thinkers who have dedicated their lives to comprehending and finding meanings. Denoting two alternative ways of self-determination of the philosopher, he characterizes their key features. G.L. Tulchinsky, who relates philosophy to science, shows that within the framework of the first of these, the finite being tries to understand the infinite world. In interpreting philosophy as ethos and self-determination, he draws attention to its out-of-nature and supernaturalism and postulates the five consequences that flow from this: philosophy is freedom of choice; it is an individually unique reflection on reality; the philosopher has the opportunity to understand and judge this world, plunging into its context; philosophizing exhaustively comprehends the meanings of being with a rich palette of expressive possibilities. S.N. Nekrasov proceeds from the fact that philosophy is either a reflection of the world, or its construction, or reading, synthesizing the first and second in itself. In his reasoning, he seeks to show that the philosopher's self-determination is the choice of a reading strategy, within the framework of which the operation of imputation is the most difficult for him, that is, attributing the ideas of the structure of the world to their social bases and class interests. A.I. Stoletov, in his reflections, relies on the idea that the era of the second "axial time" has now arrived, in connection with which philosophy has found itself on the verge of collapse, and its self-determination has become possible due to the identification and overcoming of boundaries. A philosopher who strives today for self-determination, enters into existential communication, is a lover with himself, another person, the world and God without the guarantee of the implementation of these processes.*

Keywords: *the divine-human path of the philosopher's self-determination, philosopher's relevance, imputation, philosopher's problems of self-determination, self-determination, philosopher; philosophy, philosophical identity, philosophical ethos, philosophizing, philosopher's self-determination, self-determination, reading, existential communication.*

Cite as: Olimov, K., Bazhanov, V.A., Markov, B.V., Maksimov, A.M., Rakhmatullin, R. Yu., Belyaev, I.A., Tulchinsky, G.L., Nekrasov, S.N., Stoletov, A.I. (2019) [Self-determination of Philosopher]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 98–113. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-98.

Философский круглый стол, материалы которого представлены ниже, был организован по инициативе редакции журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции» как органическое продолжением ранее проведенного круглого стола «Честное философствование» [22]. В круглом столе приняли участие философы из г. Душанбе (Республика Таджикистан), Ульяновска, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Уфы и Екатеринбурга. Подготовленные ими материалы содержат информацию о различных аспектах проблемы самоопределения философа. Темы отдельных рассуждений сформулированы их авторами – участниками круглого стола.

К. Олимов

«К вопросу о самоопределении философа»

Самоопределение каждого человека, в данном случае – философа, есть, прежде всего, определенная позиция по всем важнейшим проблемам бытия. Формирование позиции зависит от ряда факторов, как внешних, так и внутренних, морально-этических, которые дают импульс самоопределению по отношению к тем или иным процессам и явлениям. Анализ истории философской мысли свидетельствует о том, что позиция философа детерминируется конкретно-жизненными ситуациями, его социальным статусом и т.д. Много здесь проистекает из научного, политического интереса, идеологического настроения и личностных качеств исследователя. Можно согласиться с Н.В. Мотрошиловой в том, что «фактически исследовательский процесс с его движением к объективному результату означает формирование и своеобразную мобилизацию личностных качеств ученого, а также создание, использование, приведение в действие целого ряда условий, предпосылок, обстоятельств, механизмов, которые имеют социально-историческую природу» [14, с. 140].

Самоопределение философа существенным образом зависит от глубины его знаний, морально-этических качеств, преданности высоким идеалам науки. Философ призван определить свою позицию, опираясь на научную истину, его интерес должен основываться на гуманистических идеалах и ценностях. Самоопределение связано также с гражданской позицией, с совестью ученого, которая, будучи внутренним механизмом саморегуляции, дает соответствующую оценку поведению, подсказывая философу, совершать или не совершать какое-либо действие. Великие ученые делают открытия потому, что, опираясь на предшествующий опыт, они ставят новые задачи и избирают пути их решения. Мнение Р.Дж. Коллинвуда о том, что по-

становка «вопроса, не имеющего никаких перспектив своего решения, – тяжкий грех в науке» [13, с. 267], в определенное время может быть верным, но не во всех случаях правильным. Многие проблемы были поставлены такими великими философами, как, например, Сократ, И. Кант или Ибн Сина, но не решены ими, постольку соответствующие условия отсутствовали.

Самоопределение также зависит от накопленного опыта и его теоретического осмысления, в результате чего философ может менять свою позицию, выступать за или против какой-то теории, того или иного учения, политического или философского проекта. Изменение отношения к своему предыдущему мнению и его переоценку прежней позиции мы видим у видных философов, в России, например, у А.А. Зиновьева или академика Т.И. Ойзермана.

Так, Зиновьев, став диссидентом, активно выступал против философии марксизма и советского коммунизма, а после ознакомления с западноевропейской и американской действительностью по новому осмыслил ситуацию, став противником горбачевской перестройки и философии либерализма. Ойзерман же, напротив, был верным марксистом. Несколько поколений советских философов читали его фундаментальный труд «Формирование философии марксизма», полагая философское кредо этого мыслителя достойным подражания. Однако в последние годы жизни он стал критически относиться к основополагающим идеям марксизма. Это свидетельствует о том, что на позиции философа отражаются изменения политической конъюнктуры, пропаганда каких-либо учений; в конечном счете многое зависит от осмысления философом своего исследовательского и социального опыта.

На мой взгляд, есть один важный, неоспоримый факт: философ должен быть преданным истине, не поддающимся сиюминутным, заманчивым идеям, чтобы не оказаться в плену ошибочных идеологических и религиозных иллюзий. Примером преданности избранному идеалу служат такие философы, как Сократ, Ибн Сина, Б. Спиноза, Дж. Руми, Л. Фейербах, К. Маркс, А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, Э.В. Ильенков, В.С. Библер, А.М. Богоутдинов и др.

Хочется заметить, что уже некоторые средневековые мыслители мусульманских стран ставили вопрос о совершенствовании и самосовершенствовании человека. Например, такие известные представители суфизма, как Хаким Санаи, Аттор, Дж. Руми, Ибн Араби, А. Джами, Низами, А. Наваи целью своего учения считали совершенствование человека, поднятие его роли в мире. Они проповедовали идеи толерантности, мира, почтения к человеку как

самому ценному творению Бога. Они не были, да и не могли быть атеистами и материалистами, их главная цель состояла в том, чтобы возвысить человека как существо, имеющее божественную природу, и поэтому требовали от правителей не унижать, а уважать его, признавать его достоинство.

Из всего вышесказанного следует, что философ должен быть объективным исследователем и духовным наставником для современников, обладать высокими профессиональными и человеческими качествами, во всех случаях следовать истине и быть гуманистом. Обладая такими духовно-моральными качествами, он может внести свой скромный вклад в общее дело позитивного преобразования мира. Не случайно Г.В.Ф. Гегель, давая оценку позиции Платона, писал, что этот мыслитель: «... проявил величие своего духа в том, что именно тот принцип, вокруг которого вращается отличительная особенность его идеи, и есть та ось, вокруг которой вращалась тогда предстоящее преобразование мира» [8, с. 53].

В.А. Бажанов **«Важна ли операция самоопределения** **для философа?»**

Понятие самоопределения широко используется в политической науке в связи со стремлением некоторых народов к независимости или автономии. Феномен политического самоопределения имеет и философскую составляющую, которая обычно относится к моральной стороне этого процесса [28]. Насколько могут судить, для философии (исключая этику и философию политики) проблема самоопределения находится на периферии рассмотрения [27; 29]. И, тем не менее, иногда эта проблема перед конкретным философом встает во весь рост. Когда возникают такого рода ситуации и относятся ли они к собственно философской деятельности философа?

Полагаю, что наиболее острый характер проблема самоопределения для философа обретает в условиях тоталитарного и/или авторитарного режимов, то есть она имеет отчетливо выраженный политический контекст. Так, в советской философии 1960-1980-х годов фактически были представлены версии уже едва ли не всех ведущих направлений мировой философии – от не- и ортодоксального марксизма до постструктурализма и персонализма [25]. Однако все советские философы были вынуждены официально присягать ортодоксальному марксизму. Марксистские идеи, безусловно, так или иначе проявлялись в их трудах, но открытое «личностное» самоопределение философа, как показывает опыт, в этих условиях было чревато серьезными негативными последствиями.

Вспоминаю эпизод из собственной жизни. В самом начале 1980-х годов я закончил книгу, посвященную проблеме полноты квантовой теории,

и рукопись должна была обсуждаться на кафедре философии Казанского университета. Заведующий кафедрой, «истматчик», защитившийся по специальности «научный коммунизм», человек жесткий, но в целом порядочный, перед обсуждением поинтересовался у рецензентов, не «позитивистский» ли это опус? Они, будучи «диаматчиками», сами уже пострадавшие от «истматчиков» и тем паче от «научных коммунистов», заверили его, что нет. Прошла бы ли кафедру рукопись в противном случае? Смог бы я продолжить свое движение как философ? Боюсь, что вряд ли. Своеобразная мимикрия в данный период была характерна для многих наших коллег, стремившихся сохранить себя в качестве профессиональных философов и внесших заметный вклад в развитие отечественной философской мысли [2].

Ныне в смысле возможностей самоопределения философов иное время. Мало кому есть дело то того, как сейчас «самоопределяется» философ. Возможно, это вызвано тем, что власти сегодня философия (особенно далекая от попыток поиска государственной идеологии) безразлична. Например, я не рискован многим, если причислю себя к условному направлению «постнеокантианцев» и сторонникам биокультурного со-конструктивизма. Сохранится ли эта характеристика лет через сто, если тогда кто-то обратит внимание на мои труды? Сомневаюсь. И вот почему.

Последующим поколениям свойственно пересматривать те характеристики, которые когда-то давались себе активными участниками каких-то событий. Время обнажает детали, не видимые современниками, выносит на поверхность те закономерности, которые не различаются ими.

В конце 1950-х годов ныне высокопочитаемого мыслителя-логики и философа Н.А. Васильева (1880-1940) упрекали в том, что его взгляды «не всегда выдержаны в духе материализма; он испытал влияние кантианства» [20, с. 228]. Это суждение принадлежит крупному историку логики (Н.И. Стяжкин) и одному из ведущих отечественных логиков и философов (В.А. Смирнов). Сейчас такая характеристика показалась бы примитивной. Между тем оценки этих ученых изменялись, в частности, В.А. Смирнов очень много сделал для того, чтобы иначе – уже как новаторские – оценить логические идеи Н.А. Васильева. Лишь консерваторы склонны упорствовать в своих заблуждениях; неконсерваторы же, как правило, пересматривают свои взгляды. Иначе прогресс был бы немислим.

Современники импрессионистов и постимпрессионистов, как ни странно для нас, не замечали единого стиля, характерного для этих направлений. Это стало, однако, очевидным с течением времени.

Поэтому нынешние попытки самоопределения философов как философов могут способствовать

лишь утверждению их сиюминутного статуса. Лишь последующие поколения смогут достаточно четко идентифицировать статус ныне живущих исследователей. Между тем, думается, что гражданское самоопределение наших коллег, которые задумываются о настоящем и будущем России, по-прежнему актуально.

Б.В. Марков

**«Самоопределение философа:
актуальные проблемы»**

Существует несколько проблем, связанных с самоопределением философа, среди которых мне кажутся наиболее важными:

1. Связь философии с национальной культурой и, прежде всего, с вопросом о русской философии. Существует одна универсальная философия, на поле которой трудятся разумные существа или все-таки несколько направлений, выражающих установки того или иного культурного типа (европейского, российского, китайского, арабо-мусульманского, еврейского и др.). Если раньше среди философов преобладали космополитические настроения, то сегодня, напротив, все озабочено поиском корней, причем не обязательно в консервативном призыве к «крови и почве».

2. Другая проблема, связанная с первой и одновременно иницирующая ее, – это кризис метафизики и онтологии как системы абсолютного знания о мире. Он выражается в том, что в наше время попытка нарисовать универсальную картину мира или выразить мировоззрение расценивается в лучшем случае как утопия. Уже разного рода неокантианцы и неогегельянцы занимались не дотройкой незавершенных систем И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, а рефлексией их оснований и предпосылок, сравнением возможностей и границ применения. Во всяком случае, XX столетие в философии характеризуется различными поворотами. Теория познания и методология науки, феноменология, герменевтика, структурализм, философия культуры, аналитическая философия языка и сознания, философская антропология и т. д. – все это разновидности методологии, критической философии, сосредоточенной на анализе концептуального аппарата предшествующих философских систем. Ответ на вопрос о том, является философия XX века творческой или только критико-аналитической, важен для самоопределения современных философов: должны ли они продолжать анализ предпосылок философствования или же обязаны предложить нечто позитивное в форме завершенной системы? Я думаю, что отрицать плюрализм в философии уже невозможно. Подобно искусствоведам и деятелям культуры мы должны смириться с многообразием стилей философствования и осознать их аналитику как творческую работу. Но при этом, конечно, нельзя забывать

о синтезе, который может проявляться в подсоединении различных философских программ с целью разработки эффективных техник анализа и решения наших жизненно важных проблем.

3. Наконец, третья важная проблема – это как раз вопрос о технике философствования. Сегодня уже не книги и лекции, не истина и мораль, а медиа формируют как ментальность, так и телесность людей. На место философов, художников и критиков приходят менеджеры в сфере искусства и культуры. Творить уже некогда, да и не нужно, так как предшественниками все уже сказано и написано. Манипулирование цифрами, диаграммами, рейтингами, финансами становится более важным и более высоко оплачивается, нежели способность создавать сами произведения. Претензии философии на подлинность становятся смешными перед лицом циничных требований экономики и эксцессов массового вкуса.

Поскольку техники философствования сложились в рамках книжной культуры, постольку смена медиумов коммуникации ставит философов перед новой проблемой. В условиях «визуального поворота» нам необходимо разрабатывать техники анализа и концептуализации новых медиа.

4. В связи с этим также следует обращать внимание на трансформацию отчуждения. В условиях коммуникативного унижения дискурсы критической теории оказываются снова актуальными. Люди чувствуют, что их оглуляют масс-медиа и протестуют против медийных технологий. Это и есть то новое, что зреет в наши дни. Протест против финансового капитала и монетаристской политики, уважение к труду, честность, справедливость, ответственность постепенно осознаются как главные достоинства общества. В этом направлении следует протестовать против программ и действий, которые ведут к обнищанию и оглушению народов. Пафос нужен в борьбе не против богатства, а против бедности. Прежние формы протеста заменились разного рода перформансами. Изменение общества происходит в форме «бархатных революций». Имея в виду их разрушительные последствия, философам следует поддерживать новые движения молодежи за здоровый образ жизни, крепкую традиционную семью, за сохранение природной среды и безотходное производство. Все-таки предлагаемые постмодернистами субверсивные действия протеста сегодня уже мало кого вдохновляют. В кризисной ситуации хочется немного человеческого порядка.

А.М. Максимов

**«Философствование как атрибут
самоопределения человека»**

Всякий человек «обречен» на решение проблемы самоопределения вне зависимости от того, на

какой ступени культурно-исторического процесса находится общество, к которому он принадлежит. Решая данную проблему, человек, так или иначе, вынужден философствовать. Даже, проживая свою жизнь в условиях родоплеменных отношений, овеянных мифологическим духом, он совершает выбор, приобщиться ли ему к продиктованным жрецом «вечным» моделям поведения, либо быть наказанным, а, возможно, и лишенным жизни. После того, как осуществляется «прорыв» мифопоэтического сознания, философия начинает играть все более значимую роль в самоопределении человека, становясь, в конце концов, неотъемлемым атрибутом его существования. И сегодня очень трудно найти человека, который, самоопределяясь в этом мире, вне зависимости от личного культурно-образовательного уровня, никогда не задумывался бы о взаимоотношениях с окружающим, не касался бы своих смысловых ориентаций. Он, хотя бы, на краткое время, становится философом.

В то же время хотелось бы обратить внимание на то, что, несмотря на позитивные изменения философской составляющей мировоззрения современного человека, проблема его самоопределения не только не утратила своей остроты и значимости, но и обрела новые аспекты, обусловленные влиянием различных социокультурных факторов.

Решение проблемы во многом осложняется многомерностью человека. В этом легко убедиться, если исследовать его самоопределение, руководствуясь широко распространенной точкой зрения, согласно которой человек реализует себя в четырех измерениях: биологическом, психологическом, социальном и космическом. Не секрет, что каждое из этих измерений является, в свою очередь, многомерным образованием. Сложность решения данной проблемы во многом обусловлена и тем, что самоопределение человека осуществляется в не менее многомерной системе общественных отношений, включающей в себя сферы, регулирующие политическую, социальную, экономическую и духовную жизнь общества, которые представляют собой отнюдь не одномерные образования. А если к этому добавить и возрастные периоды развития человека, являющиеся своего рода переломными моментами его самоопределения, то перед нами возникает очень сложный лабиринт. И, соответственно, перед человеком встает вопрос: сможет ли он пройти этот лабиринт, и окажется ли способен установить гармоничные отношения с окружающим миром, не утратив при этом самого себя?

В психолого-педагогической литературе широко представлены различные возрастные периодизации развития человека и довольно подробно прописаны качественные изменения, возникающие во время переходов от одного периода к другому. Однако, в рамках заявленной темы мы не будем останавли-

ваться на их анализе, а лишь слегка коснемся периодизации, нашедшей отображение в педагогической концепции Л.Н. Толстого и представленной в его трилогии «Детство. Отрочество. Юность». В этом произведении великий русский писатель, повествуя о жизненном пути Николеньки Игнатьева, затрагивает, на наш взгляд, проблему самоопределения человека, обусловленного силой его духа. Да и совокупный опыт человечества свидетельствует о том, что в основе всех цивилизационно-культурных достижений лежали духовные составляющие с приоритетами в различные периоды жизни мифа, религии, науки или философии как исторических типов мировоззрения. Интересующая нас философская составляющая при этом всегда присутствует в самоопределении современного человека или социальной общности вне зависимости от доминирования того или иного типа мировоззрения.

Что же касается лиц, посвятивших себя преподаванию философии, служению ей, то, несмотря на порой возникающие обвинения их во всех бедах человечества, они, как правило, остаются счастливыми людьми. Во многом это обусловлено тем, что специфика профессии предполагает непрерывное духовное самосовершенствование. Данная интенция имеет место и поныне, хотя преподаватели вузов страны переживают не лучшие времена: зачастую у них низкая заработная плата, высокая учебная нагрузка, несметное количество рабочих программ, которые нужно постоянно перерабатывать и многое другое, что значительно осложняет их духовный рост.

Несомненно положительной стороной учебного процесса является тот факт, что философия преподается во всех высших учебных заведениях и позволяет молодым людям прикоснуться к миру глубоких духовных сущностей, так или иначе влияющих на их самоопределение. А многомерный мир идей, представленных в различных философских учениях, течениях и направлениях, является той духовной основой, позволяющей, как справедливо отмечает С.Н. Некрасов, выбрать ту философию, которая им нужна [15]. Данный выбор должен помочь студенческой молодежи самоопределиваться в этом мире, научиться жить честно, нести истину, добро и справедливость.

Р.Ю. Рахматуллин

«О маркерах философской идентичности»

Современные философы изучают политическую, религиозную, этническую и другие идентичности, но как-то мало интересуются вопросом, кого же можно назвать философом. Например, в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU не удалось обнаружить ни одной статьи по философской идентичности. На самом деле, кто есть философ? Ответить на этот вопрос, казалось бы, несложно:

философ – человек, профессионально занимающийся философией. Или даже более широко: философ – человек, склонный к философствованию. Но всякий, немного знакомый с логическими нормами определения, заметит, что подобные дефиниции тавтологичны: в определяемом и определяющем понятиях нельзя пользоваться одним и тем же понятием. Может быть, нужно исходить из самоидентификации человека: если он считает себя членом множества под названием «философы», тогда он есть философ? Но всякий ли, считающий себя великим целителем, таковым является? Я знал человека, который регулярно посещал семинар по онтологии в Башкирском государственном университете, задавал примитивные вопросы каждому докладчику, сидел в читальном зале университета со стопкой книг по философии, но его философская подготовка не превышала уровень знаний студента-троечника. Тем не менее, он считал себя философом. Он – философ?

При определении философской идентичности можно, конечно, исходить из формального признака – если в дипломе об образовании человека написано «философ», то он философ. А если в дипломе об образовании написано «физик», как, к примеру, у основателя философского факультета Уральского университета и его первого декана М.Н. Руткевича? А бывает и так, что имеющий диплом философа занимается делами, далекими от философии. Так, сын моего друга, известного философа окончил философский факультет, аспирантуру по философии, но не стал защищать диссертацию и ушел в журналистику, которой успешно занимается и сейчас. Более того, существуют люди, имеющие даже степень доктора философских наук (например, В.В. Жириновский, Г.А. Зюганов), но не являющиеся философиями.

Думается, вопрос о самоидентичности философа тесно связан с пониманием предмета философии. Но здесь нас ожидают еще более сложные проблемы. Дело в том, что философия существует как множество философий. К такому пониманию философии, высказанному Г. Мартином, пришел на склоне лет и Т.И. Ойзерман [17]. Например, Ф. Энгельс считал главным делом философа исследование наиболее общих вопросов развития природы, общества и познания. Но в этом случае даже И Канта и Г.В.Ф. Гегеля нельзя считать полноценными философиями: первый сводил философию к эпистемологическому конструктивизму, отказываясь от решения натурфилософских проблем, а второй считал ее главной задачей исследование саморазвития несуществующей (с точки зрения классиков марксизма) Абсолютной идеи. И можно только догадаться, какими ругательными словами обзывал бы В.И. Ленин философию П. Фейерабенда или Ж. Дерриды!

Тем не менее, можно хотя бы контурно очертить границы философской идентичности. Первое, что бросается в глаза при знакомстве взглядов различ-

ных мыслителей на предмет философии, это то, что многие особо выделяют такую особенность философского знания, как его *всеобщезначимый характер*. Общезначимость философских идей заключается в том, что они актуальны независимо от времени: взгляды Платона ныне не менее актуальны, чем эпистемология Т. Куна или К. Поппера. Направленность философии на генезис и развитие общезначимых идей во многом вытекает из того, что она стремится к максимальному обобщению достижений духовной культуры. Поэтому она есть и мета-физика, и мета-религия, и мета-искусство, и мета-логика, и мета-право, и мета-лингвистика и т. д. Размышляя над проблемами этих сфер, философ пытается дойти до первопричины, общего основания. В одном случае таковой оказывается вода (Фалес), в другом – идея-эйдос (Платон), в третьем – априорные формы чувственности и рассудка (Кант).

Из общезначимости философских идей вытекает их *мировоззренческий статус*. Мировоззрение можно охарактеризовать как совокупность убеждений человека. Философские убеждения составляют сердцевину его мировоззрения, с их сменой меняются и политические, и научные, и религиозные, и нравственные взгляды личности. Кардинальное изменение философских взглядов человека можно рассматривать как смену его личности.

Важным маркером философской идентичности является *критичность*. Р. Декарт считал важнейшим качеством успешного философствования приверженность к сомнению. Например, сомнение в объективности знания привели к появлению большого количества новых философских учений, от античного скептицизма до радикального конструктивизма.

Многие философы в качестве маркера философской идентичности указывают на ее *научность*. Например, Т.И. Ойзерман считал научность важнейшим атрибутом философского знания. Но еще в конце 1980-х годов А.Л. Никифоров выступил с заявлением, что философия не наука [16]. Кто прав? Думается, что нужно исходить из того, о какой философии идет речь. Если это аналитическая философия, то она, конечно же, научна. Но работы С. Кьеркегора или А. Камю, в которых главным средством передачи смысла являются художественно-образные средства, научными никак не назовешь. Поэтому к философии в целом, как к совокупности *разных* философских учений, маркер научности не подходит [21].

И.А. Беляев

«Богочеловеческое и человекобожеское в самоопределении философа»

Речь пойдет о подлинных мыслителях, философах-исследователях, в число которых входят только те, «кто любит усматривать истину» [18, с. 255], кто посвятил себя постижению и обретению смыслов,

выдвижению новых идей и обоснованию их права на существование. Тех же, кто заполнил свою память большим количеством сведений из истории философской мысли и добросовестно транслирует их в процессе преподавательской деятельности (замечу, что в наши дни в позитивной социальной значимости практики профессиональной самореализации такого рода особо сомневаться не приходится), а в отчетах о «научной работе» указывает свои статьи с названиями типа «Философ X о проблеме Y», последующие рассуждения не касаются.

«Я знаю только то, что ничего не знаю» [19, с. 693], «Гордость людей низких состоит в том, чтобы постоянно говорить о самом себе, людей же высоких – чтобы вовсе о себе не говорить» [1]... Подлинным мыслителям, являющимся нашими современниками, хорошо известны эти и другие подобные афоризмы мудрецов разных времен и народов, задающие основные параметры философского мироотношения. И они, подобно своим выдающимся предшественникам, относятся к себе и всем остальным «должным образом», никому, по возможности, не раскрывая некоторые существенные детали своего представления о том, «кто есть кто». Исключение здесь, конечно же, встречаются, но крайне редко...

Поиск истины, осуществляемый философом, являет собой нескончаемую череду творческих актов, требующих предельного напряжения духовных сил и, при достижении искомого результата, приносящих удовлетворение совершенным, радость от подтверждения собственной интеллектуальной незаурядности, а иногда – и ощущение счастья. В этом, скорее всего, едины все те, кто действительно имеет право называться философом-исследователем. Причем, с одной стороны, самоопределение каждого из них и при «усмотрении истины», и в подавляющем большинстве иных жизненных ситуаций несет на себе печать индивидуальности, хотя, с другой стороны, вариативность ключевых характеристик данного процесса невелика.

Рискну заявить, что философы-исследователи, при всем многообразии присущих им теоретических и методологических ориентаций и иных профессионально важных признаков, в своем самоопределении с высокой степенью вероятности могут пойти по одному из двух возможных путей его осуществления. Первый из путей допустимо именовать богочеловеческим, второй – человекобожеским. Основания выбора именно этих наименований явились общеизвестные теоцентрические представления о божественном творце и о человеке как его сотворце, приближающемуся к богоподобию посредством созидания нового. Кроме того, был учтен опыт использования соответствующих и близких им терминов в религиозной философии [5; 6 и др.] и классической литературе [10; 11 и др.].

Стоит уточнить, что в процессе самоопределения философствующего индивида, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств, в той или иной степени присутствует и богочеловеческое и человекобожеское содержание. Соответственно между вариантами однозначного доминирования в нем богочеловеческого или же человекобожеского обнаруживается множество промежуточных вариантов. Однако, надо полагать, едва ли не во всех конкретных ситуациях этот процесс будет характеризоваться тяготением к одному из альтернативных путей своего осуществления. Поэтому далее при рассмотрении обсуждаемого процесса внимание фокусируется на его идеальных типах.

Специфика мироотношения философа, в самоопределении которого доминирует богочеловеческое содержание, состоит в гордости, то есть концентрированном чувстве собственного достоинства, тесно сопряженным с упоительным ощущением приобщенности к мудрости и предчувствием новых открытий.

Философ, избравший богочеловеческий путь самоопределения, гордится собственным интеллектуально-творческим потенциалом, уровень которого позволяет обращаться к нерешенным проблемам едва ли не любой сложности и продуктивно вести их разработку. Этот философ видит в себе и своих коллегах исследователей, отдающих все имеющиеся силы поиску истины. К его характерным чертам следует отнести осторожность, сдержанность, деликатность при оценивании как себя, так и всякого иного философа. Уважая себя, он уважает других. Стараясь как можно надежнее укорениться в среде себе подобных, он проявляет интеллектуальное смирение, деятельное признание права каждого мыслящего индивида на самостоятельность в познании мира, человека и соотношения между ними. Вместе с тем ему свойственна и интеллектуальная открытость, выражающаяся, в частности, в стремлении понять других и оказать посильную помощь всем тем, кто в ней действительно нуждается.

Атрибутом мироотношения философа, в своем самоопределении идущего по богочеловеческому пути, является гордыня. Своим основным содержательным наполнением – чувством собственного достоинства – и его внешними проявлениями гордыня похожа на гордость, но, по сути, они различны. Если гордость – это чувство, базирующееся исключительно на объективных основаниях, то гордыня представляет собой чувство, основания которого в чем-либо иллюзорны, а оно само при этом доведено до непомерной степени и сопряжено с эгоцентризмом.

Движимому гордыней человекобожески самоопределяющемуся философу свойственно непреходящее чувство обладания мудростью, порождающее самодовольство, самоуспокоенность и интеллек-

туальную заносчивость. Также у него отсутствует интерес к чужим идеям, которые, как он априори полагает, либо банальны, либо несостоятельны. К себе как познающему субъекту он относится восторженно, трепетно, к другим – снисходительно, порой сочувственно. В его мироотношении сочетаются склонности к интеллектуальной сегрегации окружающих и к самовозвышению, более или менее явственно осознаваемому «построению пьедестала самому себе».

Г.Л. Тульчинский

«Философия как этос и самоопределение»

Сами философы упорно расценивают свое занятие как отрасль знания, а то и науки. По крайней мере, защищают диссертации на соискание ученых степеней кандидата, а то и доктора наук, получают научные звания доцентов и профессоров, почетные звания «деятелей науки». Между тем общеизвестно, что по мере формирования науки, все большей специализации научных дисциплин, нарастали напряжения в отношениях науки и философии. Между ними сложились взаимно-подозрительные, если не взаимно-ревнивые отношения. То философия, вспоминая о былом «матери всех наук», «науки наук», начинала поучать свое любимое, но своенравное чадо, то пыталась сама принять вид науки, вызывая этими попытками придать себе статус научности и даже науки наук небезосновательный скепсис и иронию научной общественности. Но и наука постоянно демонстрирует своеобразный «эдипов комплекс», вновь и вновь низвергая философию, получая на развалинах ее варианты, причем не всегда лучшие.

Ситуация приобретает особенно причудливый характер при сравнении философского этоса с научным, который суть свод правил совместной деятельности, таких, как объективность, проверка экспериментом, математическим расчетом. Вне таких принципов научная коммуникация и аргументация утрачивают всякий смысл. Философские взгляды с трудом поддаются классификациям и систематизациям – в лучшем случае, по эпохам и культурно-этническим факторам. Очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга – ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Но, будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия – как осмысление мира, человека и его места в мире – связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов: какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности? что такое человек? что происходит в момент смерти? почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. В своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще. Но смысл слова уясняется из контекста предложения. Смысл предложения – из контекста текста. Аналогично философское осмысление – выход в контекст этого мира и этой жизни. Философы – «не от мира сего». Из этого следует, что философия, в принципе не является и не может быть наукой в смысле science, где предметы можно увидеть, потрогать пальцем, изучить с помощью специальных приборов. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой? Его первопричину?

Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-первых, будучи предельным осмыслением, философия есть свобода выбора «точки вневходимости» как позиции для осмысления, индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Зачастую эта индивидуально неповторимая позиция приходит в резкое столкновение с общепринятыми нормами, а то и сознательно им противопоставляется. Поэтому архетипичной фигурой философа на все времена стал Сократ, вынужденный по решению суда выпить яд, а для отечественной философии – П.Я. Чаадаев, высочайшим повелением объявленный умалишенным.

Во-вторых, в силу реализации, поиска, нахождения и утверждения человеком самого себя – конечного существа – в бесконечном мире, философия оказывается индивидуально неповторимым осмыслением действительности. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание – всякая философия, так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни – обстоятельство очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

В-третьих, осмысление мира в целом, на которое претендует философ, выводит его в контекст этого мира. Поэтому философ – личность не от мира сего, занимающая позицию вне этого мира и только так получающая возможность понять и судить этот мир. Следствием чего и является своеобразное отношение к философам и философии. С одной стороны, они – что-то вроде юродивых, блаженных не от мира сего. А с другой – вечно виноватые. Не важно, что их никто никогда не слушал – если что-то в жизни идет не так, то виноватыми в этом оказываются прежде всего именно философы, «учителя жизни», которые, оказывается, учили не тому и не так.

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философство-

вание как самоопределение, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это – в-четвертых. Сколь бы не стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии» – как говорил М.М. Бахтин [4]. И философия – не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Как всякое рациональное осмысление, она есть позднейшая рационализация пройденного пути, объясняет смысл ситуации, в которой находится субъект – не более. Но и не менее.

И, в-пятых, в силу всего предыдущего, философствование должно располагать и располагает богатой палитрой выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Спектр способов философствования широк: паремии и афоризмы, притчи и басни, повести и романы, логически выстроенные системы. Но общее требование к ним с точки зрения философского этоса – претензии на исчерпывающее осмысление.

Извне, с позиции непосвященного, философствование иногда выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле, как универсальное, предельное самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным – как само это бытие – способом реализации свободы самоопределения.

С.Н. Некрасов **«Самоопределение философии:** **чтение и импутация»**

Философ всегда самоопределяется, тем самым его философия ставится в позицию либо отражения мира, либо конструирования мира, либо чтения как синтеза отражения и конструирования. Когда я в 1969 г. как первокурсник пришел на первую лекцию по диалектическому материализму, наш лектор, декан философского факультета УрГУ профессор М.Н. Руткевич заявил: за окном существует объективная реальность, а в нашей голове – субъективная, которая отображает объективную в понятиях и образах. Ничего кроме этого содержания он нам не сможет сообщить ни в дважды изданном фундаментальном учебнике, ни во всей уникальной и тщательно построенной им пятилетней программе подготовки философов. В том же семестре профессор издал книгу по ленинской теории отражения. Тогда мне казалось, что теория отражения, как и единство мира заключается в его материальности и, что оно, говоря словами классика, доказывается путем долгого и медленного развития философии и естествознания, но по прошествии полувека вы-

яснилось, что эта теория во многом строится на амбивалентном марковом образе переворачивания – процесса, экспериментально подтвержденного физиологами как экспонирования изображения на сетчатке глаза. Сама философия переворачивания строится на основе фейербахианской концепции религии как отчужденной рефлексии реальности и объясняет модель превращения и идеологического искажения.

В христианстве, учил Л. Фейербах, субъект и предикат перевернуты, а в реальности человеческие существа являются субъектами, которые проецируют на божества свои собственные атрибуты, свои человеческие предикаты, причем божество всегда воспринимается как субъект, предикатами которого являются индивиды. Эта модель инверсии включает обмен между субъектом и предикатом, что завершается построением божественного субъекта, имеющего человеческие предикаты для людей. Следуя за Фейербахом, К. Маркс ставит вещи с головы на ноги и полагает, что религия является парадигмой превращенного отражения реальности. Образ переворачивания лежит в основе марксовской концепции идеологии и распространяется на всю сферу идеологических конструкций. Такая негативная концепция идеологии понимает ее как устройство превращения реальной жизни. И главная оппозиция у молодого Маркса здесь – не между наукой и идеологией, но между реальностью и идеологией. А, как известно в духе модели О. Конта, идеология как превращенное отражение проходит три стадии развития: теологическую, философскую и позитивную научную.

Концепция идеологии подстерегает каждого самоопределяющегося философа: в теориях социального познания как отражения и феномен идеологии непрерывно расширяется, захватывая вслед за религией, немецкий идеализм, затем всю донаучную общественную мысль, позитивистскую социологию и философию, гуманистические концепции индивида. В результате все сознание и бессознательное становится идеологическим, что не соответствует ни замыслу Маркса, ни реальности, ни проекту З. Фрейда. То же случается и в постструктурализме – все превращается в дискурс и в идеологию, а наука оказывается узким сектором специфического дискурсивного построения знания, ориентированного на истину.

Теперь к утверждению Руткевича полувековой давности можно добавить, что более базовой является внутренняя связь между двумя функциями философии и идеологии – изображением и искажением. В этой связи могут быть и отражение, и конструирование, и чтение. Эти функции проявляются при авторском самоопределении, когда в работе автора выясняется, кто он: ученый, конструктор или творец новой и более человеческой реальности.

Существует другая традиция самоопределения как познания – чтение. Не столь давно мне удалось обнаружить в марксизме важную попытку чтения семиотических систем, принадлежащую молодому Ф. Энгельсу [24]. Эта попытка до сих пор не описывалась – она просто не замечалась, поскольку отсутствовало представление о возможности существования в XIX в. проблематики понимания социальных систем как семиотических систем. Речь идет о чтении Энгельсом прекрасно знакомого ему по известным обстоятельствам жизни Манчестера.

В читаемой Энгельсом системе имеется надстроечное и базисное образование, используется эпистемологическая модель истины, скрытой подобно сущности за внешним проявлением, и все же представленной на поверхности в отчужденной вторичной форме. Целый город является семиотической системой: разделение между кварталами рабочего класса и районами высшей и средней буржуазии оказывается чертой, разделяющей подавленное означаемое и господствующее означающее, а их отношение оказывается отношением ложной репрезентации. Но это деление выступает, все же, как деление двух блоков означающих (в которых один относится к целому, а другой репрессирован), ибо рабочие кварталы не являются ни глубинной структурой, ни истиной города, рождающей поверхностные явления структуры.

Два типа кварталов – лишь части семиотической системы, которая невидима для «глаз и нервов буржуазии». «Чтение ногами» города вписывает индивида (Энгельса как читателя) в систему в соответствии с тремя возможными позициями: буржуазный читатель, утверждаемый городом как универсальный субъект; пролетарский читатель (не субъект); теоретический читатель, производящий структурное чтение отношения между частями системы и относящий систему к известной ему детерминирующей системе классовых отношений. Позиции чтения семиотических систем не возложены заранее на индивидов (они потенциальны), а позиция теоретического чтения не является фиксированной классовой позицией – она может быть использована как в революционной практике, так и против нее. Иначе говоря, выбор стратегии чтения и есть самоопределение.

Чтение систем не так просто, как может показаться, и анализ Энгельса включает основные материалы и моменты эмпирицистского чтения: отношение между поверхностным и скрытым, видимым и невидимым, волей и случаем. Углубляясь, отметим, что объективно возникают две научные, а значит, философские стратегии чтения: стратегия интерпретирующая (третья позиция Энгельса) и стратегия читающая сами детерминанты чтения, то есть выявляющая классовые интересы. Чтение этих интересов предполагает самую сложную мы-

слительную и идентифицирующую операцию самоопределения философа – операцию импутации, то есть отнесения идей и того или иного устройства мира к их социальным основаниям и классовым интересам. Отсюда и две концепции самоопределения. Концепция, производимая второй стратегией, касается не выражения в мыслях классовой позиции, но результатов выявления системы означения. Казалось бы, различие двух стратегий следует отнести к конфликтующим эпистемологическим посылкам, однако на самом деле речь идет о различии онтологий, то есть самой реальности.

Социальность не сводится к симулякрам, а представляет такую чувственно-сверхчувственную реальность, которую и предстоит читать философам в процессе их самоопределения в диапазоне восприятия и понимания всего «слишком человеческого» и «нечеловеческого».

А.И. Столетов

«Самоопределение философии в эпоху второго «осевого времени»

Размышляя о проблеме самоопределения философа или самоопределении философии, нельзя не вспомнить, что вся история философии представляет собой попытку самоопределения, и трудно найти философа, который не предлагал бы свое понимание философии и философствования. Уже в самом начале можно было бы пойти по наиболее простому пути и сформулировать определение философа как человека, использующего мышление с целью самоопределиться, а философию как поиск границ философского поля. И хотя бывает, что простые решения и ответы далеко не самые худшие, не будем останавливаться на этих определениях, а попробуем зайти несколько дальше.

Возможно, кое-что нам поможет прояснить происхождение философского сознания, его «генетическая память». Философское мышление, начавшееся с удивления (это заметил еще Аристотель) от того, что мир не таков, каким его рисовал миф, в переломную для культуры эпоху «осевого времени», если применять термин, предложенный К. Ясперсом, попыталось заполнить пробелы, заштопать дыры, возникающие в результате распада мифа. Другими нитями, которое человечество «изобрело» для этого, были наука и монотеистическая религия. И сегодня, спустя две с половиной тысячи лет, мы видим, что по отдельности они оказались не в состоянии справиться с задачей, мир «расползается». Мы оказались в ситуации нового «осевого времени». Философия ощущается более не нужной на фоне успехов научного знания. Как заметил С. Хокинг, один из самых популярных физиков современности, философия связана с постановкой фундаментальных проблем мироздания, природы реальности и человека, «но сейчас она мертва. Она

не поспевает за современным развитием науки, особенно физики. Теперь исследователи, а не философы держат в своих руках факел, освещающий наш путь к познанию» [23, с. 9]. И в этом утверждении есть некоторая доля истины. Что же остается философии в ситуации, когда в современной культуре все так переплелось, что философское мышление обращается к научному знанию, научное мышление посягает на традиционно философские области и проблематику, границы отодвигаются и размываются, а логос, родившийся на развалинах мифа, разрушаясь, порождает симулякр?

То, что философия зародилась в пограничной для культуры ситуации и оказалась на грани распада в наши дни, показывает, что ее самоопределение сегодня может быть связано с пограничностью, поиском границы и выходом за ее пределы. Ф.И. Гиренок, например, полагает, что философа сегодня должны интересовать не основания существующего, а пределы возможного. И поскольку на пределе качество меняется, то в пространстве предела мышление приобретает не понятийный, а парадоксальный характер [9]. Так, разум, всегда лежавший в основании философии, обнаруживает сегодня свою «темную сторону», превращаясь из блага в источник чудовищной опасности. Да и само прежнее понимание разума и его границ оказываются под вопросом во многом благодаря самому разуму [7; 12]. Если, по меткому замечанию Р. Барта, смертью автора приходится оплачивать рождение читателя [3], а смертью текста – рождение гипертекста, мы выходим к вопросу о том, рождение чего оплачивает «смерть разума», вступающего в противоречие с мышлением. Эту трагедию разума можно уподобить сизифовой невозможности закатить камень на вершину горы, особенно, если вершина горы все время отодвигается.

Экзистенциальное напряжение нового «осевого времени», исход которого пока не прояснен, возможно, наилучшим образом описывает характерное для современного философа состояние самоопределения как открытость экзистенциальной комму-

никации в том ее понимании, как это присутствует, например, у Ясперса [26]. Представляется важным, что эта открытость парадоксально сочетает в себе как разумный характер устремления к истине, так и эмоциональный характер переживания и сопереживания бытия и события. Такое сочетание придает философскому мышлению необходимый импульс, динамику трансценденции, выталкивающей философа к пределам возможного, где только и обретается экзистенциальная коммуникация, полилог с самим собой, другой личностью, миром и Богом.

Поэтому, говоря о проблеме самоопределения философа и философии, можно сказать, что философ – это тот, кто сегодня, достигая пространства предела (или фактически обнуляя себя), оплачивает этой «смертью» негарантированное рождение экзистенциальной коммуникации. А философия представляет собой попытку выразить то, что выразить невозможно и осуществить то, что парадоксально кажется неосуществимым – экзистенциальную коммуникацию. И этим философия отличается от науки, которая не воспринимает экзистенциальной коммуникации; от религии, которая не нуждается в ее выражении.

Исследователи, принявшие участие в обсуждении проблемы самоопределения философа, представили результаты своих размышлений, внешние различия между которыми вполне очевидны. Не менее очевидным является и глубокая внутренняя связь идей, содержащихся в авторских материалах. Эти идеи перекликаются между собой, порождая в сознании компетентного читателя картину самоопределения философа, сочетающую в себе как общие черты этого процесса, так и уникальные, что обусловлено влиянием самых различных факторов. Совокупное содержание материалов круглого стола, как полагают его участники, представляет собой один из множества шагов, которые стоит совершить философскому сообществу, стремящемуся к осознанному осуществлению самоопределения.

Литература

1. Афоризмы Вольтера [Электронный ресурс] / Афоризмы на все случаи жизни. – Режим доступа: <http://пишем.рф/author/Volter/?curPos=260> 18.11.2018 (дата обращения: 18.11.2018).
2. Бажанов В. А. Постсоветский марксизм в советскую эпоху: деятельностный подход к анализу науки / В. А. Бажанов // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2018. – № 3. – С. 137–152.
3. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 384–391.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов / М. М. Бахтин. – М.: Изд-во «Русские словари»; Изд-во «Языки славянской культуры», 2003. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – С. 7–68.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Харьков: «Фолио»; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 15–334.
6. Булгаков С. Н. Религия человекобожия у русской интеллигенции // Булгаков С. Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 248–299.

7. Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Ф. де Вааль. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. – 404 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 526 с.
9. Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе / Ф. И. Гиренок. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. – 235 с.
10. Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в трех частях // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1974. – Т. 10. – 519 с.
11. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14. – 511 с.
12. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – Киев: «София»; М.: ИД «София», 2003. – 336 с.
13. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
14. Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма / Н. В. Мотрошилова. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
15. Некрасов С. Н. Какая философия нам нужна / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Издательство УрГ-СХА, Уральское изд-во, 2009. – 540 с.
16. Никифоров А. Л. Является ли философия наукой? / А. Л. Никифоров // Философские науки. – 1989. – № 6. – С. 52–62.
17. Ойзерман Т. И. Размышления. Изречения / Т. И. Ойзерман. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 216 с.
18. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79–420.
19. Примечания // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 682–842.
20. Смирнов В. Васильев Н. А. / В. Смирнов, Н. Стяжкин // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. – 1960. – Т. 1. – С. 228.
21. Рахматуллин Р. Ю. Философия в бакалавриате: приглашение к дискуссии / Р. Ю. Рахматуллин // Профессиональное образование в современном мире. – 2013. – № 3 (10). – С. 28–34.
22. Тульчинский Г. Л. Честное философствование / Г. Л. Тульчинский, В. В. Миронов, Б. В. Марков, Р. Ю. Рахматуллин, А. М. Максимов, В. А. Бажанов, И. А. Беляев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 12. – С. 68–76.
23. Хокинг С. Высший замысел / С. Хокинг, Л. Млодинов. – СПб. Амфора, 2013. – 208 с.
24. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 2. – С. 231–517.
25. Эпштейн М. Об основных конфигурациях советской мысли в постсталинскую эпоху / М. Эпштейн // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Под ред. В. А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 73–89.
26. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / К. Ясперс. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 448 с.
27. Macioce, F. What Can We Do? A Philosophical Analysis of Individual Self-Determination / F. Macioce. // Eidos. – 2012. – Issue 16. – pp. 100–129.
28. Margalit, A. National Self-Determination / A. Margalit, J. Raz // The Journal of Philosophy. – 1990. – Vol. LXXXVII. – pp. 439–461.
29. Pink, Th. Action and Self-Determination / Th. Pink // Intellectica. – 2003. – Vol. 36 – 37. – pp. 247–259.

Reference

1. *Aforizmy Vol'tera* [Voltaire Aphorisms]. Available at: <http://pishhem.rf/author/Volter/?> CurPos = 26018.11.2018 (accessed 11.18.2018) (In Russ.)
2. Bazhanov, V.A. (2018) [Post-Soviet Marxism in the Soviet era: an activity approach to the analysis of science]. *Epistemology & Philosophy of Science* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 3, pp. 137–152. (In Russ.)
3. Bart, R. (1994) *Smert' avtora* [Death of the author]. Moscow: Publishing group «Progress», «Univers», pp. 384–391.
4. Bakhtin, M.M. (2003) *K filosofii postupka* [To the philosophy of action]. Moscow: Publishing house «Russian dictionaries»; Publishing house «Languages of Slavic culture», pp. 7–68.
5. Berdyayev, N.A. (2002) *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of justifying a person]. Kharkov: «Folio»; Moscow: LLC Publishing House AST, pp. 15–334.
6. Bulgakov, S.N. (1997) *Religiya chelovekobozhiya u russkoy intelligentsii* [Religion of man-worship in the Russian intelligentsia]. Saint Petersburg: RHGI, pp. 248–299.

7. Baal, F. de. (2016) *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zivotnykh?* [Are we smart enough to judge the mind of animals?]. Moscow: Alpina Non-fiction, 404 p.
8. Hegel, G.V.F. (2010) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Thought, 526 p.
9. Girenok, F.I. (2010) *Udovol'stviye myslit' inache* [Pleasure to think differently]. Moscow: Academic project; The World Foundation, 235 p.
10. Dostoevsky, F.M. (1974) *Besy: Roman v trekh chastyakh* [Demons: A novel in three parts]. Leningrad: Science, Vol. 10, 519 p.
11. Dostoevsky, F.M. (1976) *Brat'ya Karamazovy: Roman v chetyrekh chastyakh s epilogom* [The Karamazov Brothers: A novel in four parts with an epilogue]. Leningrad: Science, Vol. 14, 511 p.
12. Capra, F. (2003) *Pautina zhizni. Novoye nauchnoye ponimaniye zhyvykh sistem* [Web of life. New scientific understanding of living systems]. Kiev: «Sofia»; Moscow: PH «Sophia», 336 p.
13. Collingwood, R.J. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of the story. Autobiography]. Moscow: Science, 485 p.
14. Motroshilova, N.V. (1976) *Nauka i uchenyye v usloviyakh sovremennogo kapitalizma* [Science and scientists in the conditions of modern capitalism]. Moscow: Science, 256 p.
15. Nekrasov, S.N. (2009) *Kakaya filosofiya nam nuzhna* [What philosophy do we need]. Ekaterinburg: Ural State Agricultural Academy Publishing House, Ural Publishing House, 540 p.
16. Nikiforov, A.L. (1989) [Is philosophy a science?]. *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences]. Vol. 6, pp. 52–62. (In Russ.)
17. Oizerman, T.I. (2013) *Razmyshleniya. Izrecheniya* [Reflections. Sayings] Moscow: Languages of Slavic culture, 216 p.
18. Plato, (1994) *Gosudarstvo* [State] Moscow: Thought, Vol. 3, pp. 79–420.
19. Plato, (1990) *Primechaniya* [Notes]. Moscow: Thought, Vol. 1, pp. 682–842.
20. Smirnov, V., Vasiliev, N.A. (1960) *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Soviet encyclopedia, Vol. 1, pp. 228.
21. Rakhmatullin, R.Yu. (2013) [Philosophy in undergraduate: an invitation to the discussion]. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennoy mire* [Professional education in the modern world]. Vol. 3 (10), pp. 28–34. (In Russ.)
22. Tulchinsky, G.L. (2017) [Honest Philosophy]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 12, pp. 68–76. (In Russ.)
23. Hawking, S. (2013) *Vysshiy zamysel* [Higher Intent]. Saint Petersburg. Amphora, 208 p.
24. Engels, F. (1955) *Polozheniye rabochego klassa v Anglii* [The Situation of the Working Class in England]. Moscow: State publishing house of political literature, Vol. 2, p. 231–517.
25. Epshtein, M. (2014) [On the basic configurations of Soviet thought in the post-Stalin era]. *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny KHKH v.: sovremennyy vzglyad* [Problems and discussions in the philosophy of Russia in the second half of the twentieth century: a modern view]. Moscow: ROSSPEN, pp. 73–89. (In Russ.)
26. Jaspers, K. (2012) *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetleniye ekzistentsii* [Philosophy. Book two. Enlightenment of Existence]. Moscow: «Canon +» ROOI «Rehabilitation», 448 p.
27. Macioce, F. (2012) What can we do? Philosophical Analysis of Individual Self-Determination. *Eidos*. Issue 16, pp. 100–129. (In Engl.)
28. Margalit, A. (1990) National Self-Determination. *The Journal of Philosophy*. Vol. LXXXVII, pp. 439–461. (In Engl.)
29. Pink, Th. (2003) Action and Self-Determination. *Intellectica*. Vol. 36–37, pp. 247–259. (In Engl.)

Информация об авторах:

Кароматулло Олимов, доктор философских наук, вице-президент Академии Наук Республики Таджикистан, председатель Отделения общественных наук, академик, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

e-mail: olimovk_2007@mail.ru

Валентин Александрович Бажанов, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Борис Васильевич Марков, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: b.markov@spbu.ru

Александр Михайлович Максимов, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия

e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Рафаэль Юсупович Рахматуллин, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: rafat54@mail.ru

Игорь Александрович Беляев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Оренбургский государственный университет, **ORCID ID:** 0000-0003-4072-2342, **Researcher ID:** E-7026-2016, Оренбург, Россия
e-mail: igorbelyaev@list.ru

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
e-mail: gtul@mail.ru

Станислав Николаевич Некрасов, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия
e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

Анатолий Игоревич Столетов, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: aistoletov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 28.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Karomatullo Olimov, Doctor of Philosophy, Vice-president of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Chairman of the Department of Social Sciences, Academician, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

e-mail: olimovk_2007@mail.ru

Valentin Alexandrovich Bazhanov, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Boris Vasilievich Markov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophical Anthropology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

e-mail: b.markov@spbu.ru

Alexander Mihailovich Maksimov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia

e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Rafael Yusupovich Rakhmatullin, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

e-mail: rafat54@mail.ru

Igor Aleksandrovich Belyaev, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Orenburg State University, **ORCID ID:** 0000-0003-4072-2342, **Researcher ID:** E-7026-2016, Orenburg, Russia

e-mail: igorbelyaev@list.ru

Grigory L'vovich Tulchinsky, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

e-mail: gtul@mail.ru

Stanislav Nikolaevich Nekrasov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

Anatoly Igorevich Stoletov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

e-mail: aistoletov@gmail.com

The paper was submitted: 28.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА КАК ЕДИНИЦА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРЕДМЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Ю.М. Резник

Институт философии РАН, Москва, Россия
e-mail: reznik-um@mail.ru

Аннотация. Социальное государство является одним из важнейших институтов современного демократического общества. Цель исследования – анализ проблемного поля данного государства на основе онтологического подхода. Единицей анализа выступает социальная проблема, которая выражает на сущностном уровне противоречие между сущим и должным, системным и жизненным мирами, а на социетальном уровне – противоречие между людьми как представителями классов и других групп общества, возникающим по поводу дефицита ресурсов и в связи с неудовлетворенностью качеством своей жизни. Поэтому основным предназначением социального государства является решение социальных проблем на социетальном уровне и в первую очередь – сглаживание классовых противоречий посредством перераспределения ресурсов в пользу неимущих слоев населения, а в перспективе – посредством создания условий для свободного развития всех людей независимо от их социально-классового происхождения.

Социальные проблемы являются предметом комплексных и междисциплинарных исследований. При этом каждая социальная наука (социальная теория, социология, социальная психология и пр.) предлагает свою онтологическую модель: например, общесоциальную или социетальную (социально-классовую и социально-пространственную). Философия и социальная теория рассматривают эти проблемы как частный срез общих проблем социальной реальности, в т. ч. в контексте взаимодействия между системным и жизненным мирами социума. Социология же концентрируется вокруг проблем, обусловленных классовым делением современного капиталистического общества. Их дополняет социально-пространственная модель.

В статье анализируется система онтологических координат, в рамках которой определяются их общесоциальные, социетальные (классовые и пространственные) признаки социальных проблем, а также раскрываются их формальные и содержательные аспекты. Автор приводит характеристику функций социального государства, соотнося их с основными способами решения социальных проблем. В зависимости от характера решаемых проблем он выделяет также три типа социального государства: проблемы-следствия (минималистское государство), проблемы-причины (государство с развитой системой социальной защиты) и проблемы-средства (государство личностного благоденствия). Каждому из них соответствует свой набор стратегий решения социальных проблем. В заключение автор приходит к выводу, что Россия, переживающая сегодня острейший социальный кризис, находится на стадии перехода от минималистской к развивающейся модели социального государства, что предусматривает практическую реализацию конституционных норм и проведение радикальных социальных реформ, затрагивающих основы общественного строя.

Ключевые слова: социальная проблема, социальное государство, онтологический подход, философия, социальная теория, социология, классы, социальные группы, системный мир, жизненный мир, общие и социетальные признаки социальной проблемы, функции и типы социального государства, стратегии решения социальных проблем, социальный кризис России и пути выхода из него.

Для цитирования: Резник Ю.М. Социальная проблема как единица теоретического анализа и предмет деятельности социального государства (онтологический подход) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № . – С. 114–125. DOI:10.25198/2077-7175-2019-3-114.

SOCIAL PROBLEM AS A UNIT OF THEORETICAL ANALYSIS AND SUBJECT OF THE ACTIVITY OF A SOCIAL STATE (ONTOLOGICAL APPROACH)

Yu.M. Reznik

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia
e-mail: reznik-um@mail.ru

Abstract. The social state is one of the most important institutions of modern democratic society. The aim of

the study is to analyze the problem field of this state on the basis of ontological approach. The unit of analysis is the social problem, which expresses at the essential level the contradiction between the real and the proper, system and life worlds, and at the social level – the contradiction between people as representatives of classes and other groups of society, arising from the lack of resources and in connection with dissatisfaction with the quality of their lives. Therefore, the main purpose of the social state is to solve social problems at the social level and, first of all, to smooth out class contradictions by redistributing resources to the poor; and in the long term-by creating conditions for the free development of all people, regardless of their socio – class origin.

Social problems are the subject of complex and interdisciplinary research. In addition, each social science (social theory, sociology, social psychology, etc.) offers its ontological model: for example, the general social or societal (social class and socio-spatial). Philosophy and social theory consider these problems as a particular slice of the general problems of social reality, including in the context of the interaction between the systemic and vital worlds of society. Sociology, on the other hand, concentrates around the problems arising from the class division of modern capitalist society. They are complemented by a socio-spatial model.

The article analyzes the system of ontological coordinates, within the framework of which their general social, societal (class and spatial) signs of social problems are determined, and their formal and substantive aspects are revealed. The author gives a description of the functions of the social state, correlating them with the main ways of solving social problems. Depending on the nature of the problems to be solved, it also distinguishes three types of social state: problems-consequences (minimalist state), problems-causes (state with the development of the social protection system) and problems-means (state of personal well-being). Each of them has its own set of strategies for solving social problems. In conclusion, the author comes to the conclusion that Russia, which is experiencing an acute social crisis today, is at the stage of transition from a minimalist to a developing model of a social state, which provides for the practical implementation of constitutional norms and radical social reforms, affecting the foundations of the social order.

Keywords: social problem, social state, ontological approach, philosophy, social theory, sociology, classes, social groups, system world, life world, general and societal signs of a social problem, functions and types of a social state, strategies for solving social problems, the social crisis of Russia and ways out of it.

Cite as: Reznik, Yu.M. (2019) [Social problem as a unit of theoretical analysis and a subject of activity of a social state (ontological approach)]. *Intellect. Innovatsi. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 114–125. DOI:10.25198/2077-7175-2019-3-114.

Постановка проблемы

Социальное государство возникает в первой половине XX века как попытка самокоррекции и усовершенствования капитализма под воздействием демократической общественности и институтов гражданского общества. Оно предназначено изначально для решения социальных проблем, порожденных классовыми противоречиями капитализма и осознаваемых всем обществом и отдельными группами людей. Но в реальности оно имеет дело лишь с устранением социальных последствий. На это, в частности, обратил внимание А.У. Гоулднер. «По своей природе государство всеобщего благоденствия является системой регулирования, начинающей действовать только после очевидного возникновения “проблемы” и в ответ на нее» [2, с. 110].

Поэтому необходимо выяснить в первую очередь, что такое социальная проблема и почему она вырастает из неустроенности положения разных групп, находящихся в конфронтации друг с другом, а также в противостоянии с миром больших систем (рыночная экономика, государство и пр.). Такая проблема рассматривается, в частности, как осознанное противоречие, которое воспринимается большой группой людей (определенным классом) как труднопреодолимое (и даже непреодо-

лимым) препятствие, мешающее их нормальной (т.е. соответствующей представлениям о норме) жизни и требующее в силу этого обстоятельства незамедлительного решения, которое в свою очередь зависит от другого, господствующего или управляющего класса. Но такого понимания сегодня уже не достаточно и требуется комплексный подход.

Как известно, социальное государство появилось на Западе в результате компромисса между классами, их политическими партиями, вобрав в себя некоторые черты двух исторически сосуществующих общественных систем (капитализма и социализма). От капитализма оно восприняло идею «организации на началах свободы», принципы «социальной рыночной экономики» и гражданской ответственности. А от реального социализма – идею планирования и коллективного участия, обеспечение социального минимума (полная трудовая занятость и восьмичасовой рабочий день, единая пенсионная система, минимальные зарплаты, социальная помощь малоимущим).

Для исследования проблемного поля социального государства необходимо провести, на мой взгляд, развернутый онтологический анализ социальных проблем. Представляю вначале краткую предысторию их изучения.

Исследование социальных проблем как комплексное и междисциплинарное направление (онтологические ракурсы)

Как известно, в науке изучение социальных проблем уже давно выделено в отдельную область исследований (social problems studies). Оно имеет своими предпосылкой статистические обследования, в т. ч. «политическую арифметику» (Англия), «государствоведение» (Германия) и др. В настоящее время разрабатывается и так называемая «социология социальных проблем» [1].

Онтологический подход направлен на раскрытие глубинных противоречий, которые лежат в основе социальных проблем. Для начала я хочу высказать и обосновать предположение о том, что философия, социальная теория и другие науки, исследующие эти проблемы, базируются на разных онтологических моделях.

Что же исследует социальная теория? Так, по Э. Гидденсу, она должна заниматься проблемами, которые имеют значение для всех социальных наук. И это – проблемы взаимодействия людей как членов общества, причём взаимодействия, опосредованного институтами и их принадлежностью к тем или иным классам, социальным слоям или стратам. С точки зрения Ю. Хабермаса, современный социум рассматривается как двухступенчатая конструкция – системный и жизненный миры. Социальные проблемы возникают в жизненных структурах как смыслоразличительные проблемы и получают своё институциональное воплощение в больших системах (хозяйство, государство, церковь и пр.), выступая в виде функциональных проблем.

Перейду теперь к социологии. Ханс Фрайер еще в 1930-е гг. писал о том, что социология – это «наука о классовом обществе развитого капитализма, его структуре, происхождении, законах изменения и тенденциях развития» [5, с. 200]. При этом надо заметить, что Фрайер не был марксистом, а принадлежал к университетским профессорам, придерживающимся в целом консервативных взглядов.

С тех пор ситуация принципиально не изменилась. Правда, в 1990-е годы в отечественной литературе появились попытки сузить объект социологии до понимания гражданского общества или социальной организации (Г.В. Осипов, В.Н. Иванов, В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко и др.). Однако, объект социологической науки нельзя ограничивать изучением какой-либо одной сферы общественной жизни (например, отдельно взятой «социальной сферой») или процессом становления гражданского общества, как считает, в частности Ж.Т. Тощенко [7, 21]. Ведь и само гражданское общество, как показывает автор в своих более поздних работах, является продуктом исторического развития и сопряженно с формированием класса буржуазии [8, с. 84]. Почему же тогда не называть вещи своими именами?

Социология возникает, по мнению многих исследователей, как форма научной рефлексии социальных процессов модернизации, совершающиеся по мере перехода западноевропейских обществ к современному капитализму. Меняются формы последнего, он становится всё более глобальным, но остаётся его изначальная природа, которая сохраняет противоречия между трудом и капиталом. Поэтому определение социологии как науки о классовой природе капитализма (Х. Фрайер) не утратило своего значения и сегодня. Однако оно нуждается в дополнении, которое предлагается сегодня в рамках социологии социальных проблем.

Следовательно, социология занимается изучением социетального среза социальных проблем. Социетальное я буду понимать здесь и далее в духе Т. Парсонса как характеристику подсистемы общества, образующей сложную сеть взаимопроникающих коллективов (семей, деловых фирм, религиозных общин, учреждений и пр.), которая базируется на едином нормативном порядке, в т. ч. правилах членства и лояльности. Социетальность подразделяется мной соответственно на социально-классовую и социально-пространственную, системно-корпоративную (административная организация) и гражданскую (добровольная, ассоциативная самоорганизация).

Социально-пространственная социетальность определяет ракурс изучения социологии социальных проблем. Первоначально в неё включали достаточно узкий проблемный спектр – проблемы семьи, труда и занятости, миграции и демографии. В дальнейшем её предметное поле значительно расширилось. Появились функционалистские концепции (Р.К. Мертон, Р. Нисбет), социальный конструкционизм (М. Спектор, Дж. Китсьюз и др.), а также либеральные концепции, в которых делался акцент на сокращение сферы деятельности государства и возложение ответственности за благосостояние на самих индивидов [1, с. 49-50]. В настоящее время данная социологическая дисциплина сосредоточилась в основном на пространственно-деятельностном измерении социальных проблем (объективные и субъективные условия возникновения, масштаб распространения и коллективное определение, выработка требований и обоснование социальных реформ).

В исследованиях социальных проблем принимают участие специалисты разного профиля (философы, социологи, психологи, социальные работники и т. д.). Поэтому их следует считать комплексными. Философы занимаются онтологией сущего и должного социальной проблемы, раскрывая её сущностное содержание. Социальные теоретики вслед за Ю. Хабермасом определяют отношение этих проблем к жизненному миру человека, его смыслоразличительным ориентациям. Социологи рассматривают социальные проблемы как средства анализа

социетальных процессов модернизации и в первую очередь – классовых противоречий, необходимость в преодолении которых привела, в конечном счете, к возникновению социального государства. Психологи выявляют психологические механизмы возникновения и решения социальных проблем, а социальные работники занимаются практической деятельностью.

Таким образом, исследование социальных проблем является областью комплексных и отчасти междисциплинарных исследований, разрабатываемой с участием (и на стыке) философии, социальной теории, социологии, психологии и социальной работы. Каждая из этих дисциплин предлагает свою онтологию (онтологическую модель): общесоциальную (философия и социальная теория), социетальную, подразделяемую на социально-классовую и социально-пространственную (социология), социально-психологическую (психология) и праксеологическую (социальная работа).

Социальная проблема, являясь частным срезом общих проблем социальной теории, относящихся к обществу в целом (природе социальной реальности вообще и жизненному миру, в частности), непосредственно входит в сферу научной компетенции социологии, которая призвана в свою очередь раскрывать социетальные противоречия (классовые и пространственные) в современном капиталистическом обществе и выработать рекомендации по их преодолению. Именно эти два онтологических ракурса будут интересовать меня главным образом в ходе интерпретации существенных признаков социальной проблемы как единицы анализа и предмета деятельности социального государства.

К определению онтологического статуса социальной проблемы

Научное открытие социальных проблем традиционно связывают с так называемым «социальным вопросом» в середине XIX века, который в свою очередь сопряжен с ущемлением интересов рабочего класса. Считается, что такое положение можно исправить двумя путями: революционная смена общественного строя (революционизм) или посредством социальных реформ, не затрагивающих его основы (социальный реформизм).

В западной научной литературе социальные проблемы определяются с разных позиций: как опасные, угрожающие существованию и объективному положению групп или общества в целом (объективистский подход), как результат конструирования, которое выступает в виде деятельности по выдвижению утверждений-требований и проведению социальных реформ (конструкционизм), наконец, как то, что воспринимается обществом или отдельными социальными группами в качестве препятствия для их развития, которое можно устрани-

нить лишь коллективными усилиями, формируя общественное мнение (интеракционизм и концепция публичных арен) [5]. В последнем случае социальная проблема рассматривается как проекция коллективных чувств и настроений на ситуацию, которая становится предметом широкого публичного дискурса [10].

В отечественной литературе можно встретить расширительные трактовки социальной проблемы. Так, у Ж.Т. Тощенко это – «противоречия между сущим и должным, явным и латентным, желаемым и необходимым, организующим и дезорганизующим началом, без решения которых общество (организация, социальный институт, социальные группы и общности, личность) рискует лишиться постепенного, относительно взвешенного и сбалансированного развития» [9, с. 308]. Но в чем же тогда состоит социальная специфика данной проблемы? Только потому, что затрагивает противоречия в обществе? Полагаю, что противоречие между сущим и должным, системно-формальным и смысло-жизненным началами относится к социально-философскому анализу социальных проблем и не охватывает другие онтологические модели. Ж.Т. Тощенко называет ещё несколько признаков социальных проблем: противоречия между целями и условиями реализации, недостаток ресурсов, рост дезорганизации, стимул для поиска новых подходов, реакция субъекта управления [9, с. 307–308]. Каждый из этих признаков может иметь косвенное отношение к социальной проблеме. Но в целом они не являются необходимыми и достаточными для выявления её специфических критериев. Необходимо определить в каждом отдельном случае конкретное онтологическое основание.

В современной российской науке известны также и другие подходы к исследованию социальных проблем, которые заимствованы в основном из опыта зарубежных исследований: конструкционизм (И.Г. Ясавеев, Е.С. Богомякова и др.), концепция публичных арен (Т.В. Симонова), критический подход (Е.А. Ярская-Смирнова, П.В. Романов) [1; 11]. Я не буду останавливаться на их достоинствах и недостатках. Приведу собственную схему онтологического анализа социальной проблемы, выделив отдельно общие и социетальные (классовые и пространственные) признаки, которые имеют, на мой взгляд, разный онтологический статус.

Моя же основная идея состоит в том, что исследование данной проблемы должно осуществляться на разных онтологических уровнях:

- на уровне социальной реальности в целом, на котором фиксируются её сущностные признаки (интерактивность, интересубъективность и трансперсональность);
- на социетальном уровне и в первую очередь – уровне взаимодействия классов и других социаль-

ных групп, обусловленного различиями в ресурсах, ценностях и качестве жизни;

– на социетальном уровне и непосредственно – на уровне пространственных связей, где выявляются такие признаки, как наличие объективного условия и его субъективного восприятия, масштаб распространения и коллективное определение, а также выдвижение требований и проведение социальных реформ.

Общие признаки социальной проблемы (общесоциальная онтология)

Эти признаки определяют социальные проблемы как частный срез проблем социального бытия. Они характеризуют разные аспекты взаимодействия между индивидами и группами (интерактивный, интересубъективный и трансперсональный). Рассмотрим их вкратце.

Первое. Интерактивность понимается в социальной теории как взаимодействие между индивидами и группами, которое фиксирует разрыв между их ориентациями и условиями бытия. Сущим здесь является реальность общения, в которую погружена та или иная группа, а должным – представления о желаемом или ценностно привлекательным. Оба плана (сущее и должное) связывает между собой символическая интерпретация.

Существует также коммуникативная трактовка социального взаимодействия (Ю. Хабермас). Можно предположить, что наши смыслы находятся в жизненном мире, а средства их материального или институционального воплощения – в системном мире. И здесь сталкиваются между собой два взаимодействующих типа рациональности – коммуникативная, ориентированная на взаимопонимание, и формальная или инструментальная, направленная на поиск целей и средств их реализации. Так соединяются друг с другом два основных механизма интеракции (смыслополагание и целеполагание).

Примером может служить интерактивная природа социального неравенства, которое конкретизируется далее через различие статусных позиций и закрепленных за ними ресурсов. Отношения неравенства инструментальны и коммуникативны в одно и то же самое время. Проблема состоит не только в различии целей, но и в дифференциации смыслов между сторонами этих отношений. Господствующий класс заинтересован в своем доминировании, выдвигая формальные цели, а зависимый класс стремится к взаимопониманию, оформляя своё несогласие в виде требований к власти. Компромисс между ними возможен лишь при условии поиска общих смыслов социального бытия.

Интерсубъективность есть второй общий признак социальной проблемы. Она понимается здесь буквально как взаимозаменяемость перспектив и общность смыслового горизонта, который объе-

диняют людей, формируя их типические представления о мире. Например, проблема безработных интерпретируется самими безработными лишь на общем социально-психологическом фоне. Конкретный безработный – это всего лишь человек, не имеющий постоянного места работы. А безработица – это уже интересубъективный феномен, который отражает как в зеркале случайное переплетение судеб некоего множества людей, их разобщенность, невключенность, оторванность от нормальных условий жизни и пр. Поэтому безработные как социальная группа, чтобы преодолеть своё положение, должны стать частью обобщенного Другого, олицетворяющего собой всё сообщество работников.

Третье измерение социальной проблемы задается трансперсональностью, понимаемой в данном контексте как взаимопроникновение персональных реальностей или как путешествие по коридору, в который выходят «двери» из жизненных миров самых разных людей. Вместе же они образуют разобщенного Иного, не похожего на каждого в отдельности, но знакомого всем в целом. Другими словами, социальная проблема трансперсональна, потому что она касается всех и каждого и повторяю – никого в отдельности. Чтобы войти в трансперсональный союз, необходимо на какое-то время перестать быть персональностью или абстрагироваться от неё.

Так, например, бедность не является только личной проблемой человека. Человек не считает сам себя бедным до тех пор, пока это не становится очевидным для других. Проблема бедности трансперсональна в том смысле, что она предполагает некий незримый союз бедных людей, которые чувствуют свою ущербность только тогда, когда они находятся в дифференцированном единстве («бедные»), противопоставляемом обычно другому единству («богатые»).

Таким образом, всеобщее в бытии социальной проблемы проявляется в её интерактивности, интересубъективности и трансперсональности, которые характеризуют первый уровень системы онтологических координат.

Социетальные признаки социальной проблемы (социально-классовая онтология)

Перейду теперь к группе социетальных признаков социальной проблемы, которые характеризуют её классовый характер. Другими словами, такая проблема выражает классовое противоречие в сознании людей, которые сталкиваются с труднопреодолимым препятствием или с объективными условиями, угрожающими материальному положению, интересам и ценностям их класса.

С этой точки зрения, я предпочитаю говорить не о традиционном разделении классов, принятом в советское время (буржуазия, пролетариат, кре-

стьянство, интеллигенция), а о делении классов на господствующий (доминирующий) и угнетенный, управляющий и управляемый, правящий и зависимый. Кстати, по мнению Р. Миллса, правящий класс в современном обществе включает три составляющих – государственных чиновников, военную элиту и лидеров бизнеса, а зависимый класс составляет «массовое общество» – политически аморфное и безвластное большинство населения страны.

Представлю в общих чертах систему классовых координат социальных проблем, при помощи которых можно объяснить их специфические (социальные) признаки.

Во-первых, социальная проблема выражает на сознательном уровне неудовлетворенность людей, осознавших свои классовые различия, своим материальным и социальным положением (доступ к средствам производства, участие в управлении, возможность получения образования и пр.). Речь здесь идёт, прежде всего, о формальном измерении социально-классового противоречия, которое определяет содержание *борьбы за ресурсы*. Причем такое противоречие осознается людьми, принадлежащими к угнетенному классу, как препятствие (дефицит ресурсов или средств существования), возникающее на пути их развития. Поэтому в его появлении всегда имеются свои «виновники» – представители господствующего класса или группы, которых можно условно считать доминирующими (например, нерадивые чиновники или алчные предприниматели).

В ходе решения социальной проблемы человеку приходится постоянно выбирать между ресурсами системного мира, в т. ч. и государства, и возможностями жизненного мира. И это выбор происходит, как правило, между необходимостью адаптации человека к изменяющимся условиям жизни и его потребностями в самореализации. Такова плата за приверженность ценностям того или иного мира.

Во-вторых, социальная проблема характеризует *конфликт интересов и ценностей* разных групп людей и в первую очередь – классов (например, управляющих и управляемых, представителей господствующего класса и тех, кто относится к зависимому или угнетённому классу). А это значит, что классы различаются между собой не только отношением к средствам производства или местом в общественной организации труда, в т. ч. в системе управления, но также и образом и стилем жизни.

Общественные проблемы в представлении Ч.Р. Миллса выходят за пределы непосредственного окружения индивида и относятся к уровню институциональной организации множества индивидуальных сред жизнедеятельности [3, с. 17-18]. Они называются социальными, потому «что при их возникновении под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества» [3, с.

17]. К ним Миллс относит проблемы бедности, безработицы, войны, семьи, города, труда и досуга.

При этом следует учитывать, что в жизненном мире человека господствуют терминальные, преимущественно смысловые ценности (счастье, любовь, радость жизни, гармония, мудрость и пр.), а в системном – инструментальные ценности, ориентирующие его действия на реализацию формальных и системно обусловленных целей (успех, признание, слава, богатство и пр.). Рано или поздно конфликт между ними в жизни каждого человека неизбежен и последнему важно его своевременно выявить и направить в конструктивное русло, используя ресурсы системного мира для достижения социально значимых целей жизненного мира (содействие другому, самопомощь, саморазвитие личности и пр.)

Однако простой констатации конфликта интересов и ценностей между определенными классами или социальными группами недостаточно. Необходимо еще выявить то, ради (или по поводу) чего происходит этот конфликт.

Поэтому, *в-третьих*, в логике жизненного мира борьба между группами и классами людей осуществляется ради достижения более достойной цели, чем собственность, власть и другие ресурсы, а именно – улучшения *качества жизни*, соответствующего их представлениям о должном. А это и есть содержательная характеристика социальной проблемы. Её решение выводит общественный дискурс на другой уровень – проблематизацию качества жизни разных классов и групп (содержательная интерпретация).

Как известно, индекс качества жизни тех или иных социальных групп фиксирует принципиальное неравенство положения принадлежащих к ним людей (конкретные количественные показатели – «количество людей с уровнем жизни ниже прожиточного минимума», «степень различия в доходах семей», «количество людей, проживающих в удовлетворительных условиях», «доступность образования для малоимущих семей» и т. д.).

Содержательными же критериями качества жизни, определяемыми со стороны участников жизненного мира, выступают такие трудно операционализируемые показатели, как взаимопонимание (высокая степень согласия), счастье (полнота, гармония и осмысленность жизни), любовь и др., а его формальными критериями в системном мире являются, прежде всего, успех, престиж и общественное признание, а также достижение определенного уровня благосостояния.

В целом социальная проблема может быть рассмотрена лишь в единстве её формальных показателей, навязанных логикой развития системного мира, в т. ч. государства, и содержательных признаков, обусловленных интересами жизненного мира.

Какие бы трактовки качества жизни мы не рассматривали, очевидно одно: оно лучше всего характеризует меру соответствия реальных условий жизни человека его представлениям о достойной жизни и потребностям в саморазвитии. Именно поэтому данный критерий я считаю системообразующим при определении онтологического статуса социальной проблемы.

Социетальные признаки социальной проблемы (социально- пространственная онтология)

С точки зрения пространственных координат, социальная проблема состоит из *объективного условия* и его субъективного (или интересубъективного) определения. Так, например, у Р. Фуллера и Р. Майерса социальной проблемой называется «условие, определяемое значительным числом людей как отклонение от некоторой важной для них социальной нормы» [13]. Объективное условие и субъективное восприятие образуют место в социальном пространстве, которое занимает та или иная группа относительно к своей классовой принадлежности.

В пространственном смысле социальная проблема носит *массовый характер распространения* и затрагивает судьбы огромного количества людей. Можно представить, как огромные толпы людей передвигаются по городу в поисках работы или лучшей участи. Известно высказывание Ч.Р. Миллса о том, что «когда в городе со стотысячным населением только один работник не имеет работы – это его личная проблема, для решения которой следует обратить внимание на характер, способности и непосредственные возможности данной личности. Но когда нация, обладающая пятидесятиmillionным трудоспособным населением, насчитывает пятнадцать миллионов безработных – это уже общественная проблема» [3, с. 17]. Следовательно, в качестве социальной проблемы можно считать лишь условие или противоречие, которое охватывает большое количество людей, принадлежащих, как правило, к одному классу.

Наряду с масштабом распространения социальной проблемы следует выделить ещё один важный признак – *коллективное определение* её статуса. Так, по мнению, Герберта Блумера, «Социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются прежде всего результатами процесса коллективного определения» [12]. Люди должны признать существование проблемы, как таковой. Некоторые исследователи связывают это действие с формированием классового самосознания. Но как бы там ни было, субъективное восприятие проблемы необходимо дополнить её интересубъективным измерением. Участники проблемной ситуации разделяют озабоченность, вызванную

социальным противоречием, и придерживаются во многом сходных взглядов на причины её возникновения и способы решения.

Далее следует определить практическое изменение социального пространства, в котором сталкиваются интересы разных субъектов, где одна из стороны, чувствующая себя ущемленной, должна сформулировать *задание-требование* тем, от кого зависит решение проблемы, а другая принимать меры по их выполнению. Оспаривая правомерность определения проблемы как условия, М. Спектор и Дж. Китсьюз пишут, что это – «деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий» [14].

В моём понимании такое задание-требование формулируется политически активными и публичными представителями угнетённого или зависимого класса (лидерами политической партии или профсоюзов). Оно составляет стержень их программных документов или заявлений, адресованных властвующим субъектам правящего класса. Перевод же этого требования в статус практических действий (в социальном пространстве), зависит уже не от деятельности тех, кто считает себя «жертвой», «зависимой» или «угнетённой» стороной и готов отстаивать свои права действенным образом, а от представителей правящих кругов. Поэтому необходимо указать еще на один вид деятельности – *проведение социальных реформ*, без которого невозможно реализовать требования угнетенных или зависимых слоёв населения.

Имеются и другие точки зрения на пространственную организацию социальных проблем. Так, в концепции общественных (публичных) арен считается, что процесс их развития состоит из: «1) динамичного процесса конкуренции между представителями крайне многочисленной “популяции” утверждений, проблематизирующих ситуацию; 2) институциональных арен, служащих той средой, в которой социальные проблемы конкурируют между собой за внимание и растут; 3) “пропускной способности” этих арен, ограничивающей число проблем, которые могут пользоваться широким общественным вниманием в один и тот же период времени; 4) “принципов отбора”, или институциональных, политических и культурных факторов, влияющих на вероятность выживания конкурирующих между собой формулировок проблемы; 5) образцов взаимодействия между различными аренами, таких, как обратная связь и синергия, служащих средством распространения активности от одной арены к другим; 6) сетей, выдвигающих и стремящихся контролировать определенные проблемы функционеров (operatives), каналы коммуникации которых пересекают границы различных арен».

Подведу промежуточный итог. В определении социальной проблемы необходимо учитывать, прежде всего следующие онтологические признаки:

– *общие признаки, определяющие онтологию социального взаимодействия людей*: (1.1) интерактивность, (1.2) интересубъективность (общеразделяемость), (1.3) трансперсональность;

– *социетальные признаки, указывающие на классовый характер противоречий между людьми и их группами*, что предполагает (2.1) борьбу за жизненно важные ресурсы, (2.2) конфликт ценностей и противоборство жизненных проектов, а также (2.3) фундаментальные различия в качестве жизни;

– *социетальные признаки, характеризующие пространственные параметры проблемы*, в т.ч.: (3.1) наличие объективного условия, которое воспринимается участниками (на субъективном уровне) как труднопреодолимое препятствие, (3.2) массовый характер распространения (охват значительной части угнетенных или зависимых групп) и коллективное определение проблемы (признание большинством людей факта существования проблемы) и, наконец, (3.3) деятельная позиция субъектов, предъявляющих требования соответствующего характера (политические заявления, программные документы и пр.) или проецирующих их на «табло» публичных арен с целью привлечения общественного внимания к своим проблемам, с одной стороны, и деятельность по подготовке и проведения социальных реформ, с другой стороны.

Таким образом, социальная проблема, в конечном счете, выражает на общесоциальном уровне противоречие между сущим (реальным состоянием социального взаимодействия, например, социально-экономическим неравенством) и должным (стремлением всех групп к реализации смысложизненных ориентаций, в т.ч. их желание иметь равные или хотя бы сопоставимые жизненные шансы с другими, обеспеченными или успешными группами), на социетальном уровне – классовые противоречия между индивидами, а также различия в пространстве (местонахождении), побуждающие людей выдвигать справедливые требования и добиваться проведения социальных реформ. Соответственно различаются и языки, используемые для описания социальной проблемы в рамках того или иного уровня системы онтологических координат.

Социальные проблемы и функции социального государства

Онтология социальных проблем задает характер деятельности социального государства. На общесоциальном уровне ему необходимо сохранить целостность общества, используя интегративный потенциал социального взаимодействия (интерактивности, интересубъективности и трансперсональности).

На втором (социетальном и непосредственно – классовом) уровне функция данного государства – преодоление классовых противоречий и достижение социального мира. Оно не может посягать на «святая святых капитализма» – рынок и частную собственность, а, напротив, призвано смягчать их деструктивное воздействие на жизненный мир. Об этом пишет Ю. Хабермас: «Дилемма состоит в том, что государство с развитой системой социальной защиты неизбежно переносит непосредственно на жизненный мир как негативные капиталистически организованной системы занятости, так и дисфункциональные побочные последствия экономического развития, регулируемого процессом накопления капитала. При этом оно не смеет изменить форму организации, структуру и механизм хозяйственного развития» [9, с. 128]. С этой точки зрения, условием классового мира и сохранения социального равновесия является обеспечение стабильности и мобильности капиталистического развития. Никто не должен претендовать на перераспределение уже имеющегося богатства. Речь может идти лишь о частичных уступках капиталистов в распределении социальных компенсаций всем нуждающимся. Только так социальное государство может выполнять «функцию сдерживания и недопущения классового конфликта» (Ю. Хабермас). А это и есть его основная функция на данном этапе исторического развития общества.

В системе пространственных координат социальное государство выполняет *частные функции*, которые отвечают за гармонизацию всего социального пространства и индифферентны к интересам классов. В этой связи исследователи выделяют следующие функции: *легитимизация* (признание справедливости требований групп с ущемленными интересами); *ограничение*, осуществляемое в отношении господствующих классов (антимонопольная деятельность, регламентация отношений между работодателями и наемными работниками и пр.); *социальное обеспечение* (поддержка социально незащищенных слоев населения – безработных, пенсионеров, инвалидов, социальное страхование и обеспечение); *гарантирование* функцию (гарантирование государством системы социальных прав гражданина, в т.ч. жизненного минимума, доступ к образованию, обязательной медицинской помощи и т.д.). Очевидно, что уже сегодня, а не только в перспективе развития такого государства должна присутствовать и *развитие* (создание условий для саморазвития и самореализации человека).

Следует отметить, что в политике развитого социального государства проблемной группой считаются обе стороны конфликта. Поэтому внутри такой группы я буду различать (1) доминирующие (т.е. социально преуспевающие и привилегирован-

ные) подгруппы, располагающими ресурсами или установившими контроль над ними, с одной стороны, и (2) зависимые (социально неустроенные или неблагополучные) подгруппы, испытывающие острую нехватку жизненно важных ресурсов и стремящиеся к перераспределению общественного достояния в собственную пользу, с другой. Следует отметить, что эти подгруппы сопернича-

ют друг с другом и за контроль над определением проблем, используя разные способы интерпретации и привлекая общественное мнение (использование публичных арен).

Каждая из социальных функций государства предполагает разные системы действий обеих сторон проблемных групп по выявлению и решению социальной проблемы (таблица 1).

Таблица 1. Функции социального государства и действия проблемных групп по решению социальных проблем

Функции социального государства	Проблемные группы, их действия, а также способы интерпретации и решения социальных проблем	
	Зависимые группы, составляющие большинство населения страны	Доминирующие группы, олицетворяющие собой правящий класс и контролируемое им государство
Легитимизация	Осознание и выдвижение требований социальных групп к противной стороне (к воображаемому «виновнику») или к государству	Признание законности всех или части требований, демонстрация готовности к диалогу; проведение переговоров
Ограничительно-разрешительная	Формирование программы протеста или запросов на получение недостающих жизненных благ	Выработка антимонопольных мер, ограничивающих интересы крупного бизнеса; разработка программы по удовлетворению законных требований протестующих или нуждающихся в помощи лиц
Обеспечивающая	Получение социальных услуг и оценка их качества	Формирование пакета социальных услуг и их предоставление нуждающимся, оказавшимся в трудном материальном положении
Гарантирующая	Знакомство с перечнем социальных услуг, гарантированных законодательством	Обеспечение законодательно подкрепленных социальных стандартов жизни посредством долгосрочных программ
Развивающая	Изучение возможностей для профессионального развития и участие в реальных программах физического и духовного развития	Содействие развитию (и саморазвитию) людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, организация бесплатных форм обучения (переобучения) и программ физического или духовного развития

Однако в современных условиях этих функций уже явно недостаточно. Чтобы адекватно отвечать на вызовы глобального капитализма, необходимо не только реагировать на противоречия, но и выявлять их еще на стадии возникновения. Для этой цели нужно ввести, с точки зрения Ю. Хабермаса, еще одну функцию социального государства – *рефлексивную*, которая может быть реализована в полной мере лишь в социальном государстве с развитой системой социальной защиты. «Стать рефлексивным для государства означает, однако, и то, что извлекаются уроки из опыта обращения с таким средством, как власть, которую политики социального государства должны использовать для своего вмешательства в общественные субстраты» [9, с. 128].

Социальные проблемы и типы социального государства

На данном этапе анализа я различаю два аспекта социальной проблемы: формальный аспект, относящийся к распределению между группами жизненно важных ресурсов, и содержательный

аспект, связанный с их удовлетворенностью или неудовлетворенностью качеством собственной жизни.

Помимо деления социальных проблем на содержательные, ориентированные на качество жизни и формальные, системно обусловленные и связанные с распределением ресурсов, следует обратить внимание еще на три класса проблем, которые ставило и стремилось решать социальное государство в ходе своей эволюции. Как правило, первый класс проблем (неравенство, бедность, занятость и пр.) носят внешне обусловленный характер. Они являются скорее проблемами-следствиями или *порожденными* проблемами, причины которых еще не ясны субъектам управления или не осознаются ими до конца.

Однако, социальную теорию должны интересовать в первую очередь проблемы-причины, порождающие или *причиняющие проблемы*, т.е. те проблемы, проявление которых привело, в конечном счете, к патологическим или аномийным социальным последствиям. Нельзя лечить болезнь,

отталкиваясь от внешних симптомов. Необходимо поставить точный диагноз и выявить первопричину заболевания.

Кроме того, существует еще один класс проблем – проблемы-средства или *конструктивные* проблемы, решение которых позволяет не допустить в будущем (с учетом принятия опережающих мер) появления причиняющих проблем. Последние фокусируются вокруг вопросов: Как можно улучшить или организовать работу субъектов управления? Что нужно предпринять, что устранить причины, порождающие противоречия?

Каждому классу и уровню сложности социальных проблем соответствует в моем понимании свой исторический тип социального государства и его политика:

1) порожденные проблемы – *минималистское государство* и проводимая им реактивная или реагирующая политика, призванная лишь потушить социальный пожар и обеспечить минимальный уровень жизни;

2) порождающие или причиняющие проблемы – *государство всеобщего благоденствия* (или государство с развитой системой социальной защиты) и связанная с ним превентивная (предупредительная или упреждающая) политика, основанная на стратегии опережающего решения проблем и выстраивании партнерских отношений с организациями гражданского общества;

3) конструктивные проблемы – *государство личностного благоденствия* (или государство реального гуманизма) и сопряженная с ним социально-гуманитарная политика, при которой большинство причиняющих проблем снимается («купируется») еще до момента их обострения, а основное внимание уделяется решению проблем-средств,

т.е. преодолению препятствий на пути создания благоприятных условий для саморазвития человека как свободной личности, проявления его лучших качеств.

Должен отметить, что всем указанным выше типам социального государства присущ свой набор принципов решения проблем. Так, минималистское государство руководствуется, по А.У. Гоулднеру, в своей деятельности двумя основными принципами: *post factum* (решение «задним числом») и *ad hoc* (решение «для данного случая»). Во-первых, на практике такое государство часто не выходит на решение проблем-причин. Присущий ему «стиль направленности на решение проблем является стилем медленной, ответной реакции *post factum*. Поскольку работа государства дорого обходится, средний класс не склонен оплачивать ее из налогов, за исключением проблем, которые стали уже вполне очевидными» [2, с. 111]. Во-вторых, минималистское государство, а в ряде случаев и более развитые типы (например, государство всеобщего благоденствия) следуют принципу *ad hoc*, согласно которому его политика осуществляется не по единому плану и не в интересах большинства населения, а в зависимости от ситуационных запросов тех, кто порождает проблемы и сам же получает выгоду от участия в их решении. Могу предположить, что в более развитых формах социального государства преобладают принципы превентивной и конструктивной политики.

В заключение представлю разные способы (стратегии), которые используются теми или иными типами социального государства для решения социальных проблем (таблица 2). За основу я возьму проблемы с ярко выраженными социальными (социально-классовыми) признаками.

Таблица 2. Стратегии решения социальных проблем в тех или иных и типах социального государства

Признаки социальной проблемы	Типы социального государства и его политические стратегии		
	Минималистское (ориентация на создание минимальных условий жизни)	Развитое (ориентация на развитую систему социальной защиты)	Развивающее (ориентация на личностное благоденствие)
Борьба за ресурсы	Стратегия поддержки граждан, нуждающихся в помощи (субсидии, квоты, льготы и пр.)	Стратегия распределения ресурсов и постепенного выравнивания доходов граждан	Стратегия обеспечения достойной жизни каждому гражданину
Конфликт ценностей	Стратегия доступности культуры для малообеспеченных граждан	Стратегия партнерства в получении культурных услуг и мультикультурализма	Стратегия культурного самовыражения каждого человека независимо от его социального статуса
Различия в качестве жизни	Стратегия, ориентированная на прожиточный минимум для беднейших слоев населения	Стратегия и политика «равных жизненных шансов» для представителей разных социальных групп	Стратегия, направленная на саморазвитие личности и достижение высокого качества жизни всех граждан

Таким образом, в зависимости от типа социального государства в его деятельности используются определенные стратегии решения социальных проблем. Кстати, они имеют практическое значение для становления социального государства в нашей стране.

Перспективы для России (вместо выводов)

Социальное государство возникает для решения особых – социальных – проблем, которые обладают рядом признаков, позволяющих их идентифицировать. Политика такого государства должна опираться на комплексные или междисциплинарные исследования социальных проблем и социальные технологии. Но это в теории.

А на практике социальный кризис в России постепенно перерастает в фазу национальной катастрофы. Об этом свидетельствуют следующие факторы: по данным ООН около 30% россиян находятся в состоянии нищеты, а три четверти населения живут в бедности; продолжается рост безработицы (свыше 4 млн безработных); снижаются показатели здоровья людей (119 место РФ из 1888 стран мира); продолжает расти алкоголизация населения (25–30 млн зависимых от алкоголя, высокая смертность от алкогольного отравления); происходит рост наркомании (5 млн человек потребляют наркотики, что в восемь раз больше, чем в странах Евросоюза); продолжает распространяться ВИЧ-инфекция, уноса ежегодно свыше десяти тысяч жизней; не прекращается эпидемия туберкулеза (свыше 120 тыс. заболевших); растёт коррупция, ущерб от которой составляет свыше 10 млрд руб. в год; миллионы детей оказались безнадзорными, а тысячи из них совершают преступления или кончат жизнь самоубийством. Даже из этих отрывочных сведений можно сделать трагический вывод: «Россия – единственная из развитых стран, вымирающая в мирное время» [7]. Конечно, эти

данные устарели и требуют обновления. Однако, они указывают на затянувшийся социальный кризис в России, который может вылиться в огромные социальные потрясения и привести к демонтажу всей общественной системы.

Если же ориентироваться на Конституцию РФ и, прежде всего, статью 7, то Россия по-прежнему остаётся социальным государством. Да, реально она находится на стадии его становления, осуществляя функции минималистского государства, способного обеспечить лишь прожиточный минимум беднейшим слоям населения и в лучшем случае потушить социальный пожар. Чтобы реализовать весь социальный потенциал, заложенный в Основном законе, потребуются существенная коррекция политического и экономического курса правящего класса, контролирующего свыше 80% всех имеющихся ресурсов. И здесь уже недостаточно призывов к гуманизму или частичных социальных реформ. Нужна новая перестройка. Пойдут ли на этот достаточно радикальный шаг правящие круги, будет зависеть не только от внешних условий, но и от их политической воли. Подтолкнуть к нему могло бы зрелое гражданское общество, но последнее, начиная с 1990-х гг., всё еще находится под прессом авторитарного государства и не способно противостоять бюрократии, так как механизмы его ассоциативной самоорганизации практически полностью блокированы.

Переходный период в российском обществе явно затянулся и грозит перейти в очередной застой, выход из которого может опять поставить страну на грань существования. В любом случае, чтобы не допустить демонтажа сложившейся системы, потребуются новая государственная политика, ориентированная на построение развитой системы социальной защиты, что предполагает переход на новый уровень общественного развития. Как это сделать эволюционным путем, не перестраивая основ общественно-политического строя, я пока себе с трудом представляю.

Литература

1. Богомякова Е. С. Социология социальных проблем: современное состояние и перспективы развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. XVIII (3). – С. 39–54.
2. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии: Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2003. – 576 с.
3. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко. Под общ. ред. Г. С. Батыгина. – М.: Изд. Дом «Стратегия», 1998. – 264 с.
4. Немецкая социология / Отв. ред. Р. П. Шпакова. – СПб.: Наука, 2003. – 562 с.
5. Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Том. 8. – № 1. – С. 7–12.
6. Попов Н. П. Главные социальные проблемы последнего десятилетия // Мир измерений. – 2010. – № 2. – С. 56–62.
7. Тощенко Ж. Т. Возможна ли новая парадигма социологического знания? // Социол. исслед. – 1991. – № 6. – С. 17–25.
8. Тощенко Ж. Т. Социология жизни: монография / Ж. Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 399 с.
9. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна – 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 123–136.
10. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. – 2008. – № 2. – С. 73–94.

11. Ясавеев И. Г. Социальная проблема в социологическом лексиконе // Социальная реальность. – 2006. – № 6. – С. 101–115.
12. Blumer, G. «Social Problems as Collective Behaviour», in *Social Problems*, vol. 18, 1971, pp. 298-306. [Электронный ресурс] / Перевод И.Г. Ясавеева. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/431290/page/6/> (дата обращения: 10.03.2019).
13. Fuller, R.C., Myers, R.R. «The Natural History of a Social Problem», *American Sociological Review*: 6, June 1941, pp. 320-328. [Электронный ресурс] / Перевод И.Г. Ясавеева. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/431290/page/6/> (дата обращения: 10.03.2019).
14. Spector, M., Kitsuse, J.I. *Constructing Social Problems*, Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1987, pp. 1–8, 73–79, 142. [Электронный ресурс] / Перевод И.Г. Ясавеева. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/431290/page/6/> (дата обращения: 10.03.2019).

References

1. Bogomyagkova, E.S. (2015) [Sociology of social problems: current state and development prospects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. XVIII (3), pp. 39–54. (In Russ.)
2. Gouldner, A.U. (2003) *Nastupayushchiy krizis zapadnoy sotsiologii: Per. s nem* [The coming crisis of Western sociology: Trans. From German]. Saint Petersburg: Science, 576 p.
3. Mills, H.R. (1998) *Sotsiologicheskoye voobrazheniye* [Sociological imagination]. Moscow: Publ. House “Strategy, 264 p.
4. Shpakova, R.P. (2003) *Nemetskaya sotsiologiya* [German sociology]. Saint Petersburg: Science, 562 p.
5. Polach, D. (2010) [Social problems from a constructionist point of view]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 8. No.1, pp. 7–12. (In Russ.)
6. Попов, N.P. (2010) [The main social problems of the last decade]. *Mir izmereniy* [World of measurements]. Vol. 2, pp. 56–62. (In Russ.)
7. Toshchenko, ZH.T. (1991) [Is a new paradigm of sociological knowledge possible?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. Vol. 6, pp. 17–25. (In Russ.)
8. Toshchenko, ZH.T. (2016) *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of life]. Moscow: UNITY-DANA, 399 p.
9. Habermas, J. (1993) *Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma* [Relationships between the System and the Vital World under the Conditions of Late Capitalism]. Vol. 1. Issue 2, pp. 123–136.
10. Hilgartner, S., Bosk, H.L. (2008) [The growth and decline of social problems: the concept of public arenas]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social reality]. Vol. 2, pp. 73–94. (In Russ.)
11. Yasaveev, I.G. (2006) [The social problem in the sociological lexicon]. *Sotsial'naya real'nost'* [Social reality]. Vol. 6, pp. 101–115. (In Russ.)
12. Blumer, G. (1971) “Social Problems as Collective Behavior”, in *Social Problems*. Available at: <https://studfiles.net/preview/431290/page/6/> (accessed 03/10/2019) (In Engl.)
13. Fuller, R.C., Myers, R.R. “The Natural History of a Social Problem,” *American Sociological Review*: 6, June 1941, pp. 320–328. Available at: <https://studfiles.net/preview/431290/page/6/> (accessed 03/10/2019) (In Engl.)
14. Spector, M., Kitsuse, J.I. *Constructing Social Problems*. Available at: <https://studfiles.net/preview/431290/page/6/> (accessed 03/10/2019) (In Engl.)

Информация об авторе:

Юрий Михайлович Резник, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра философских коммуникаций Института философии РАН, Москва, Россия
e-mail: reznik-um@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yuri Mikhailovich Reznik, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Philosophical Communications of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: reznik-um@mail.ru

The paper was submitted: 21.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The author has read and approved the final manuscript.

О МНОГОГРАННОСТИ ПОНЯТИЙ «ПРОБЛЕМА» И «ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

М.С. Теплых¹, М.П. Ахметзянова²

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹e-mail: dateplih@mail.ru

²e-mail: marinka.mgn@mail.ru

***Аннотация.** Многие научные исследования как гуманитарной, так и естественнонаучной направленности в самом начале предполагают содержательное определение проблемы исследования. Однако в современном научном мире исследователи все чаще сталкиваются с тем, что неправильно вычлениют проблему, либо не видят главную среди нескольких проблем. Поэтому, чтобы определить содержание проблемы, нужно знать, что же такое проблема. В противном случае может случиться так, что проблемой может быть назван вопрос или задача. В статье рассматриваются методологические основания любого исследования, в основе которого лежат проблемные ситуации, вызывающие у исследователя психологическое состояние неуверенности, противоречия, интеллектуальной напряженности. Именно это и создает посыл к усвоению новых знаний, к научно-исследовательским открытиям, которые создают поле для развития мыслительных способностей, поисково-интеллектуальной активности, философского стиля мышления. Немаловажную роль в данном процессе познания выполняют эвристические и исследовательские методы.*

С другой стороны, в статье утверждается, что изучение любой научной дисциплины, в том числе и философии, не может быть сведено к усвоению набора «готовых» знаний, а предполагает формирование у учащихся философской культуры проблемно-ориентированного мышления, единицей которого является «проблематизация». Проблематизация понимается как способ мышления, который ставит под сомнение имеющиеся у исследователя «готовые» знания посредством их включения в различные контексты истинного и ложного в ситуации «альтернативной неопределенности».

***Ключевые слова:** проблема, субъектно-мотивационная проблема, онто-гносеологическая проблема, методологическая проблема, проблематизация, проблемная ситуация, эпистемическая ситуация, философское мышление.*

***Для цитирования:** Теплых М.С. Ахметзянова М.П. О многогранности понятий «проблема» и «проблематизация» в философском дискурсе // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 126–130. DOI:10.25198/2077-7175-2019-3-126.*

ON THE MULTI-VARIETY OF NOTIONS «PROBLEM» AND «PROBLEMATIZATION» IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

M.S. Teplyh¹, M.P. Akhmetzyanova²

Nosov Magnitogorsk state technical university, Magnitogorsk, Russia

¹e-mail: dateplih@mail.ru

²e-mail: marinka.mgn@mail.ru

***Abstract.** Many scientific studies, both humanitarian and natural-science, at the very beginning imply a meaningful definition of the research problem. However, in the modern scientific world, researchers are increasingly confronted with the fact that they incorrectly isolate a problem, or do not see the main one among several problems. Therefore, to determine the content of the problem, you need to know what the problem is. Otherwise, it may happen that a problem can be called a question or a task. The article discusses the methodological basis of any study, which is based on problem situations that cause the researcher a psychological state of uncertainty, contradiction, and intellectual tension. This is what creates the promise for the assimilation of new knowledge, for research discoveries that create a field for the development of mental abilities, search and intellectual activity, and a philosophical style of thinking. An important role in this process of knowledge is performed by heuristic and research methods.*

On the other hand, the article argues that the study of any scientific discipline, including philosophy, cannot be reduced to the assimilation of a set of “ready” knowledge, but involves the formation of students’ philosophical culture of problem-oriented thinking, the unit of which is “problematization”. Problematization is understood

as a way of thinking that casts doubt on the researcher's "ready" knowledge by incorporating them into various contexts of true and false in a situation of "alternative uncertainty".

Keywords: *problem, subject-motivational problem, onto-gnoseological problem, methodological problem, problematization, problem situation, epistemic situation, philosophical thinking*,

Cite as: Teplyh, M.S., M. Akhmetzyanova, M.P. (2019) [On the multi-variety of notion "Problem" and "Problematization" in Philosophical Discourse]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 126–130. DOI:10.25198/2077-7175-2019-3-126.

Введение

Важнейшим условием модернизации современного образования на пути его инновационного развития является умение четко ориентироваться в научно-исследовательской проблеме [4, с. 59]. Главным препятствием на пути преодоления и предотвращения рисков развития социальных институтов сегодня является критериальная неопределенность феномена «проблема». Это актуализирует необходимость различения лексически близких, но не совпадающих по смыслу, понятий «проблема» и «проблематизация». Данные понятия объективируют собой реальные процедуры мышления и от понимания специфики содержания каждого из них напрямую зависит степень адекватности поиска области потенциальных решений встающих вопросов.

Сложности демаркации термина «проблема»

Термин «проблема» качественно размыт в традициях лингвистического анализа. Так, в «Словаре русского языка» проблема рассматривается как некий достаточный, как правило, требующий определенного решения теоретический или практический вопрос исследования¹. В «Философском энциклопедическом словаре» проблема будет выступать как некая неразрешенная задача или вопрос, который требует разрешения². Подобные «широкие» определения проблемы явно «бьют мимо цели», так как в логико-дефинитивном плане они позволяют определить лишь ближайший род понятия проблемы («вопрос», «задача»), но мало дают представления о *differentiaspecific* этого понятия, поскольку «сложный», «неразрешенный», «требующий решения» – это достаточно расплывчатые специфические видовые признаки (любой поставленный вопрос, требует своего ответа-решения, которое для кого-то будет сложным), а, значит, оставляют место для подмены понятий «проблема», «вопрос», «задача», которые, между тем, автономны в своем существовании.

В частности, проблему часто отождествляют с вопросом. Между тем, с точки зрения логики это верно лишь отчасти: каждая проблема – это вопрос, но не каждый вопрос – это проблема. Вопрос – это

форма выражения проблемы, а проблема – такой вопрос, ответ на который временно или принципиально затруднен. Вопрос – форма мысли, отражающая недостаточность исходной информации и ориентирующая человека на ее преодоление. В языковой оболочке вопрос как форма мысли выражается вопросительным предложением. Для философского мышления ответ, который окажется наиболее рационально-обоснованным, доказанным и понятным (для меня и для других) по результатам критического обсуждения всех возможных вариантов решений этого вопроса и будет считаться правильным.

Проблема возникает обычно, когда встречается какое-то затруднение, когда что-то неясно, и эту неясность необходимо снять, устранить, то есть когда возникает проблемная ситуация. В этой ситуации исследователь пытается в соответствии с обстоятельствами найти какое-либо решение. Эта ситуация как бы заставляет остановиться и задуматься. Современные исследователи в гносеологическом смысле определяют проблемную ситуацию как объективное состояние рассогласования и противоречивости научного знания, возникающее в результате его неполноты и ограниченности [2, 9]. Проблема же является результатом отображения субъектом проблемной ситуации. Можно принять эти общие характеристики и сделать некоторые выводы о смысловых гранях понятия проблемы.

«Проблема» в теоретико-познавательном контексте

В теоретико-познавательном контексте проблему можно рассмотреть в нескольких тесно связанных между собой, но несводимых друг к другу, смысловых значениях: 1) онто-гносеологическом, 2) субъектно-мотивационном и 3) методологическом.

В онто-гносеологическом смысле проблема предстает как столкновение двух (или нескольких) внутренне непротиворечивых знаний об одном и том же. У субъекта, который ставит перед собой проблему, в сознании возникает неразрешимое противоречие: проблема (в научном понимании) всегда предполагает процесс выбора одного «верного» решения, итогом которого должен быть конкретный результат (ответ, знание). Этот результат выбора может иметь относительный, неоднозначный, промежуточный характер, но он должен быть, иначе решаемая проблема должна быть представлена как

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 3. – 798 с.

² Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 840 с.

«псевдопроблема». Важно отметить, что осознание невозможности разрешить возникшие трудности подвигает исследователя возвратиться к ситуации формулирования исходных посылок. Так Мишель Фуко в этом смысле высказывал мысль о том, что здесь мы можем говорить о возобновляющейся проблематизации, которая будет все ближе и ближе не к тому, что ее завершает, но к тому, что ей предшествует [5, с. 96].

Основная трудность анализа понятия в этом аспекте заключается в том, чтобы тезис и антитезис относились к одному и тому же объекту, то есть объект должен быть задан в одной «онтологической плоскости», он должен сохранять свою самоидентичность. В противном случае мы можем столкнуться с паралогизмом или логической ошибкой. В этом случае будет нарушение закона тождества: противоположные утверждения могут на самом деле не быть таковыми, относясь, по сути, к разным объектам, которые ошибочно будут отождествляться. Поэтому нельзя представлять проблему просто как оппозицию двух логических суждений, это только форма выражения проблемы.

Во втором значении (субъектно-мотивационном) проблема рассматривается как препятствие в познавательной деятельности, непреодолимое наличными и известными деятельно средствами и методами. В этом смысле проблема характеризуется не как самопрепятствие, а как отношение деятеля к препятствию (она есть субъективное отношение к препятствиям при достижении целей). Для того чтобы препятствие в деятельности стало проблемой, кроме субъективного восприятия его как вызова, необходима соответствующая эпистемическая ситуация (проблемная ситуация), в которой возможны постановка и решение проблемы.

В методологическом смысле проблема представляет как форма и метод научного познания, как «ученое незнание» или знание о незнании. Со времен Николая Кузанского очерчивание в знании зоны незнания широко используется как мотивирующий прием в организации исследований. Осознание проблемы как своего знания о незнании есть один из основных признаков философского мышления. Еще платоновский Сократ в диалоге «Пир» отмечал, что философ тот, кто знает о своем незнании и стремится его преодолеть [10, с. 440]. Это знание о незнании и есть мудрость.

Проблематизация как форма объективации проблемы

Если новое знание еще не оформилось в виде развернутой формы, а старое знание показало свою несостоятельность, возникает проблема. Противоречивая познавательная ситуация, требующая разрешения, как правило, определяется как научная проблема [1, 3]. В отличие от вопроса-задачи, ко-

торый изначально предполагает имеющийся ответ, и от вопроса-тайны, который принципиально решения иметь не может, вопрос-проблема указывает на возможность решения вопроса, которое еще не известно. Указывая на принципиальную возможность решения поставленного вопроса, она задает «зону ближайшего развития знания», направляя на необходимость выработки нового знания. Именно в этом заключается методологическая ценность проблемы: проблема – это то, что направляет наше исследование, задавая ему смысл и программу.

Заданный вопрос не рождается, а становится проблемой. Чтобы вопрос превратился в проблему, нужна особая мыслительная процедура – проблематизация.

Проблематизация является выходом из ситуации «проблемности проблемы», поскольку изначально не предполагает необходимости выбора одного «верного» решения проблемы, основана на необязательности результата, а скорее даже на обязательности его отсутствия. По мнению Г.П. Щедровицкого, в процессе решения задач лишь провоцируется или инициируется рефлексивный подход, и за счет этого осуществляется переход к процессу проблематизации [6]. Проблема превращается в вопрос, который стоит на границе известного и неизвестного. Поставить проблему – значит выйти на эти границы [7, с. 351].

Виды проблематизации

В соответствии с разделением различных смыслов проблемы, следует выделить и три вида проблематизации: 1) личностно-смысловую, 2) реконструктивную (конституирующую) и 3) конструктивную (проективную) проблематизацию.

Личностно-смысловая проблематизация отражает, преобразовывая, отношение исследователя к осознанной проблемной ситуации от ее явного вида до постановки вопроса перспективы ее преодоления как возможного пути выхода из мыслительного тупика [2]. В личностно-смысловом поле проблема может восприниматься как вызов, требующий ответа, усилия, подвига или изобретения, проблематизация, позволяет обнаружить и, может быть, сформировать силу, способную мыслить, целеполагать и действовать на собственных основаниях.

Позитивный эффект этого вида проблематизации состоит в формировании понимания проблемной ситуации как творческой, а следовательно, открытой, являющейся вызовом для исследователя.

Реконструктивная (конституирующая) проблематизация представляет собой метод фиксации проблемной ситуации, метод определения проблемности вопроса, который состоит в выделении (формулировке) вопроса и проведении анализа, удостоверяющего его проблемность.

Первый вариант создания сценария проблематизации состоит в выделении и анализе проблемного вопроса, который обязательно должен характеризоваться наличием в его анализе и осмыслении нескольких разных подходов, которые могут быть суммированы в виде противоречащих друг другу высказываний.

Второй вариант: проблемность вопроса может обнаруживаться и на основе необходимости соотнесения нескольких разных типов знаний из разных дисциплин или предметных областей, а сам сформулированный вопрос, собственно, и определяет точку пересечения этих предметных областей.

Наконец, третий вариант выявления проблемности вопроса определяется указанием на отсутствующее знание, по поводу которого могут выноситься прямо противоположные суждения.

Итак, в результате этого типа проблематизации выделяется проблемный вопрос и представленные в виде логических описаний разные способы его трактовки и анализа. Реконструктивная проблематизация – это интеллектуальная техника, направленная на распределение и различения, которые вводятся для того, чтобы обнаружить ограниченность наличных знаний и представлений.

Конструктивная (проективная) проблематизация – метод (схема) выхода из проблемной ситуации, который требует выработки знания о незнании. Необходимо задать такую рамку для нового знания, чтобы то, что осталось внутри (там, где мы упирались, не могли пройти, задавали вопросы), приобрело совершенно иной смысл. В новой рамке мы знаем то, чего раньше не знали. Мы этого по-прежнему не знаем, но уже знаем, где искать. Исследователю в этом случае необходимо произвести объективацию неизвестного в проблемной ситуации, которая осуществляется в форме вопроса о новом знании относительно предмета, способа или условия действия. В поисках ответа на поставлен-

ный вопрос исследователь занимает позицию проектировщика: он должен мысленно «раздвоиться», существуя одновременно в настоящем, в прошлом и в будущем. Это мысленное раздвоение проектировщик осуществляет на границе знания и незнания. Для выхода в неизвестное нужна мыслительная конструкция (проект), которая становится там опорой и плацдармом.

Результаты исследования

Проведенный анализ теоретических исследований феномена проблемы в познавательном процессе человека убедительно показывает, что исследуемое явление может быть представлено как организованность трех действительностей теоретико-познавательного процесса: онто-гносеологической, субъектно-мотивационной и методологической, которые обретают свое существование в деятельности исследователя при помощи мыслительных техник проблематизации: личностно-смысловой, реконструктивной и конструктивной. Следует отметить, что проблематизация не требует результата, решения, ответа на поставленный вопрос. В отличие от проблемы, проблематизация не направлена на получение нового знания, на обнаружение соответствия между знанием и миром (научной истины). Проблематизация – это способ функционирования знания, такой способ мышления, который ставит под сомнение имеющиеся у исследователя «готовые» знания посредством их включения в различные контексты истинного и ложного, верного и неверного, знания и незнания и др. Значимость демаркации проблемы как феномена познания и проблематизации как процедуры познавательного процесса актуализируется спецификой социальной практики. Именно в этом аспекте эффективность решения встающих проблем напрямую зависит от степени адекватности определения содержательного поля решаемого вопроса.

Литература

1. Ардашкин И. Б. «Проблема» и «проблематизация»: соотношение и интерпретация понятий в современной эпистемологии / И. Б. Ардашкин // Известия Томского политехнического института. – 2004. – Т. 307. – № 4. – С. 147–150.
2. Баширова Т. А. Нетрадиционные риски современного общества / Т. А. Баширова, В. А. Жилина // Социальные нормы в условиях современных рисков материалы Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2017. – С. 22–24.
3. Дун Е. М. О содержании понятия «научная проблема» / Е. М. Дун // Некоторые методологические проблемы науки. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – С. 105–109.
4. Жилина В. А. Критическая рефлексия как ключевая составляющая современного образования / В. А. Жилина // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 59–65.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
6. Щедровицкий Г. П. Синтез знаний: проблемы и методы / Г. П. Щедровицкий // На пути к теории научного знания. – М.: Наука, 1984. – С. 68–107.
7. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – М.: Школа культурной политики, 1997. – 656 с.

8. Slobozhankina L. R., Teplykh M. S., Akhmetzyanova M. P., Zhilina V. A., Nazaricheva A. I. Selfknowledge as a criterion for classifying philosophical doctrines // *XLinguae*. – 2018. – Vol. 11. – Iss. 2. – pp. 437–444.

9. Elina G. Chernova, Vera A. Zhilina, Marina P. Akhmetzyanova, Marina S. Teplykh, Alevtina I. Nazaricheva, Ekaterina G. Prilukova. Maxims Of Dialogic Interaction In The Effective Negotiation Practice // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. – 2018. – Vol. 8. – Issue 1. – pp. 122–129.

References

1. Ardashkin, I.B. (2004) [«Problem» and «problematization»: correlation and interpretation of concepts in modern epistemology]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta* [News of the Tomsk Polytechnic Institute]. Vol. 307. No. 4, pp. 147–150. (In Russ.)

2. Bashirova, T.A. (2017) [Non-traditional risks of modern society]. *Sotsial'nyye normy v usloviyakh sovremennykh riskov materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Social norms in the context of modern risks, materials of the International Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, pp. 22–24. (In Russ.)

3. Dun, E.M. (1973) [On the content of the concept of «scientific problem»]. *Nekotoryye metodologicheskiye problemy nauki* [Some methodological problems of science]. Tomsk: TSU publishing house, pp. 105–109. (In Russ.)

4. Zhilina, V.A. (2018) [Critical reflection as a key component of modern education]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions]. pp. 59–65.

5. Fukko, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal, 448 p.

6. Schedrovitsky, G.P. (1984) [The synthesis of knowledge: problems and methods]. *Na puti k teorii nauchnogo znaniya* [On the way to the theory of scientific knowledge]. Moscow: Science, pp. 68-107. (In Russ.)

7. Schedrovitsky, G.P. (1997) *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. The science. Methodology]. Moscow: School of Cultural Policy, 656 p.

8. Slobozhankina, L.R., Teplykh, M.S., Akhmetzyanova, M.P., Zhilina, V.A., Nazaricheva, A.I. (2018) [Self-knowledge as a criterion for classifying philosophical doctrines]. *XLinguae* [XLinguae]. Vol. 11. Iss. 2, pp. 437–444. (In Engl.)

9. Elina, G. Chernova, Vera A. Zhilina, Marina P. Akhmetzyanova, Marina S. Teplykh, Alevtina I. Nazaricheva, Ekaterina G. Prilukova (2018) Maxims Of Dialogic Interaction In The Effective Negotiation Practice. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. Vol. 8. Issue 1, pp. 122–129. (In Engl.)

Информация об авторах:

Марина Сергеевна Теплых, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

e-mail: dateplih@mail.ru

Марина Петровна Ахметзянова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

e-mail: marinka.mgn@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2019; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Marina Sergeevna Teplykh, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Nosov Magnitogorsk state technical university, Magnitogorsk, Russia

e-mail: dateplih@mail.ru

Marina Petrovna Akhmetzyanova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Nosov Magnitogorsk state technical university, Magnitogorsk, Russia

e-mail: marinka.mgn@mail.ru

The paper was submitted: 30.01.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

THE CONCEPTION OF POST-INDUSTRIAL (INFORMATION) SOCIETY AND MARXIST PHILOSOPHY IN RUSSIA

S.V. Orlov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: orlov5508@rambler.ru

N.A. Dmitrenko

Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: nadmitrenko@corp.ifmo.ru

Abstract. In this study we investigate the Marxist approach to information society which helps to correct its description as a society of knowledge, where mental labor displaces manual labor. The new type of labor is a special form of general work discovered by K. Marx. It deals with material virtual reality (information, software products, active content). Virtual reality is a new form of objective reality which interacts with subjective reality closer than other forms of matter. Virtual reality acquires some qualities similar to the main qualities of subjective reality. It is possible to call them “quasi ideality” and “quasi subjectivity”. Computer labor is the creation of abstract material structures which form virtual reality. Consequently, there is no “dematerialization” of labor in information society. The new form of matter, created by humans and the new forms of material labor (general work) both influence such social processes as class struggle, interaction between different forms of labor, etc.

Keywords: information society, Marxist philosophy, virtual reality.

Cite as: Orlov, S.V., Dmitrenko, N.A. (2019) [The Concept of the Post-Industrial (Information) Society and Marxist Philosophy in Russia]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 131–138. DOI:10.25198/2077-7175-2019-3-131.

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО (ИНФОРМАЦИОННОГО) ОБЩЕСТВА И МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ

С.В. Орлов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: orlov5508@rambler.ru

Н.А. Дмитренко

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: nadmitrenko@corp.ifmo.ru

Аннотация. В статье рассматривается марксистский подход к информационному обществу, дающий возможность скорректировать описание последнего как общества знания, в котором физический труд замещается трудом умственным. Новый тип труда является специфической современной формой всеобщего труда (general work), открытого еще К. Марксом. Современный всеобщий труд имеет дело с материальной виртуальной реальностью (информация, программный продукт, контент файлов). Виртуальная реальность – это новая форма объективной реальности, наиболее близко и тесно взаимодействующая с субъективной реальностью. Виртуальная реальность обладает некоторыми специфическими свойствами, внешне напоминающими свойства субъективной реальности, сознания. Их предлагается назвать «квазиидеальностью» и «квазисубъективностью». Компьютерный труд – это создание абстрактных материальных структур, образующих основу виртуальной реальности. В информационном обществе не происходит какой-то «дематериализации» труда. Новая, созданная человеком форма материи и новые формы материального труда (всеобщий труд) в конечном итоге влияют на такие социальные процессы, как классовая борьба и разнообразные общественные движения, взаимодействие различных видов труда в технологических процессах и т. п.

Ключевые слова: информационное общество, философия марксизма, виртуальная реальность.

Для цитирования: Орлов С.В., Дмитренко Н.А. Концепция постиндустриального (информационного) общества и марксистская философия в России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 131–138. DOI:10.25198/2077-7175-2019-3-131.

Introduction

Russian Marxist philosophers in the former Soviet Union usually asserted that there were a deep contradiction between the materialistic interpretation of history and the conception of post-industrial (information) society. Accordingly, the post-industrial society conception was of no use in Marxist research. In this connection it is worth mentioning a remark that D. Bell made in the introduction to his classical work “The Coming of Post-industrial Society”. Bell could not agree with a characteristic of his views as “anti-Marxist” and called himself post-Marxist because he used a lot of Marxist notions of society [2, p. XCI]. Further comments showed that the classic of post-industrialism rejected the conception of historical materialism – for example, in his idea of society as totality of three spheres (techno-economic system, political system and culture), where none of them determined the others [2, p. XCIX]. But in the XXI century the understanding of the important role of post-industrial conception in the studying of modern society development prevails in Russia. One of the pioneers of the new approach is a Russian economist Vladislav L. Inozemtsev [8]. A deeper analysis of modern society and theories of its nature becomes more convincing owing to the comparison of the post-industrial (or information) society conception and the traditional historical materialism ideas.

K. Marx is known to have written in the very beginning of “Capital”: “The wealth of those societies in which the capitalist mode of production prevails, presents itself as ‘an immense accumulation of commodities’, its unit being a single commodity” [10, p. 43]. Much the same situation is seen in modern information society: it presents itself as an immense accumulation of information, software products and various types of equipment which are used to process information. The main problem is to understand the laws of this new society development and to reveal the similarity and difference between this new type of society and the previous one.

The great changes, which the information society brings, touch upon all levels of being, with the deepest ones being included. First, it is possible to point out some changes at the ontological level of being, which have not been exactly realized yet. Second, there are deep changes at the level of human cognition and practice, in the ways of their understanding and their labor. And third, these changes bring to existence a lot of new phenomena in different spheres of ordinary life. The examination of these levels from the viewpoint of Marxist philosophy helps to explain some fundamental features of post-industrial, or information society.

The Level of Ontology

From the ontological point of view, we can ascertain that the firm basis of information society consists of such special phenomena as information, virtual reality, software, etc. Information had existed in nature before the appearance of humankind, but virtual reality and software arose only in the XX century. How can we interpret their connections with the traditional concepts of philosophy, namely those of matter, consciousness, ideal, evolution, human being? Can these new realities improve our understanding of fundamental philosophical problems? And it is important to analyze even more: do these new phenomena and events bring any essential changes into the objective reality itself? Do such changes demand at least a thorough study and evaluation?

Nowadays there exists a widespread opinion that information is a non-material, ideal phenomenon. This approach is popular especially among some researchers in the field of social information. On the one hand, it provokes some serious objections and, on the other hand, it stimulates to carry out a special analysis. That is the analysis of correlation between virtual reality and the basic structures of the material world. The social level of information processes is certain to be closely connected with human knowledge. But on the basic physical level information is described as a measure of arrangement and organization of material systems.

At the beginning of the XX century the main Russian follower of K. Marx, V.I. Lenin, politician and philosopher, analyzed the philosophical problems of a famous crisis in physics in his book “Materialism and Empirio-Criticism”. He gave the definition of “matter” as “a philosophical category denoting the objective reality which is given to human by his sensations, and which is copied, photographed and reflected by our sensations, while existing independently of them” [9, p. 131]. He proved that there was no other fundamental reality in the world except matter and consciousness, which had been already comprehended by great philosophers of Ancient Greece. This approach has preserved its value up to date. If information is non-material, it should be admitted that it is a spiritual, mental phenomenon. Hence the mental processes have to take place on every flash drive and compact disc when we record information on them. But modern psychology never finds out that a computer possesses any elements of psychics. Consequently, the resemblance of information and mental processes should be explained in some other way.

In my view, a modern attempt of information interpretation as a spiritual phenomenon is logically con-

nected with the technical and spiritual processes in post industrial (or information) society. There is, in fact, some crisis in the interpretation of matter and its interaction with consciousness (a new aspect of mind-body problem), which originates from qualitatively complicated mechanism of interaction between material and spiritual events. This modern crisis partly resembles the situation in physics at the beginning of the XX century mentioned above. At the same time the modern crisis is closely connected not with some scientific discoveries themselves, but with technical inventions which are based on these discoveries and produce a revolution in information technologies (computers, nets, software products, active content, etc.).

Overcoming the modern crisis can be achieved by defining the conceptions of matter and spirit more accurately and by comparing them with some new phenomena of scientific cognition (e.g. information, virtual reality, software products, active content), in which the interaction between matter and spirit appears to be most complicated.

There really exist some reasons for bringing together information, virtual reality, on the one side, and subjective reality, on the other. This problem can be examined better if software products are studied as a special form of reality.

The functions of the computer include a partial replacing of an ideal mental image by a software product in the processes of regulation and control in material production, while modeling the mental process at the material, even physical level. The software product becomes quite a new modification of artificial material phenomena. It provides for some new mechanism of interaction of material and ideal realities. The ideal image exists only on the material substratum, i.e. the human brain. While transmitting some functions of regulation and control to the computer, which uses software, a programmer creates a new material phenomenon, which seems to be a simplified material copy of an ideal mental image. Such an analogy of the mental image – the software product – begins to carry out some functions of the ideal mental image, but it differs from this image in the main point: any software belongs to material reality.

The degree of resemblance between software and the mental image can be defined by comparing their basic characteristics. The main features of the mental image are thought to be its *ideality* and *subjectivity*. While modeling these features of ideal mental images by means of material, physical processes, software acquires some resemblance with mental images. This resemblance can be summarized by means of the following new notions: *quasi ideality* and *quasi subjectivity* (Orlov S. V. 2013. P. 88–91).

Quasi ideality. The content of the mental image does not consist of characteristics of material substratum of thought (the brain), but of the characteristics of an external object which any individual recognizes.

Psychology explains the content of mental image not in the terms of its nervous substratum, but in the terms of external world. The software product is also created for the purpose of reflecting the characteristics of external objects and regulating machinery influence over them. Humans understand and explain the software product not in terms of dipoles and charged particles, but in terms of external world (as in case of human mind). So there is an important analogy between the mental image and the software product. But at the same time there is a great difference between them: the software product remains entirely a material, physical phenomenon. According to one of the most successful definitions, the ideal image is a way of existence of external object characteristics which are separated from their own natural substratum, namely the existence of these characteristics on the basis of a special universal material substratum (i. e. the human brain) [16, p. 12]. In computers producing virtual reality some kind of universal material substratum is also used, i.e. a data carrier. Any information which the individual possesses can be recorded on this carrier. Therefore it becomes possible to compare the data carrier as universal substratum, which can record information, with the human brain. But the universality of such a carrier is not absolute, in contrast to the universality of humankind and the human brain. The universality of the data carrier is provided by the universality of human cognition and their material labor activity. The programmer endows software with some superficial features of an ideal form of reflection, which no other material object possesses. The software product expresses the content of some other material substrates and some forms of human activity, keeps information about them, remaining an entirely material formation itself. It is simpler than the ideal images. It is a simplified physical model of an ideal human thought, that is to say a *quasi ideal* phenomenon.

Quasi subjectivity. Subjectivity of thought is its escape from outside observation, its existence only for the reflecting subject, its impossibility to be transmitted to any other subject. If the ideal phenomena are utterly subjective in their forms (but, certainly, not in their objective content), the software product possesses only some outward characteristics of the ideal image. It is inaccessible for human perception if some special equipment is not used. Its inner content is usually hidden and not observable for anybody except the programmer, who is able to use special codes. *Subjectivity* of the ideal image arises from the absolute impossibility of transmission this inner ideal image from the brain to any other substance. *Quasi subjectivity* of the software product results from some technical difficulties in decoding its inner material structure by an outside observer.

Thus the software product appears to be a qualitatively new class of material objects created by humans as a part of the so called “second nature” (“techno-

sphere”, “noosphere”) at the post-industrial stage of social progress. According to its functions and outer manifestations, the software product stands closer to human thinking than any other component of the material technical production system. The other components of the technical system (machinery) have to be coordinated with physical and even mechanical resources of humans while the software product ought to be coordinated with the potentialities of their psychics. Software makes longer the way from the ideal image to its materialization in the productive labor process, as well as any mechanical instrument made longer the way from the human hand to the subject of human labor at the dawn of civilization. Consequently, the ideal image, i. e. the goal of labor activity, materializes in the labor process not directly but through an intermediate stage – the software product, which controls the functions of machinery and seems to be a “thought-resembling”, quasi ideal, quasi subjective material image. Only owing to software product functioning, new classes of solvable theoretical and practical problems as well as some new spheres of labor activities have appeared. They are space exploration and nuclear energy, new systems of information control and transmission, online business, telecommuting, etc.

Virtual reality can be described as totality of special material structures and processes which are developed on the so called “matrix” of ideal, spiritual reality. This new form of objective reality possesses special qualities – quasi ideality and quasi subjectivity. Hence this reality is capable of modeling any spiritual, mental processes in more exact and detailed way than other well-known forms of matter can. Virtual reality is created by people as an artificial modification, a new sphere of objective reality, a material mediator, which

allows improving the influence of consciousness on matter. In the future the way of objective and subjective reality interaction development is supposed to consist in forming some mediatory links (structures). These links will express the content of the one reality with the help of the other in an increasingly correct way. They will form new opportunities in the sphere of more productive and complicated labor and advanced technologies. This process is not only the cognition of something which has already existed but also the formation of new levels of material and spiritual realities in human labor activities. In summary, it is an ontological process, the creation of a new, human-made form of matter.

The Level of Human Cognition and Labor

The basic changes in the relations between humans and nature in information society are illustrated in the scheme (figure 1).

The animal always influences nature directly by means of its body without any mediation. Man in ancient times influenced nature in the primitive labor process by means of a special mediator – primitive instruments (tools). Later on more complicated pieces of equipment appeared. These are machines and automatic equipment. Finally, in information society a new connective link between people and automatic equipment comes to existence – this is virtual reality, which consists of information, nets, information utility networks, software, etc. The computer labor becomes more complicated in comparison with the traditional forms of industrial labor, which does not involve such a specific component as the work with virtual reality. What is the essence of this new type of labor, so important for information society development?

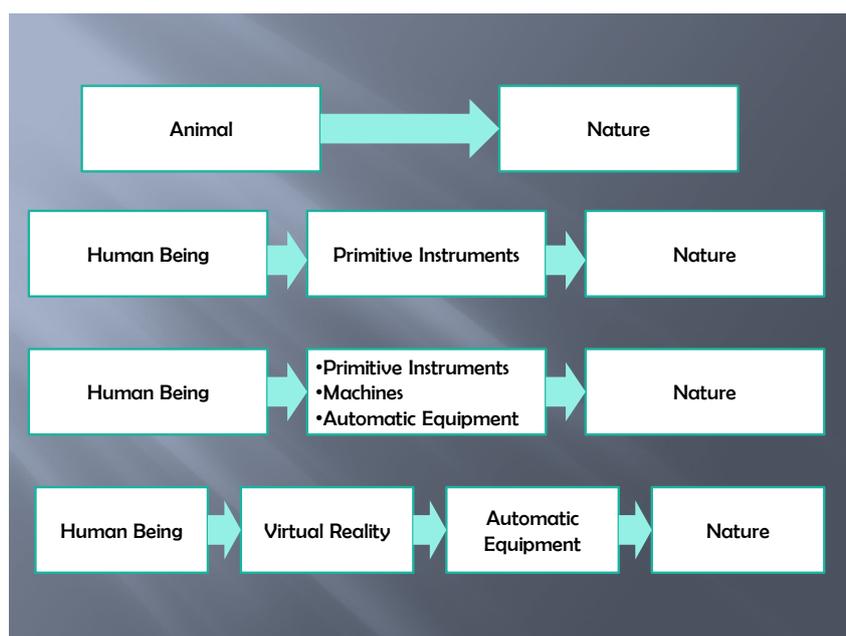

Figure 1.

The majority of Russian philosophers are of the opinion that in future society development mental labor will gradually take the place of manual labor. For example, according to the author of a famous monograph “Labor” Irina I. Changli, the labor in communist society is dedicated mainly to the production of knowledge [5, p. 49]. Well-known experts in the problems of modern capitalism Alexander V. Buzgalin and Andrei I. Kologanov assume that in post-industrial society manual labor is being replaced by a new phenomenon – creative power. The sphere of creative power lies ‘to the other side’ of material production sphere. A special kind of post-material activity is replacing traditional material labor and activity [4, pp. 55–138]. This trend of thoughts is similar to the approach of Yoneji Masuda, who wrote: “In the information society the leading structures will be *the intellectual industries*, the core of which will be the knowledge industries” [13, p. 31]. T. Dlugach (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences) considers that general work is “an integral creative labor which cannot be divided into mental and manual labor”, but at the same time she calls this kind of labor “general spiritual work” [6, pp. 23, 24]. These conceptions imply some kind of “dematerialization” of labor in the future.

But some philosophers of Marxist orientation have a different opinion. S. Sayers explains that labor process does not become “non-material” if a worker uses a computer to control technological processes. Their labor remains material and produces material results [18, pp. 43–483]. In Russia this idea is promoted, for example, in the works of Perm University School of materialistic philosophy. The main idea consists in recognition that not only worker’s labor remains material, but it is possible to consider programmer’s activity as a special new kind of material labor, which is neither manual nor mental in the traditional sense of these terms. According to this conception, computer labor which deals with the software product, is a modern type of a special kind of labor discovered by Karl Marx – general work [11, p. 530; 12, p. 86]. Marx described material general work as automatic labor, which uses science and new nature forces and gives great opportunities to develop the universal creative powers of humans (15, pp. 207–208]. The most complicated modern form of universal labor is computer labor, which consists in production of information [15, pp. 223–224]. In this case, information appears to be some material structure; it exists in the computer not in a mental, spiritual form, but as some regulation of fine structures (charged particles). They can be recognized by humans and then begin acting as a basis of some spiritual, non-material form of information and human knowledge. But the information in a computer, which is a material technical system, remains abstract material structures [15, p. 224], created by material particles. Software, records and active content are only some sequence formed by means of charged particles.

Thus computer labor can be qualified as a construction of abstract material structures. On the one hand, despite their microscopic dimensions these structures act in the labor process similar to any other component of the whole system of material equipment (tools). Abstract material structures consist of natural substances (charged particles) and they influence like special fine tools on a computer, then on transfer mechanism, on macroscopic machine tools and, finally, on the object of labor. On the other hand, the attribute of “abstractness” is a main difference between structures mentioned above and all other components of the working process. Machinery exists in many concrete, different forms because it corresponds to different laws of nature and technological processes which affect different objects of labor. Abstract material structures can regulate and direct any technological process and possess any information content. Hence the production and application of these structures become the universal type of labor – general work which is widely spread in the computer era and differs in its essence from all previous forms of labor.

An important difference between manual, mental labor and general work can be described by the comparison of their products. Thus a machine tool is a product of manual labor and it can act in the process of material production as a component of the whole system of machines. A book is a product of mental labor and also a material thing. But this thing cannot act as a part of material system of production, its value consists in the mental content which the book involves (and which can influence material processes only if humans materialize, embody this mental content by means of some machinery). In contrast to these two types of labor, software products, which seem to be a product only of mental labor, are used, in fact, as a fine tool, a material part of any modern production system. Software products can act in material-production sphere not only as a source of knowledge (as the book can), but as a material agent, a real part of the material production system. This capacity brings software products closer to a machine tool and makes the programmer’s labor a special new kind of material, although not manual labor. The previous forms of such labor were described in the XIX century by K. Marx as scientific, creative labor, which he called general work. This form of labor does not submit entirely to the laws of capitalist production.

The expansion of the universal type of labor – general work – in information society does not bring about any “dematerialization” of labor activity. The creation of a new form of material being – virtual reality, abstract material structures – has led to a broad extension of a new form of material labor which does not coincide with traditional manual labor. It has only formal resemblance to mental labor like the first previous forms of general work (universal labor) discovered by K. Marx had.

New Phenomena in Everyday Life

The creation of virtual reality gives birth to substantial, probably revolutionary changes in social consciousness and everyday life which have not been completed yet and therefore cannot be evaluated completely. These replacements are closely connected with a higher level of people informing and the availability of information, which changes the psychology of interpersonal contacts and, as a result, new channels of intercommunication among people appear. These channels form a modern type of personality with new characteristics of sense perception and abstract thinking, which demands special investigations by means of psychology, sociology, theory of culture and some other humanities.

The development of universal labor can stimulate some new processes in public life. The position of the traditional working class may undergo complex changes. At first sight the workers of manual labor are to some extent replaced by mental workers. But the Marxist approach demonstrates that general work which draws in more and more non-manual workers creates a large group of people who seem to be brain workers but, in fact, produce a special material product – software, abstract material structures, etc. This new ally of the traditional working class can use some special modes of class struggle with broad opportunities. For example, N. Dyer-Witheford writes “that capital, in developing its media apparatus, has let the genie out of the bottle...” [7, p. 248]. A multiplicity of social movements now is visible to everyone and begins to interconnect. “New information technologies therefore appear not just as instruments for the circulation of commodities, but simultaneously as channels for the circulation of struggle” [7, p. 248]. These changes in social class interaction are also a product of general work which operates with abstract material structures in material virtual reality.

There appear serious changes and challenges in new transformations of labor and the ways of personality development. In a popular Russian philosophical journal E. Agazzi wrote about degradation of various human abilities, with mental arithmetic one being among them. This degradation is deeply connected with using new equipment and technologies. “We must not ignore gaining general skills and abilities which are not directed to some concrete purposes but only makes contribution to the formation of an intellectually mature personality” [1, p. 15]. A question about

complicated relations between different historic forms of labor is put here. Russian philosophers mention that not only in mental sphere but in the sphere of manual labor and in interconnection of these forms of labor as well it is important to find some balance between its simple and complicated types. In the education process a tendency to ignore the simple forms of manual labor appears in Russian schools. Sometimes it is declared that in the computer age it is useless to teach children any manual work because people have to be ready for computer labor only. But investigations in psychology show that even in the information age simple forms of physical, manual labor remain important in general education and training. For example, the experiments with children show that simple manual labor helps them to achieve self-confidence and to meet the needs of creation [3, p. 159]. IT training appears to be more successful if children combine it with some other forms of activity: tasks with paperwork, realization of algorithms and group projects [17, pp. 601–605]. V.V. Orlov and T.S. Vasileva summarize this problem from the point of view of philosophy: “It is very difficult to form the abilities to material and mental activity without developing the ability to work *manually* – an initial form of labor, determined directly by the physical nature of humans. The development of these abilities allows them not only to reveal other abilities but even to accelerate their formation. The successful interaction of humans with a computer proves to be impossible without a well-developed hand because the ability to work mentally is based on the ability to work manually... Consequently, the main historic forms of labor have to be included into a modern system of humans training for labor” [19, p. 166]. Computer labor development initiates therefore deep changes not only in the production system but in the system of education as well.

Summary and Concluding Remarks

It is possible to conclude that the analysis of information society may be carried out with the help of Marxist methodology which includes studying the basic processes in the substance of the social system. The conceptions of computer labor as a form of material general work which operates with abstract material structures and the analysis of virtual reality as a special form of objective reality created by humans may explain the most important peculiarities of information society progress.

References

1. Agazzi, E. (2012) [The Idea of Society Based on Knowledge]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 10, pp. 3–19. (In Russ.)
2. Bell, D. (1999) *Gryadushee postindustrial'noe obshchestvo* [The Coming of Post-Industrial Society]. Moscow: Academia, 956 p.
3. Beloshistaya, A.V., Zhukova, O.G. (2008) [Manual Work Organization as the Way of Development of Child's motivation]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology]. Vol. 2, pp. 154–159. (In Russ.)

4. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. (2015) Global'nyy kapital: monografiya. V 2 t. Tom 2. Teoriya: global'naya gegemoniya kapitala i yeye granitsy («Kapital» re-loaded). Izdaniye 3 [Global Capital: monograph. In 2 vol. Vol. 2. Theory: Global Capital Hegemony and Its Limits (“Capital” Re-loaded)]. Moscow: LENAND. (In Russ.).
5. Changli, I.I. (2010) Trud. Sotsiologicheskiye aspekty teorii i metodologii issledovaniya: monografiya. Izdaniye 4 [Labor. Sociological aspects of theory and methodology of study: monograph. Ed. 4]. Moscow: TsSP and M, 608 p. (In Russ.)
6. Dlugach, T.B. (2015) Marks: vchera i segodnya [Marx: Yesterday and Today. Part II]. Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. Vol. 1, pp. 23–31. (In Russ.).
7. Dyer-Witheford, N. Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism: monograph. Available at: <http://www.fims.uwo.ca/people/facul-ty/dyerwitheford/index.htm> (accessed 30.01.2019).
8. Inozemtsev, V.L. (2000) Sovremennoye postindustrial'noye obshchestvo: yego priroda, protivorechiya i perspektivy [The Modern Post-Industrial Society: Its Nature, Contradictions and Perspectives]. Moscow: Logos, 304 p. (In Russ.).
9. Lenin, V.I. (1907) Materializm i empiriokrititsizm. Polnoye sobraniye sochineniy [Materialism and Empirio-Criticism. Complete Works]. Ed. 5. Vol. 18. Moscow: Progress Publishers, pp. 7–384. (In Russ.)
10. Marx, K. (1986) Capital. Vol. 1. Moscow: Progress Publishers, 767 p.
11. Marx, K., Engels, F. Economic Manuscripts of 1857–1858 (First Version of Capital) (1986). Collected Works. Vol. 28. Economic Works. 1857–1861. Moscow: Progress Publishers and International Publishers, pp. 5–561.
12. Marx, K., Engels, F. (1986) Economic Manuscripts of 1857–1858 (First Version of Capital). Collected Works. Vol. 29. Economic Works. 1857–1861. Moscow: Progress Publishers and International Publishers, pp. 5–550.
13. Masuda, Y. (1981) The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, DC: World Future Society, 171 p.
14. Orlov, S.V. (2103) Virtual'naya real'nost' kak novaya forma material'nogo bytiya. Filosofiya i gumanitarnyye nauki v informatsionnom obshchestve (setevoy zhurnal) [Virtual Reality as a New Form of Material Being. Philosophy and Humanities in Information Society (net journal)]. Vol.2. Available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnyye-nauki-v-informatsionnom-obshchestve-2013-02.pdf> (accessed 30.01.2019) (In Russ.).
15. Orlov, V.V., Vasileva, T.S. (2005) Filosofiya ekonomiki [Philosophy of Economics]. Perm: Izdatelstvo permskogo universiteta, 264 p. (In Russ.)
16. Orlov, V.V. (2012) Osnovy filosofii. V 2 chasti. Chast' 1: Obshchaya filosofiya. Izdaniye 5 [Fundamentals of Philosophy. In 2 parts. Part 1: General Philosophy. Ed. 5]. Perm: Permskiy Gosudarstvenniy Nacionalniy Issledovatel'skiy Universitet, 231 p. (In Russ.)
17. Rogozkina, I.B., Kushnirenko, A.G. (2011) PictoMir: Teaching Programming Concepts to Preschoolers with a New Tutorial Environment. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 28, pp. 601–605.
18. Sayers, S. (2007) The Concept of Labor: Marx and His Critics. Science and Society. Vol. 71, No. 4, pp. 431–483.
19. Vasileva, T.S., Orlov, V.V. (2011) Sotsial'naya filosofiya [Social Philosophy]. Perm: Permskiy Gosudarstvenniy Universitet, 352 p. (In Russ.)

Information about the authors:

Sergei Vladimirovich Orlov, Doctor of Philosophy, Professor of History and Philosophy Department, Saint-Petersburg State University of aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: orlov5508@rambler.ru

Nina Andreevna Dmitrenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of Language Studies Center, Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: nadmitrenko@corp.ifmo.ru

The paper was submitted: 10.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах:

Сергей Владимирович Орлов, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: orlov5508@rambler.ru

Нина Андреевна Дмитренко, кандидат педагогических наук, доцент, директор учебно-лингвистического центра, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: nadmitrenko@corp.ifmo.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2019; принята в печать 08.04.2019.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям: 05.22.01 – Транспортные и транспортно-технологические системы страны, ее регионов и городов, организация производства на транспорте; 05.22.10 – Эксплуатация автомобильного транспорта; 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности); 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика; 09.00.01 – Онтология и теория познания; 09.00.03 – История философии; 09.00.04 – Эстетика; 09.00.05 – Этика; 09.00.08 – Философия науки и техники; 09.00.11 – Социальная философия; 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры; 09.00.14 – Философия религии и религиоведение. Обзорная статья должна быть концептуальной, т.е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

УДК. На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

Заглавие статьи (на русском и английском языках).

Фамилии авторов, место их работы (название организаций) с указанием города и страны приводятся на русском и английском языках. Рекомендуемое количество авторов – не более трех.

Аннотация (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов.

В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость, направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

Ключевые слова (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

Благодарности (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

Основной текст статьи. Принимаются статьи на русском и английском языках. Основной текст статьи излагается в следующей последовательности:

– **Введение.** Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

– **Структурные части статьи, имеющие соответствующие заголовки.** Здесь раскрываются суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования.

– **Результаты исследования** (или иной заголовок структурной части статьи, отражающий полученные результаты исследования и их интерпретацию).

– **Заключение.** Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы.

Литература (References). Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15 научных источников. Рекомендуется не включать широко известные нормативные правовые акты, справочные и статистические материалы, ссылки на которые предпочтительнее оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов, а также работ, изданных за последние 5 лет.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008 и система Harvard system of referencing.

Аффилиация авторов (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

Вклад соавторов (по желанию авторов).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

Технические требования к оформлению статьи.

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx.

Шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал – 1,5 pt.

Выравнивание текста: по ширине.

Поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее – 1,5 см, нижнее – 2 см.

Графический материал должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi. Все графические материалы должны быть чёрно-белыми, полноцветные рисунки не принимаются.

К статье отдельным документом прикладывается сопроводительное письмо от авторов статьи, в котором они гарантируют, что представляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания.

Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 3, 2019

Ответственный секретарь – Т.П. Петухова
Верстка – Г.Х. Мусина
Корректурa – Ю.Р. Забирова
Перевод – В.А. Захарова
Дизайн обложки – И.В. Возяков

Подписано в печать 20.05.2019 г. Дата выхода в свет 13.06.2019 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,4. Усл. изд. л. 14,82. Тираж 1000. Заказ № 64.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфическом комплексе «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru